

Иван ТЕРНОВЫХ

**НАЧАЛО
КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ**

*Государственный центральный полигон
«Капустин Яр» (1954 - 1959 гг.)*

Москва
«Российский писатель»
2013

УДК 629.78

ББК 39.6 г

Т-24

Иван Терновых.

Т-24 Начало космической эры. Государственный центральный полигон «Капустин Яр» (1954 - 1959 гг.). М.: «Российский писатель». - 2013 г., 208 с.

ISBN 978-5-91642-095-1

Иван Васильевич Терновых - полковник в отставке, действительный член-корреспондент Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, Заслуженный испытатель космической техники, автор поэтических книг «Я – сын степи», «Жизнь многогранна», «Живу лишь небом и землёй», книг прозы «Тропинка в космос», «Записки инженера-испытателя».

Его новая книга «Начало космической эры» - о первых шагах отечественной космонавтики и о собственном опыте службы на Государственном центральном полигоне «Капустин Яр» (1954 - 1959 гг.).

Книга адресована самому широкому кругу читателей.

Автор выражает глубокую благодарность

Николаю Григорьевичу Прокопчику

за оказание действенной материальной помощи в издании этой книги.

ISBN 978-5-91642-095-1

© И.В. Терновых, 2013

© «Российский писатель», 2013

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Проходят годы, сменяются поколения, совершенствуется техника, эффективное использование которой было бы невозможно без наличия хорошо подготовленных специалистов.

В Государственном центральном полигоне, на астраханской земле обрело истинный смысл слово «ракетчик» – профессия мужественных, смелых, пытливых, любознательных, настойчивых и трудолюбивых людей.

Я очень горд тем, что принадлежу к этой гордой профессии.

Мои воспоминания, моя личная позиция и мой взгляд на историю создания и развития ракетно-космической техники, в которой я принимал личное посильное участие, посвящены вам и всем тем, кто самоотверженно трудился над созданием и испытанием первых ракетных и космических систем и комплексов.

Я думаю, что нет необходимости, рассказывать вам о той кропотливой, объёмной и трудной работе конструкторов, представителей промышленности и ракетчиков-испытателей, которая привела к великим достижениям нашей страны в середине прошлого века.

Наша великая родина была ведущей ракетно-космической державой. В основе её лидерства лежал беззаветный, бескомпромиссный творческий труд всего её народа. Её лидерство в этой области подтверждают такие непреложные факты, как: первый в мире спутник, первый полёт человека в космос, первый выход человека в открытое космическое пространство, первая женщина в космосе, первый космический аппарат направленный к Луне, полёт к Венере – это далеко неполный перечень фактов, подтверждающих лидерство нашей страны.

Многие образцы ракетно-космической техники были испытаны и получили путёвку в жизнь на полигоне «Капустин Яр». Здесь испытывались и испытываются большое количество разнообразных ракет малой и средней дальности, крылатых ракетных комплексов и ракет ПВО.

Здесь испытаны и получили «путёвку в жизнь» около двадцати ракетных комплексов, среди которых Р-2, Р-5, Р-5М, Р-12, Р-14 и другие.

По открытым данным, начиная с 1950-х годов, на полигоне проведено, как минимум, 11 ядерных взрывов (на высотах от 300 метров, до 5,5 километров), суммарная мощность которых составляет примерно 65 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму.

Кроме ядерных испытаний на полигоне Капустин Яр было взорвано 24 тысячи управляемых ракет, испытано 177 образцов военной техники, уничтожено 619 ракет средней дальности.

Нам есть чем гордиться и есть что рассказать потомкам. Мы жили и трудились в суровое время. Трудная была у нас служба. Покоя у нас не было. Да мы и не искали его. Наша солдатская судьба — идти навстречу трудностям и опасностям, в совершенстве овладевать новейшей техникой, поднимать выше боевую мощь страны.

Наши первые шаги в этом направлении увенчались успехами.

Самым строгим судьёй для нас была наша любимая Родина. Мы своё слово, данное ей в присяге, сдержали с честью, выполнили все свои обязательства.

Родина дала нам всё — жизнь, силу, молодость, солнечный свет, золотой разлив хлебов, белую кипень садов, радость вдохновенного труда и счастье любви.

В ответ на это мы служили ей верой и правдой, были и остались её преданными сынами, никогда и нигде не поступались любовью к ней, к её материнскому доверию.

Полигон «Капустин Яр», которому я отдал свои юношеские годы, был и остаётся кузницей высококлассных технических специалистов, которая внесла неоценимый вклад в могущество, силу и независимость нашей Родины.

У ракетчиков почти всех поколений лейтенантская юность, так или иначе, связана с полигоном «Капустин Яр». Это они создавали Историю первых шагов Человечества по пути в Космос. Несмотря на огромные послевоенные трудности наша страна, наш великий народ смогли первыми в мире проникнуть в Космос, совершив великий подвиг во имя мира на Земле.

Это третья по счёту книга прозы, посвящена вопросам создания и совершенствования отечественной ракетно-космической техники, укрепления обороноспособности страны, самоотверженности и беззаветной преданности Родине со стороны нашего поколения, открывшего начало космической эры и заложившего серьёзный запас прочности стране на многие годы.

*«Всегда вперёд, не останавливаясь, вперёд.
Вселенная принадлежит человеку».*

К. Э. Циолковский

Глава 1. ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1.1. «Оружие возмездия»

Всё дальше уходит от нас победный май 1945 года, когда весь мир узнал, что фашистская Германия повержена, что советские войска разгромили её мощную армию и спасли от порабощения и уничтожения не только советский народ, но и народы европейских государств, варварский акт над которыми планировали осуществить руководители немецкого государства путём применения «оружия возмездия».

Главным конструктором этого «оружия» являлся молодой немецкий учёный Вернер фон Браун, который 27 июня 1934 года в результате работы в области реактивного движения, защитил диссертацию (ему было всего 23 года) и местом продолжения своей научной работы по созданию ракет он в 1935 году избирает местечко Пенемюнде. Избранное им место в 1937 году имело всего 90 сотрудников, а позже оно превратилось в ракетный центр и полигон по испытаниям ракет, в котором работало свыше 15 тысяч человек. Здесь в процессе выполнения научных работ, направленных на создание оружия для ведения войны, командой Вернера фон Брауна была создана баллистическая ракета А-4 (ФАУ-2) – «Фергельгунгсваффе», что в переводе на русский язык означало «оружие возмездия». По указанию немецкого верховного командования первоначально ракета А-4 предназначалась для обстрела английской столицы - Лондона.

Надо сказать, что кроме команды Вернера фон Брауна над созданием этой ракеты работало более тридцати исследовательских институтов Германии, а в центре Пенемюнде, как уже было отмечено выше, трудились тысячи рабочих, инженеров, учёных высокой квалификации.

Разработанная ими ракета имела дальность полёта около 300 километров и могла нести на себе тротиловый заряд весом в одну тон-

ну. Конечно же, эта ракета имела ряд недостатков, часто не достигала цели, и немцы, терявшие на фронтах войны своё преимущество, стремились создать более надёжную ракету, которая была бы действительным возмездием для воюющих против Германии сторон: Англии, Франции, США и, конечно же, Советского Союза.

Ещё в 1938 году, наряду с созданной ракетой А-4, в Пенемюнде начались работы по проектированию более мощной ракеты А-5. Руководители Германии, развязав войну против СССР, торопили команду фон Брауна, требуя от неё завершения создания нового оружия в короткие сроки.

Уже в мае 1942 года в Германии начался серийный выпуск крылатой ракеты ФАУ-1 (самолёт-снаряд), созданной в конструкторском бюро фон Брауна и представлявшей собой небольшой самолёт, взлетающий с пусковой площадки при помощи струи пара высокого давления, либо сбрасывались с летящего самолёта. Боевой заряд, который несла на себе эта ракета на дальность 240-280 километров, весил 800 килограммов, но это было взрывчатое вещество «триален», мощность взрыва которого в два раза превышала мощность взрыва тротила. Эту ракету (самолёт – снаряд) немцы называли большой удачей, так как она представляла собой недорогое боевое оружие, производимое серийным способом. Она предназначалась в первую очередь для бомбардировки территории Англии. Немцы предполагали направить на Англию большое количество этих ракет, но своевременные бомбардировки союзников Пенемюнде и других мест производства ракет помешали этому плану. Если бы немцы обеспечили эту намеченную ими цифру применения против Англии ФАУ-1, то война на западе союзниками была бы проиграна, потому что надо было бы проводить массовую эвакуацию жителей Лондона, морские порты Англии были бы разрушены, операцию по высадке войск союзников в Европе пришлось бы отложить на неопределённое время. Таким образом, оружие ФАУ-1 играло значительную роль в войне до последнего часа великой европейской битвы. В ходе войны из выпущенных по Англии ракет ФАУ-1 достигли районов цели около 2500 и ущерб, нанесенный ими, был относительно небольшим. Всего обстрел Лондона этим видом ракет с 12 июня по 1 сентября 1944 года погубил 7810 человек (из них 1950 лётчиков).

Образцы ракеты ФАУ-2 ещё только создавались. Но над созданием этого типа ракеты немцы активно работали. Среди немецких специалистов в то время работал видный русский инженер, старик - эмигрант. В июне 1941 года он активно начал снабжать советских

агентов материалами исключительной ценности. Он сообщил, что на острове Пенемюнде создан мощный научно-исследовательский центр, занятый уже «доводкой» нескольких видов нового и чрезвычайно опасного оружия, носящего обозначение «ФАУ» (от Vergeltung – мщение) и что оно уже почти готово. Но до конца 1942 года лондонский объединённый штаб союзного главного командования не интересовался известиями о новом мощном немецком оружии.

Первая попытка запуска немцами ракеты А-4 в мае 1942 года вызвала у них большое разочарование. Ракета опрокинулась и взорвалась непосредственно на старте. Вторая ракета на 36-й секунде полёта отклонилась от курса и упала в полтора километрах от старта. Запуск третьей ракеты в августе 1942 года закончился также неудачно, она разрушилась на траектории в воздухе. Эти неудачи заставили Вернера фон Брауна и его команду провести на ракетах ряд доработок, особенно эти доработки касались системы управления ракеты. После проведения доработок 3-го октября 1942 года на Пенемюнде была запущена четвёртая ракета А-4. На этот раз полёт ракеты был нормальным: достигнув высоты 85 километров, она упала на Землю на расстоянии 190 километров от старта. Спустя некоторое время, немецкое верховное командование одобрило план применения ракеты А-4 против воюющих с Германией стран и количество производимых немцами ракет А-4 резко возросло. 8 сентября 1944 года в 18 часов 38 минут немецкие ракетные части совершили из Голландии боевой пуск против Англии первой в мире одноступенчатой баллистической ракеты А-4 (ФАУ-2). За всё время войны немцами по Англии было выпущено около 3200 ракет ФАУ-2, причём только по Лондону из них было пущено 1561 ракета.

В последней фазе войны ещё около 2000 этих ракет ими было выпущено по городам Антверпен, Брюссель и Льеж.

К концу 1944 года командой Вернера фон Брауна была уже разработана межконтинентальная двухступенчатая ракета А-9\А-10 с дальностью полёта 5000-7000 километров. Было даже проведено несколько опытных пусков этих ракет, последний из которых был осуществлён 24 января 1945 года. Немецкое командование намеревалось применить эту ракету в первую очередь против США, чтобы уменьшить степень их участия в войне против Германии и тогда немецким войскам будет легче справиться с армиями СССР и Англии. Вернер фон Браун заявил тогда, что задача создания межконтинентальной ракеты немецкими конструкторами практически решена, и что есть ещё время для осуществления возмездия.

В связи с этим немцы 30 ноября 1944 года проводят операцию под названием «Эльстер», заключающуюся в доставке на побережье США в подводной лодке двух человек: Эриха Гимпеля и Ульяма Колнича с задачей установки там радиомаяков для наведения по ним ракет А-9\А-10.

Пуск ракеты по этим радиомаякам немецкими специалистами был осуществлён, но каков был результат, сведений у нас по ним нет.

Но имеется другой исторический факт, говорящий о том, что с подводной лодки, которой командовал капитан-лейтенант Штейнхер, немцами была запущена ракета Х-11. Эти факты свидетельствуют о том, что немцы с помощью ракет вели научные работы по многим направлениям и достигли по некоторым из них определённых результатов. Но провести по этим результатам испытания и получить в результате качественную продукцию у них уже не было времени.

Академик В.П. Глушко, оценивая созданную немцами ракету ФАУ-2, как научно-технический объект, сказал: «По своим техническим характеристикам ракета А-4 была уникальным научно-техническим достижением, никто в мире даже близко не подходил к реализации такой мощной ракеты».

И если в военном отношении ракета А-4 практически не оказала чрезвычайного влияния на ход войны, то в научно-техническом плане её создание стало выдающимся достижением немецких специалистов, получивших признание у специалистов всех стран, впоследствии создававших ракетное вооружение.

Создание конструкции самой ракеты А-4 и промышленной структуры для её производства стало мощным катализатором для развития фундаментальных и прикладных наук.

Эту истину своевременно поняли американцы, которые наяву увидели колоссальное отставание своей Америки в области ракетостроения и других областях. Их главной задачей становится теперь воспроизведение результатов, достигнутых немецкими конструкторами. В конце войны в их распоряжении оказался научно-инженерный и руководящий состав немецкого ракетного проекта во главе с генерал-лейтенантом Вальтером Дорнбергером и штурмбанфюрером СС Вернером фон Брауном. Поэтому они в срочном порядке и в строжайшей секретности вывозят в США около 500 немецких специалистов в области разработки ракетной техники, а также богатейшие технические архивы, в том числе чертежи и разработки новейших ракет от А-5 до А-10, а также двухступенчатый вариант МБР А-9\А-10.

Все сведения по проведенным немцами экспериментальным пус-

кам и около сотни готовых к применению ракет А - 4 оказались в руках американцев. Много разрозненных блоков ракет, узлов и агрегатов было вывезено американцами из Германии. Всего было доставлено в США более 300 вагонов с агрегатами и деталями ракеты А-4. На их основе они смогли произвести первый пуск ракеты с подводной лодки «Каск» ещё 12 февраля 1947 года, а первая из ракет А-4s, доставившая научную аппаратуру для регистрации космических лучей на высоту 112 километров, была запущена ими 10 мая 1946 года.

Чтобы осуществить задуманный акт возмездия немецкие учёные активно работали и над повышением мощности зарядов из обычного взрывчатого вещества, а с осени 1938 года постоянно разрабатывали и совершенствовали ядерные заряды с использованием урана 238 и урана 235.

Создавалось мощное оружие, которое могло стать «оружием возмездия» и могло быть применено в первую очередь против СССР и, конечно, против США и Англии.

К счастью усилия немецких учёных не увенчались полным успехом. Частично они нанесли определённый урон Англии, но май 1945 года прервал создание страшного разрушительного оружия.

В результате победы это оружие стало, в какой-то степени, доступным для советских специалистов, так как полигон Пенемюнде перешёл в руки советских войск. К сожалению, наши специалисты немного опоздали.

Уже в апреле 1945 года немецкое командование во главе с командиром армейского корпуса ракетного оружия группенфюрером СС Гансом Кимлером под руководством американских командиров эвакуировало с полигона всё оборудование и специалистов-ракетчиков в район Нордхаузен в Тюрингии.

В распоряжении США оказалась вся элита немецкой авиационной и ракетной науки и техники во главе с техническим директором Ракетного центра в Пенемюнде Вернером фон Брауном и руководителем Ракетного центра в Пенемюнде Вальтером Дорнбергером.

1.2 Американцы опередили!

Поблизости от города Нордхаузена находился огромный немецкий подземный ракетный завод и концентрационный лагерь «Дора». Здесь всё оборудование и документация, вывезенные с полигона Пенемюнде, а так же техническая документация и оборудование этого

подземного завода и даже семьи специалистов-ракетчиков были погружены в железнодорожные вагоны и платформы и переправлены в район «Альпийской крепости». Основные специалисты-ракетчики во главе с главным конструктором Вернером фон Брауном и генералом Дорнбергером были размещены здесь в фешенебельном отеле. Подземный ракетный завод был оставлен ими на произвол судьбы. Завод был оборудован в горе Конштайн, в четырёх километрах северо-западнее города Нордхаузена. В этой горе были проделаны два железнодорожных тоннеля, от каждого из которых перпендикулярно отходили штольни. В каждой штольне размещались цеха и лаборатории. Всего цехов насчитывалось более 40. В цехах работали свыше 10 тысяч высококвалифицированных немецких рабочих. Рядом с ними на подсобных работах трудились около 40 тысяч заключённых немцев и военнопленных различных национальностей.

Вся эта масса людей выпускала на заводе крылатые ракеты ФАУ-1, баллистические ракеты ФАУ-2, опытные межконтинентальные двухступенчатые ракеты А-6\А-9 (преимущественно для нанесения ударов по США), зенитные ракеты и целый ряд ракет оперативного назначения для сухопутных войск, ракеты для восьмиствольного миномёта, ракеты типа наших М-30 («Катюша») и др.

Уже в начале 1945 года американцы начали вывозить документацию по ракетному оружию и ракетное технологическое оборудование, а так же наиболее известных немцев-ракетчиков в район города Бад-Киссинген, которых временно расселяли в отелях города и близлежащих лагерях. Чуть позже они стали проделывать это и в районах Германии, отошедших в ведение советских войск, вывозя немецких специалистов под видом «военных преступников».

1.3. Сбор того, что осталось

Советское командование спохватилось, но что можно было вывезти ценного, в основном было вывезено американскими военными. Нашим советским специалистам была поручена нелёгкая задача — собирать всё, что могло в какой-то степени относиться к ракетной технике: оборудование и особенно документацию по ней.

Руководителем советских специалистов, направленных с этой целью в Германию, являлся генерал П.А. Дегтярёв. Он сгруппировал прибывших специалистов в три группы. Группе, возглавляемой гене-

ралом А.Ф. Тверецким, было поручено проводить сбор непосредственно в Тюрингии, территория которой находилась в ведении американцев; группе генерала Л.М.Гайдукова — в районе города Берлина; группе генерала А.И.Соколова — в районе полигона Пенемюнде.

Часть наших специалистов проникла в город Бад-Киссиген и увидела, что всё вокруг было заполнено немецкими специалистами-ракетчиками. Американцы устроили среди них отбор по технической квалификации. Отбирали самых грамотных из них. Руководители наших групп в этой связи разрешили нашим специалистам проводить среди немцев агитацию по переходу на службу или работу к нам в СССР. Кое-кого удалось сагитировать.

Наряду с агитацией немецких специалистов представителям наших групп с большим трудом, но удалось уговорить американского коменданта города Зондерсхаузена и получить у него разрешение на занятие лагеря около деревни Берка. Расположившись в этом лагере, наши специалисты не преминули установить контакты с американскими офицерами, ведавшими сбором и отправкой немецкой ракетной техники в США, которые в определённой мере делились с нашими специалистами собранной ракетной техникой и частично документацией. Всю собранную и полученную от американских офицеров ракетную технику и документацию наши специалисты стали сосредоточивать в лагере Берке.

Одна из групп наших специалистов решила добраться и до «Альпийской крепости». Членам этой группы «посчастливилось», и они посетили местечко Оберойхе и высокогорный курорт Хинденлаич, где увидели раненого генерального конструктора Вернера фон Брауна с загипсованной рукой, генерала Дорнбергера и ряд ведущих немецких учёных в области ракетостроения.

Но раздобыть что-нибудь из образцов техники и, тем более документации, здесь группе не удалось, так как эта зона очень строго охранялась специальными американскими подразделениями.

Другой же группе посчастливилось, и она в учебном центре Бад-Захсе нашла полтора комплекта стартового оборудования и комплект документации по подготовке и пуску ракеты ФАУ-2.

Как рассказывали потом участники этой группы, они в течение ночи на машинах, шоферами которых были немцы, перевезли всё это богатство в лагерь Берке.

Теперь, имея комплект документации и оборудования, наши специалисты организовали из своего состава «фойеркоманду» (стартовую команду) и стали изучать документацию, переводить её на рус-

ский язык, изучать технику и тренироваться в проведении подготовки к пуску ракеты ФАУ-2.

К этому моменту прошла Потсдамская конференция, которая разделила город Берлин на четыре сферы влияния, на четыре зоны. Советской стороне передали Тюрингию, в которой находился упомянутый выше лагерь Берке. В этот лагерь для охраны собранной нашими специалистами немецкой ракетной техники прибыл личный состав 92-го гвардейского миномётного полка (ГМП).

Вскоре в Германию прибыла и высокопоставленная государственная комиссия во главе с заместителем министра по вооружению В.М.Рябиковым. В составе комиссии прибыл и маршал Н.Д.Яковлев.

Генерал А.Ф.Тверецкий попросил разрешения у председателя комиссии произвести и продемонстрировать для членов комиссии имитацию подготовки к пуску ракеты ФАУ-2 составом членов своей группы.

В.М.Рябиков разрешил, и комиссии был осуществлён показ объёма подготовки и имитация пуска ракеты.

Показом комиссия осталась довольна.

1.4. Организационные моменты

Через месяц после отъезда комиссии из Германии вышло Постановление Верховного Совета СССР от 13 мая 1946 года, подписанное Председателем Совета Министров И.В.Сталиным и управляющим делами Совета Министров СССР Я.Е.Чадаевым.

Этим Постановлением в СССР создавались: промышленность по ракетостроению; Специальный комитет по реактивной технике при Совете Министров СССР; 4-ое Главное управление по ракетному вооружению при Министерстве обороны СССР; конструкторское бюро (ОКБ-1) по ракетам (в Подлипках); Государственный центральный полигон; бригада особого назначения (БОН) РВГК.

Наши специалисты, находившиеся в Германии под командованием генерала П.А.Дегтярёва, организовали институт «Нордхаузен» для обучения офицеров и представителей промышленности ракетной технике. Начальником института был назначен генерал Л.М.Гайдуков, а главным инженером – С.П.Королёв, заместителем главного инженера – Б.Б.Черток.

Все специалисты стали изучать немецкую ракетную технику.

В октябре 1945 года в районе Куксхаузена американцы и англичане

организовали силами немецких ракетчиков пуск ракеты Фау-2. Здесь нашим специалистам посчастливилось увидеть подвижный ракетный комплекс, смонтированный немцами на железнодорожных платформах и вагонах. Этот комплекс поразил наших специалистов, так как он состоял из бронированного вагона с аппаратурой для пуска ракеты, железнодорожного установщика ракеты с пусковым столом и ракетой Фау-2, заправочных цистерн окислителя и горючего с насосными установками, вагона с компрессорной станцией, вагонов - лабораторий по испытанию приборов системы управления и элементов парогенератора и двигательной установки, вагона с вычислительной техникой и кинотеодолимами, фотолаборатории, спальным вагоном с двухместными купе для «фойеркоманды» и обслуживающего состава, вагона-ресторана - столовой для личного состава.

И наше советское военное командование не растерялось, а тут же заказало в счёт репарации два таких подвижных железнодорожных комплекса для ракет Фау-2, которые были названы «специальными поездами». Один специальный поезд после изготовления был направлен в Подлипки (тогда город Калининград Московской области) С.П.Королёву, а другой был предназначен создаваемому в Астраханской области близ села Капустин Яр ракетному полигону.

В институте «Нордхаузен» офицеры группы А.Ф.Тверецкого вместе с представителями промышленности начали детальное изучение системы управления ракеты Фау-2.

Благодаря тому, что электрическая схема системы управления ракеты была хорошо построена и отлажена, порядок её работы быстро запомнился. Инерциальная система управления состояла из небольшого количества высокоточных гироскопических приборов: гироскопа, гировертиканта и интегратора. Электрическая схема ракеты имела координатную сетку, которая обеспечивала быстрое прохождение сигнала в схеме требуемой цепи, требуемого элемента.

Американцы и англичане, используя немецкую «фойеркоманду» произвели первый пуск ракеты Фау-2 в 1945 году, а в 1946 году уже сами американцы непосредственно в США произвели более 70 пусков вывезенных из Германии ракет Фау-2.

Наши специалисты организовали в Германии сборку ракет из тех элементов, которые им удалось отыскать и заполучить. Процесс сборки увенчался некоторым успехом, потому что удалось собрать около 25 ракет Фау-2, которые после сборки были отправлены в Подлипки, Московской области.

1.5. Формирование БОН и передислокация в СССР

13 мая 1946 года в Германии, в деревне Берке, генерал-майору А.Ф.Тверецкому было приказано начать формирование первого ракетного соединения – бригады особого назначения (БОН) РВГК, командиром которой он и был назначен. В эту бригаду вошли все офицеры той группы, которые собирали ракетную технику и документацию в Тюрингии. Кроме членов этой группы в БОН вошли и офицеры 92 ГМП.

Бригада по составу включала в себя четыре дивизиона: 1-й стартовый, по подготовке и пуску ракет; 2-й – технический, по испытаниям ракет в горизонтальном положении; 3-ий - топогеодезического обслуживания; 4-й – обслуживания (подвоза и хранения ракет и ракетного топлива); батальона охраны.

Местом дислокации БОН был выбран лагерь в одном километре от железнодорожной станции и деревни Берке. Здесь сосредоточивалась вся собранная немецкая ракетная техника и документация и хранилась до отправки в Советский Союз. Офицеры бригады жили в деревне Берке и городе Зондерхаузене.

В начале 1947 года два заказанных специальных поезда были изготовлены и бригада особого назначения получила приказ на передислокацию в Советский Союз.

Сергей Павлович Королёв к этому времени сформировал группу «Выстрел» из специалистов промышленности, к которой была присоединена группа завербованных немецких специалистов-ракетчиков во главе с Гельмутом Гретрупом.

Получив приказ на передислокацию бригады, генерал-майор А.Ф.Тверецкий организовал разборку щитовых бараков в концлагере «Дора», которые наряду с собранной техникой погрузили на железнодорожные платформы. Было разобрано, погружено и отправлено в СССР 20 таких бараков.

Доставленные в Советский Союз материалы по ракете ФАУ-2 были строжайше засекречены, что очень затрудняло потом подготовку формируемых первых ракетных бригад.

Выше уже было сказано о том, что 13 мая 1946 года был поставлен вопрос о создании в СССР полигона для испытаний ракетного оружия. Поэтому одновременно с формированием бригады особого назначения РВГК в СССР начался поиск места для строительства полигона.

Глава 2. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОЛИГОНА (ГЦП)

2.1 Трудности создания полигона

Поиск места для строительства полигона было поручено бригаде, возглавляемой генерал-майором В.И.Вознюком.

В начале изысканий эта бригада в качестве места для строительства ракетного полигона предложила использовать работавший в то время полигон Наркома боеприпасов Б.Л.Ванникова, расположенный на Таманском полуострове. Здесь имелись производственные помещения, жилые дома, водопровод, электроэнергия, то есть, было в наличии готовое хозяйство. Полигон в это время проводил испытательные работы по самолётам-снарядам конструкции В.Н.Челомея.

Вопрос о месте строительства ракетного полигона практически уже был решён. Но, вмешался его величество непредвиденный случай, отменивший благие намерения комиссии.

Надо же было такому случиться, что накануне утверждения найденного места, как места для строительства ракетного полигона, один из самолётов-снарядов при пуске сбился с заданного курса и упал на кладбище на окраине большого города.

Об этом доложили И.В.Сталину и тут же начали докладывать о том, что полигон на Таманском полуострове, как нельзя лучше подходит для места строительства ракетного полигона. Сталин перебил докладчика и сказал: « Это неподходящее место. Рядом расположены крымские курорты, большое скопление людей. Можете ли вы ручаться, что ваши ракеты не упадут завтра на наши здравницы, как сегодня они падают на кладбище? Полигон надо создать где-то здесь...» Подойдя к столу, на котором была разложена карта, он ткнул красным карандашом в левобережье реки Волги южнее Сталинграда.

Вопрос о месте создания ракетного полигона был решён в одно мгновение.

В результате проведения последующих поисковых изысканий в астраханских степях наиболее подходящим местом для создания ракетного полигона был признан район возле села Капустин Яр, Астраханской области.

Постановлением Совета Министров и ЦК ВКП(б) №2642-817 этот район был утверждён, как место дислокации Государственного Центрального полигона (ГЦП) Министерства обороны СССР под названием «Капустин Яр». Этим же постановлением генерал-майор В.И.Вознюк был назначен начальником полигона.

Он тут же выезжает в Германию, разыскивает там своих гвардейцев, которые под его командованием прошли всю войну, поражая немецких захватчиков «катюшами» на разных фронтах и встретили победу на территории Австрии.

На свой теперь полигон в район села Капустин Яр он с первыми офицерами вернулся 20 августа 1947 года. Военным комендантом полигона был назначен подполковник Пышкин.

Неизмеримо трудно было создавать в практически безжизненной астраханской степи полигон, счастьем в которой представлялась однокорейная железнодорожная ветка, проложенная от населённого пункта Верхний Баскунчак до населённого пункта Красная Слобода в период Сталинградской битвы. Поселились первопроходцы генерала Вознюка в палатках, в голой степи, покрытой кустиками полыни и верблюжьей колючки, среди которых изредка попадались рогачка и молочай.

Земля от жары постоянно была в трещинах. В течение лета здесь практически не было дождей, и температура воздуха менялась от +27 до +40 градусов по Цельсию. Всё кругом выгоревшее и одинакового бежевого цвета. Всё вокруг казалось мёртвым. Даже собаки в селе не лаяли от жары

Но вслед за августом наступившей осенью непрерывно шли дожди, и грязи повсюду было предостаточно. Дороги, наезженные до прибытия первопоселенцев и представлявшиеся пылевыми подушками, езда по которым образовывала километровые шлейфы пыли за движущимся транспортом, теперь превращались в сплошное месиво, езда по которому была непредсказуемой.

В таких условиях разместились на территории будущего полигона его первопоселенцы. Их местами жительства были палатки и землянки. В какой-то степени их выручили те бараки, которые офицеры генерала Тверецкого разобрали в концлагере «Дора» и отправили по железной дороге в адрес полигона «Капустин Яр».

Воды питьевой не было. Её привозили за много километров с реки Ахтубы.

Семейные офицеры со своими семьями с большим трудом были

расселены по сёлам и хуторам, в радиусе 60 километров, в домах и летних саманных кухнях у местных жителей.

Раньше жители села Капустин Яр летом дружно выезжали в степь, на имевшиеся в их личном ведении хутора. В хуторах было всё их хозяйство: огороды, поля, скот. На земельных участках вырастали невероятные урожаи овощей и бахчевых культур. Каждая сельская семья имела свой достаток. В озёрах и реках в больших количествах водилась рыба, которая была ощутимым и надёжным подспорьем в питании жителей села.

С появлением военных всё вокруг изменилось. Жители перестали выезжать на свои хутора, так как они попали в зону отчуждения. Сельская молодёжь стала устраиваться на работу к военным.

Выручали первопоселенцев и сельских жителей полученные по ленд-лизу машины, двойные американские палатки, а в питании – американские тушёнка, колбаса в банках, яичный порошок.

Начальник полигона генерал В.И.Вознюк вспоминал: «Надо отдать должное офицерам и их семьям, которые прямо после тяжёлой войны, не успев отойти от пережитых трудностей, приехали в район с тяжёлыми климатическими условиями – голую степь, где не было ни жилья, ни продуктов, ни воды. Гарнизон полигона представлял собой тогда большой палаточно-барачный лагерь. В минимальный срок из имеющих только боевой опыт офицеров гвардейских миномётных частей нам удалось создать ГЦП МО и бригаду особого назначения РВГК».

Это были золотые кадры, закалённые в боях за Родину, для которых Родина и работа по укреплению её обороноспособности были превыше всего.

2.2. Роль БОН в жизни полигона

Большую роль в жизни полигона в то время играл личный состав БОН. Офицеры этой бригады, опираясь на помощь завербованных немецких специалистов, перевели на русский язык всю документацию по подготовке ракеты, в том числе и график подготовки ракеты к пуску.

Документацию для 1-го стартового дивизиона переводили и разрабатывали офицеры: по электроогневому отделению – Н.Н.Орлов, П.Е.Киселёв, Г.В.Дядин, В.Я. Болмотков, Н.В.Карельских, В.А. Кузовкин; по заправочному отделению – И.С.Беляев, А.А. Фёдоров;

по подъёмно-транспортному отделению Г.Л.Анисенко, Н.А.Кулепётов, А.А.Башмаков; по двигательному отделению – П.П.Веремёнко, К.А.Обухов, А.А.Башмаков; по приборам прицеливания – Е.И.Зимин, П.П. Яцюта.

По проверке ракеты на технической позиции в горизонтальном положении документация переводилась и разрабатывалась офицерами: Б.А. Комисаровым, В.А.Бавриным, В.В. Кастальевым, В.И.-Меньшиковым, Я.И. Трегубом, Г.И.Иоффе, А.И.Носовым, И.И.Шубравым.

Бригада особого назначения уже была готова произвести пуск ракеты ФАУ-2, но её личный состав занимался оборудованием стартовой и технической позиций. Уже на третий день после их приезда на полигон, в десяти километрах от села Капустин Яр, на 1-ой площадке, в балке Смыслина, началось строительство стенда для огневых испытаний двигателя ракеты А- 4 (ФАУ-2) и бункера.

За сравнительно короткий срок были сооружены и оснащены уникальным оборудованием: стенд для прожига двигателей ракет, техническая позиция с деревянным монтажным корпусом и хранилищем ракет, стартовая позиция с бетонным покрытием и аппаратами для машины пуска, релейной машины, компрессора, электростанции «Феномен».

В первую очередь для личного состава БОН предстояла работа по прожигу двигательной установки ракеты на стенде. Оборудование, установленное на стенд, было вывезено из Германии (из местечка Лестен). Оно позволяло в процессе прожига измерять величину тяги двигателя, давление в камере сгорания двигателя и в магистралях компонентов топлива, контролировать работу системы управления ракеты – разворот ракеты по заданной программе, проверять работу гироскопических приборов системы управления.

Первый прожиг двигателя ракеты на построенном стенде увенчался успехом. Следующим этапом для личного состава полигона было проведение пуска ракеты ФАУ-2.

2.3. «Открытие эры освоения космоса»

Полигону предстояло сделать первый и самый ответственный шаг – подготовить своими силами и произвести пуск ракеты, каждая деталь которой прошла через руки многих специалистов поли-

гона, прежде чем стать единицей в сложном техническом совершенстве, созданном умами людей. И это «техническое совершенство» ожидало своей пусковой участи из рук офицеров БОН.

Приказом начальника полигона в первом пуске ракеты на территории полигона должны участвовать офицеры: Н.И.Смирницкий, П.Е.Киселёв, Я.И.Трегуб, Г.В.Дядин, Н.В.Карельский, В.Я.Болмотков, В.А.Кузовкин, Е.И.Зимин, Г.Л.Анисенко, П.П.Веремеенко, А.А.Башмаков, И.С.Беляков, А.А.Фёдоров, И.М.Чаянов, командир дивизиона И.Б.Бровко и другие.

Ракета благополучно прошла все необходимые проверки на технической позиции. Подготовку ракеты на технической позиции проводила группа офицеров второго дивизиона. Это были: Б.А.Комиссаров, В.А.Баврин, Г.И.Иоффе, В.В.Кастальев, Н.Г.Зайцев, В.И.-Меньшиков, А.И.Носов и др.

Кроме этих офицеров в подготовке к пуску ракеты принимали представители промышленности из группы «Выстрел» и группа немецких специалистов.

Для проведения пуска была назначена государственная комиссия. В неё вошли: генерал-полковник Д.Ф.Устинов – председатель комиссии, маршал артиллерии Н.Я.Яковлев, С.П.Королёв, генерал-лейтенант В.И.Вознюк, А.М.Исаев, Н.А.Пилюгин, В.П.Бармин, В.П.Глушко.

После проверки ракеты на «технической позиции» (в деревянном бараке, присланном из Германии) и проведения горизонтальных испытаний она была доставлена на стартовую позицию, находившуюся в двух километрах от «технической позиции». Ракету установили в вертикальное положение на пусковой стол, отъюстировали гиروطату, установили на неё гиросприборы, навели ракету на цель, провели все необходимые технологические проверки системы управления (автономные и генеральные), после чего заправили баки ракеты компонентами ракетного топлива (жидким кислородом и спиртом) и перекисью водорода.

Все эвакуировались в укрытия, оставив вертикально стоящую на пусковом столе ракету.

18 октября 1947 года в 9 часов 47 минут по московскому времени впервые в Советском Союзе был произведен пуск баллистической ракеты ФАУ-2.

После успешного пуска Сергей Павлович Королёв сказал: « Вот и открылась новая эра —эра освоения космоса!»

Глава 3. РОЖДЕНИЕ РВСН

3.1. «Точная копия ракеты ФАУ-2»

С 18 октября и до конца ноября 1947 года на полигоне было произведено 11 пусков ракеты ФАУ-2, из них девять достигли цели.

Правительством страны, а вернее, лично И.В.Сталиным было приказано С.П.Королёву создать точную копию ракеты ФАУ-2. Сталин запретил вносить в эту ракету какие-либо изменения: «Сначала вы воспроизведете ракету, а потом будете делать свою».

Но С.П.Королёв давно мечтал создать свою ракету, копия немецкой ракеты его не удовлетворяла. Поэтому он, создавая копию чужой ракеты по чужим чертежам, начал разработку новых, своих ракет, которые получили обозначение Р-1 и Р-2. Уже в 1948 году начались лётные испытания первой ракеты Р-1. Перед началом её испытаний 13 сентября произошла трагедия — погиб ракетчик — испытатель Павел Ефимович Киселёв. Он погиб при испытании им же сконструированной подвесной площадки для обслуживания приборного отсека ракеты, упав вместе с площадкой с высоты двенадцати метров. Это была первая жертва среди ракетчиков-испытателей.

Первый пуск ракеты Р-1 был осуществлён 10 октября 1948 года. Конечно, эта ракета, как и ФАУ-2, имела ряд ещё не устранённых тех же недостатков. В ней «бобик сидел на бобике» и их в большей части приходилось устранять на технической и стартовой позициях. В течение года, с октября 1948 года по октябрь 1949 года полигону с большим трудом удалось произвести двадцать пусков ракет Р-1. На основе этой ракеты ОКБ С.П.Королёва разработала модификацию ракеты, взлетающую по вертикальной траектории и имевшую индекс В-1А, а затем и ракету В-1Б, отличавшуюся тем от ракеты В-1А, что она несла на себе отделяющуюся головную часть и закреплённые по бокам основного корпуса ракеты две «мортиры».

Последующие экспериментальные испытания ракеты Р-1 были направлены на конструктивное устранение выявленных недостатков и эта ракета показала, что она может быть оружием, стоящим на страже Родины, способным доставить боевой заряд на расстояние до трёхсот километров.

28 ноября 1950 года Постановлением Правительства СССР ракетный комплекс Р-1 был принят на вооружение.

После этого стали срочно доукомплектовываться и формироваться новые ракетные бригады, командирами которых были М.Г. Григорьев, Т. Н. Небоженко, П.В. Колесников, М.Б. Шубный, М.М. Чумак.

Одновременно с ракетой Р-1 в конструкторском бюро С.П. Королёва разрабатывается другая ракета Р-2 с дальностью полёта 600 километров. Это была ракета, в конструкции которой отмеченные ранее недостатки были частично устранены. Она была снабжена цельнонесущими баками окислителя и горючего и отделяющейся головной частью. На этой же ракете стало безопасней работать с приборами системы управления, так как приборный отсек на ней был опущен ниже по высоте ракеты и располагался он теперь в межбаковом пространстве, что улучшало условия и возможности обслуживания.

Экспериментальные испытания этой ракеты проводились по сериям: пуски первой серии ракет были закончены в декабре 1949 года, а пуски второй серии – в июне 1951 года.

Основным недостатком ракет Р-1 и Р-2 была низкая точность попадания ракет в цель. Тем не менее, на основе этой ракеты ОКБ С.П. Королёва была разработана геофизическая ракета В-2А запущенная 16 мая 1957 года на высоту 200 километров.

3.2. Разработка и испытания ракеты Р-5

Ещё в марте 1948 года на совещании у И.В. Сталина маршал артиллерии Н.Д. Яковлев высказался, что ракета Р-1 летает плохо и на небольшое расстояние, в связи с чем, военные отказываются принимать её на вооружение. Назревал конфликт между соратниками С.П. Королёва и военными.

И тогда И.В. Сталин решил разобраться в этом сам.

Выслушав на совещании маршала Н.Д. Яковлева и С.П. Королёва, он сказал: «Я думаю, что военные всё-таки правы. Оружие с такими характеристиками нам не нужно. Но я считаю, что у ракетной техники большое будущее. Ракету надо принять на вооружение. И пусть товарищи военные приобретают опыт в эксплуатации ракет. Давайте попросим товарища Королёва сделать следующую ракету более точной, чтобы не огорчать наших военных».

Просьба товарища Сталина И.В. в то время была больше, чем приказ.

Для повышения точности попадания ракеты в цель на ракетах Р-2 была применена система боковой радиокоррекции, что было шагом вперёд в повышении точности попадания в цель.

Ракета Р-2 была доработана и принята на вооружение 27 ноября 1951 года.

Ещё в 1949 году в ОКБ-1 С.П. Королёва состоялась защита проекта новой ракеты, которая получила индекс Р-5. Это был проект ракеты средней дальности. Дальность её полёта была рассчитана на 1200 километров.

«Пятёрка» впоследствии стала основой для создания самой первой в мире ракетно-ядерной системы вооружения.

Кроме этой ракеты в период с 1951 года по 1956 год был создан образец ракетной техники, получивший индекс Р-11 и предназначенный для пуска с подводной лодки.

Ведущим конструктором по разработке ракеты Р-5 С.П.Королёв назначил тридцатидвух летнего инженера Д.И.Козлова, который тогда занимал должность начальника сектора.

Лётные испытания первого этапа ракеты Р-5 были проведены на ГЦП в марте- мае 1953 года. Первый пуск был осуществлён 15 марта сразу после похорон И.В.Сталина.

С.П. Королёв назвал эту первую «пятёрку» «белой машиной», нашей «белой мечтой». Эта первая «пятёрка» была запущена на половину планировавшейся дальности, то есть, на 600 километров. Было проведено десять пусков ракет Р-5 и далеко не все пуски проходили без происшествий: отказывали двигательные установки, а в ряде случаев отклонения от цели оказывались недопустимо большими. С целью недопущения аварийной ситуации, которая могла теоретически произойти при падении ракеты с ядерной боевой головкой, были проведены работы по модернизации и резервированию-дублированию наиболее ответственных её бортовых систем. Например, была разработана и поставлена на ракету аварийная система подрыва ракеты (АПР), которая срабатывала в аварийном случае полёта ракеты, когда она из-за каких-либо отказов в полёте начинала уходить в сторону от цели или вместо территории противника могла падать на свою территорию.

Все эти доработки проводились для повышения надёжности и безопасности нашей первой ракетно-ядерной системы.

В октябре—декабре 1953 года во втором этапе доработанные пятёрки стали пускать на их максимальную дальность 1200 кило-

метров – куда-то в пустыню у северо-восточного побережья Аральского моря, но тут «наша белая мечта» показала свой крутой характер.

С августа 1954 года по февраль 1955 года проводился третий этап пусков.

3.3 Создание ракеты Р-5М

Но ещё ранее третьего этапа испытаний ракеты Р-5 согласно Постановлению Совета Министров СССР от 10 апреля 1954 года на основе испытываемой ракеты Р-5 была создана её модификация – ракета Р-5М, для которой в ОКБ-45 под руководством В.П.Глушко был разработан новый двигатель, обеспечивший её полёт на максимальную дальность, точность попадания в цель улучшилась.

В 1954 году на полигоне «Капустин Яр» появилась новая площадка, названная просто «Четвёртая новая» (4Н), в состав которой были включены ещё две площадки В1 и В2. Режим особой секретности, принятый у военных и распространённый на эти две площадки превосходил даже то, что существовало на «объектах» С.П.Королёва. Были «засекречены» не только эти площадки, но и сам факт их существования. Охрану обнесённых высоким забором и рядами колючей проволоки зданий площадок В1 и В2 несло подразделение госбезопасности не подчиняющееся командованию полигона. Только двое из огромной армии промышленников, разработчиков, офицеров технических служб имели спецпропуска на территорию особо охраняемого объекта – главный конструктор ОКБ-1 С.П. Королёв и начальник полигона генерал В.И. Вознюк.

В тот год С.П. Королёв начал третью серию испытаний своей новой ракеты Р-5. Главным на площадках В1 и В2 был А.П.Павлов – инженер засекреченного атомного КБ. Вместе с ним работала небольшая группа специалистов, которая занималась подготовкой автоматики ядерного заряда к испытаниям. Учёным важно было знать, как поведут себя весьма чувствительные автоматические устройства при старте и полёте ракеты, как могут повлиять на них вибрации, перегрузки, аэродинамический нагрев.

Проблема была и в том, что подрыв ядерного заряда, которым учёные оснастят новую ракету, может произойти в воздухе не над

определённой «точкой» атомного полигона. Это может обернуться огромной трагедией. Такого возможного момента ужасно боялись.

Поэтому при испытаниях в головную часть ракеты, где должен был быть ядерный заряд крепили массивную болванку – стальную плиту с укрепленными на ней детонаторами.

Место падения головной части пеленговали и на её поиски отправлялась бригада. Найденную плиту извлекали из грунта и увозили на площадку В1. Там её очищали, промывали спиртом, смазывали маслом и потом исследовали «следы» от взрыва детонаторов и по ним судили о чёткости работы автоматических устройств.

Летом С.П.Королёв начал испытания модификации «пятёрки» - ракеты Р-5М, как более совершенной, имевшей более точную систему управления. В систему управления этой ракеты была в обязательном порядке поставлена новая аварийная система АПР – автоматического подрыва ракеты.

Только в 1955 году в Капустином Яре было произведено 28 пусков ракет Р-5М с действующими макетами атомных зарядов. И только одна ракета взорвалась на активном участке полёта. Было несколько недолётов до цели и только дважды было зафиксировано отклонение от расчётной траектории.

Такой результат посчитали достаточно приемлемым, но С.П.Королёв и А.П.Павлов осторожно начали и назначили на 11 января 1956 года контрольный пуск. Этот пуск прошёл с высокой точностью поражения намеченной цели.

В начале февраля 1956 года в Капустин Яр прибыла Государственная комиссия. Возглавлял её генерал П.М.Зернов – первый заместитель начальника атомного КБ-11 (Арзамас – 16). Старшим представителем от гражданских был Д.Ф.Устинов, от военных – маршал М.И.Неделин.

В комиссию входили шесть главных конструкторов «пятёрки»: С.П.Королёв, В.П.Глушко, Н.А.Пилюгин, В.И.Кузнецов, М.С.Рязанский и В.П.Бармин.

За несколько дней до старта ракеты в Капустин Яр прилетел маршал Г.К.Жуков, поинтересовался ходом испытательных работ на полигоне и возвратился в Москву. Начался XX съезд КПСС. К нему и приурочили проведение специальной операции по первому реальному пуску стратегической ракеты с головной частью, снаряженной ядерным зарядом. Такая ракета тогда нужна была стране как воздух, чтобы можно было переломить ход изнуряющей страну «хо-

лодной войны», которую против нас развязали после Второй мировой войны ведущие государства Запада во главе с США.

Комиссия принимает решение об испытании ракеты Р-5М в варианте её оснащения атомным зарядом.

17 февраля «пятерку» вывезли на левый старт площадки 4Н, но в районе атомного полигона ухудшилась погода и пуск ракеты был перенесен. Пуск ракеты состоялся 20 февраля в дни работы XX съезда КПСС.

Стартовую команду возглавил заместитель С.П.Королёва по испытаниям Л.А.Воскресенский. Он занял место у перископа и подавал команды. Ракета взлетела. Все напряжённо ждали сообщений о результате её полёта. В бункере стояла напряжённая тишина. Резко зазвонил телефон. Королёв буквально схватил трубку, приложил её к уху и услышал: «Наблюдали Байкал!» - сообщил голос. Это был условный шифр. Королёв встал и произнёс: «Жарко здесь, откройте дверь... Кажется, всё получилось!» Ракета, преодолев расстояние в 1200 километров, донесла головную часть до установленного квадрата в Приаральских Каракумах, над которым прогремел наземный атомный взрыв мощностью более 80 килотонн. Четыре Хиросимы!

«Белая мечта» С.П.Королёва сбылась: в стране было создано новое мощное оружие — стратегическая ракетно-ядерная система средней дальности.

В 1956 году Советский Союз стал ракетно-ядерной державой

3.4. Боевое дежурство с ракетой Р-5М. Рождение РВСН.

Результатом испытания ракеты Р-5М 20 с боевой ядерной головной частью мощностью 80 килотонн, пуск которой был совершён 20 февраля 1956 года с полигона Капустин Яр, явилось то, что ракета, преодолев заданное ей расстояние 1200 километров, взорвалась в заданной точке Приаральских Каракумов.

Этот атомный взрыв был зарегистрирован наблюдательными службами многих стран мира. Тем самым СССР первым из всех ядерных государств начал создание собственного ракетно-ядерного щита, дающего гарантию надёжной обороны от любого нападения извне.

Ракетный комплекс с баллистической ракетой Р-5М сыграл важную роль в создании Ракетных войск стратегического назначения.

Вооружённые этими ракетами ракетные бригады, а затем – первые ракетные полки взяли под прицел важнейшие базы нашего вероятного противника в Юго-Восточной, центральной и даже Западной Европе. В Южной Корее и Японии.

Уже в этом 1956 году на передовых рубежах в западной части СССР стали развёртываться ракетные бригады, вооружённые ракетами Р-5М. Они были предназначены для нанесения ответного удара, в случае внезапного нападения со стороны блока НАТО и некоторых агрессивных стран Востока. Появление в нашей стране этих стратегических комплексов вынудило Англию, Францию и Израиль прекратить свою агрессию в Египте.

Всего в 1956-1957 годах в западной части СССР было установлено 48 таких ракет.

На вооружении Советской Армии ракеты Р-5М простояли до 1961 года и были постепенно заменены на более эффективные ракеты Р-12.

Но сама ракета Р-5М не снималась с вооружения до 1969 года. Её первое появление в нашей стране в составе стратегических ракетных комплексов Р-5М с дальностью полёта 1200 километров вынудило Англию, Францию и Израиль прекратить агрессию в Египте.

22 июня 1957 года специалисты-испытатели ГЦП приступили к испытаниям новой ракеты Р-12, конструктором которой был М.Е.Янгель.

В сентябре 1958 года на ГЦП состоялся показ руководителям государства всех имеющихся типов ракет с проведением групповых и одиночных пусков.

Этот показ акцентировал внимание государственных руководителей на преимуществе централизованного использования ракетных комплексов.

Одним из результатов этого показа явилось ускорение принятия исторического решения в декабре 1959 года о создании Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Глава 4. НАЗНАЧЕНИЕ В КАПУСТИН ЯР

4.1. К новому месту службы

Начав освоение, разработку и испытания новой ракетной техники страна оказалась перед фактом – отсутствия хорошо обученных, опытных в разработке и испытаниях кадров. Где их было взять в короткое время, которое не терпело отлагательства? С этой целью в стране были проведены мероприятия, позволившие получить достаточное количество кадров.

Эти мероприятия заключались в перепрофилировании студентов последних курсов ряда высших учебных заведений и направлении их в специализированные ВВУЗы на один год с последующим направлением их на службу в офицерских должностях в конструкторские бюро, военные приёмки и на полигоны.

Аналогичные мероприятия были проведены и в ряде средних военно-учебных заведений.

В частности этим мероприятием было охвачено и Тамбовское Артиллерийско-техническое училище, в котором я имел честь проходить учёбу. Здесь в 1953 году из общего числа курсантов было отобрано 48 человек, хорошо учившихся и не имевших со стороны родственников никаких порочащих нареканий. Среди этих отобранных комиссией курсантов был и я.

Нас выпустили в августе 1954 года по двухгодичной вместо трёхгодичной программы, присвоили нам звания «техник-лейтенант» и направили на Центральные артиллерийско-технические курсы усовершенствования офицерского состава в город Пензу для изучения немецкой ракеты ФАУ-2 и её технологического оборудования. Этими курсами командовал генерал-полковник Волкотрубенко И.И. Одним из преподавателей по системе управления ракеты был подполковник Малиновский Г.Н., будущий генерал-полковник, Герой Социалистического труда, заместитель начальника ГУЭРВ.

Материальную часть ракеты, её систему управления и технологическое оборудование мы изучали в течение десяти месяцев. Изучили всё, что только было можно.

Эти курсы я закончил с отличием.

Из общей когорты обучавшихся всего троих — меня и лейтенанта Кокорева Ивана Ивановича направили на полигон Капустин Яр, а лейтенанта Никитичева Игоря Гавриловича — в 24-ую ракетную бригаду особого назначения Резерва Верховного главкомандования (РВГК), сформированную при полигоне под командованием полковника Гарбуза Л.С.

И вот в середине ноября 1955 года пассажирский поезд, следовавший до города Сталинграда, помчал меня от станции Усмани навстречу судьбе, навстречу моей нелегкой службе и работе с ракетно-космической техникой.

В Сталинград поезд примчал меня рано утром. На перроне вокзала я встретил еще двух лейтенантов, обучавшихся в нашей же пензенской когорте, которые получили направления на службу в населённый пункт Джусалы Казахской ССР, но собирали их команду предварительно в гарнизоне, расквартированном в селе Капустин Яр.

Мы втроем обратились к военному коменданту железнодорожного вокзала города Сталинграда, и он объяснил нам, каким образом надо добираться до села Капустин Яр. Следует отметить, что к тому времени в районе Сталинграда уже интенсивно велось строительство Сталинградской ГЭС. Военный комендант объяснил нам, что в районе строительства нам придётся паромом переправиться через Волгу на другой берег, где началось строительство города-спутника Сталинграда под названием Волжский. Паром отходит от пристани Пост-Паромная, и вам следует поспешить к этой пристани, так как в связи с началом интенсивных заморозков вода в Волге стала покрываться льдом и паром ходит реже и можно не переправиться на противоположный берег.

Так оно и произошло. Долго проплував в поисках пристани, мы, наконец, прибыли к ней. Оказалось, что вся территория причала заполонена разными строительными материалами и строительной техникой, в связи со строящейся гидроэлектростанцией. К нашему сожалению и разочарованию мы узнали, что паром в этот остаток дня к противоположному берегу Волги больше не пойдет в связи с ледовой обстановкой. Мы были сильно удручены тем, что могли опоздать с прибытием в свои части к назначенному сроку. К счастью, здесь же нам объяснили, что в районе строящейся Сталинградской ГЭС имеется подвесной канатный мост, предназначенный для перехода строителей ГЭС и города Волжского через реку Волгу на другой берег и обратно. Жителей города и посторонних лиц на мост не пускали.

Получив разъяснение куда надо идти, мы отправились в путь, таща свои чемоданы и другие вещи. Подвесной мост мы, наконец, нашли. Он представлял собою несколько мачт укрепленных в грунте правого и левого берегов и в середине дна самого русла реки Волги. Между мачтами были натянуты толстые тросы, провисавшие над Волгой почти по крутой параболе. На тросах были закреплены в качестве тротуара щиты из досок, покрытые льдом и снегом. В щитах были закреплены боковые стойки с перилами и поручнями. При движении по этому мосту, он ходил ходуном влево и вправо, вверх и вниз. Причем настил из досок на этих тросах находился на высоте метров двадцать-двадцать пять от поверхности воды, а вблизи мачт и того выше. В тот день, когда мы пришли к подвесному мосту дул довольно сильный и морозный ветер. Народу вокруг почти не было, потому что был воскресный выходной день.

У моста дежурил вахтер и никого не пускал на мост. С большим трудом нам удалось уговорить его, и он, из-за уважения к нашей офицерской форме, пропустил нас. Мы с трудом взобрались на настил и пошли по нему, держась друг от друга на расстоянии 5-7 метров, чтобы не создавать усиленные колебательные движения всему сооружению. Пронзительный ветер затруднял наше медленное продвижение по мосту. Мост колебался, как хотел, и лично мне, впрочем, так же и другим моим спутникам, с каждым шагом приходилось боком прислоняться к поручням, ибо руки были заняты чемоданом и другими вещами, рискуя при этом уронить в волжские воды свою ношу.

Затратив немало усилий, мы, наконец, перебрались на противоположный берег. Вахтер, дежуривший на противоположной стороне моста, объяснил нам, как пройти к строящемуся городу Волжскому, от которого мог ходить автобус маршрутом до села Капустин Яр.

Каково же было наше удивление, когда мы пришли на место строительства города Волжского и увидели, что города еще и в помине нет. Однако, кругом высились горы земли, песка и щебня, были нарыты котлованы и перед нами стояло единственное, довольно большое недостроенное здание. Мы подошли к этому зданию. К нашему удивлению, к нему была подведена бетонная дорога. Возле здания стояли два человека, один из них был в форме солдата. Мы спросили у них, не знают ли они, где останавливается рейсовый автобус, идущий до Капустина Яра. Они ответили, что рейсовый автобус останавливается именно у этого здания, что это здание будущего дома культуры города Волжского, что автобус маленький, изготовления

Павловского автозавода и что время уже позднее, а сегодня выходной день воскресенье и автобуса уже может не быть.

Я спросил мужчину, куда он намерен ехать. Он ответил, что ему нужно добраться до города Ленинска, расположенного на половине пути от Сталинграда до Капустина Яра. Солдат же сказал, что ему нужно ехать именно в Капустин Яр, что он возвращается со службы по случаю демобилизации и, что служил он на Дальнем Востоке.

Мы обрадовались тому, что есть попутчик, который может объяснить нам, как добраться до места назначения. А ехать до села Капустин Яр предстояло нам около 100 километров.

Мы довольно долго стояли в будущем, а сейчас импровизированном центре города Волжского у его единственного, еще недостроенного здания, дома культуры и сетовали на видимое бескультурное обслуживание приезжих, когда слышали шум мотора приближающейся машины. Это была Волга ГАЗ-21. Ее владелец подкатил к нашей группе, остановил машину и спросил нас, куда мы желаем ехать. Мы дружно ответили, что нам надлежит добираться до села Капустин Яр. Он ответил, что по нашему виду (а мы были в форме офицеров) сразу определил, что нам нужно именно туда ехать, и что он едет в том же направлении и может увезти нас всех до места назначения.

Водитель машины потребовал с каждого из нас по пятьдесят рублей (в то время это были немалые деньги). Солдат сразу погрузился и сказал, что у него не только таких денег, а вообще денег нет, что он пока добирался с Дальнего Востока, все, что ему дали в его воинской части на дорогу, он израсходовал.

Посоветовавшись, мы пообещали водителю, что вдвоем заплатим за солдата. Водитель согласился. Кое-как засунув чемоданы в багажник автомобиля, мы вчетвером с большим трудом втиснулись в тот объем, который позволило заднее сидение, а мужчину, ехавшего до города Ленинска посадили на переднее сидение и на колени ему положили еще один чемодан. В таком положении мы и покатались по дороге к Капустинскому Яру.

Дорога, по которой нас теперь везли, вилась среди степных кочек. Куда бы я ни направлял свой взор, всюду виделась одна и та же картина: унылая степь, покрытая невзрачной растительностью, уже засыпанной снегом и небольшими возвышениями-кочками, во множестве разбросанными по кажущейся гладкой равнине степи.

Это была не дорога, а расхристанный колесами машин глинис-

тый грунт, раскисший в период осенних дождей и теперь намертво скованный в колеи грянувшими морозами. Однако и по такой импровизированной дороге водитель вёз нас довольно уверенно. Несмотря на неудобство и тесноту до города Ленинска мы все же доехали нормально.

В городе Ленинске мы высадили мужчину. Он заплатил водителю свою «полсотенку», попрощался с нами и ушел. Один из наших офицеров сел на переднее сидение и мы покатали дальше. Город Ленинск мы проскочили очень быстро. Это был небольшой одноэтажный городишко районного масштаба. Деревьев на его улицах почти не было.

После выезда за город Ленинск, я стал расспрашивать солдата о Капустином Яре, о его семье. Солдата звали Евгений, а его дом, в котором живут мать и сестра, расположен на улице Калинина в селе Капустин Яр, под номером 40. Он пригласил меня в свободное от службы время побывать у него в гостях. Я пообещал побывать, но после того, как немного обживусь на новом месте.

В Капустин Яр мы приехали под вечер. Солдат Евгений поблагодарил нас за то, что мы выручили его, заплатив за него стоимость проезда, и он еще раз пригласил меня побывать у него дома. Я записал его адрес, и он бодро зашагал в сторону села.

Водитель сказал нам, что он подвез нас к тому месту возле военного городка, где можно пройти в сам городок, минуя контрольно-пропускной пункт, который расположен на другой стороне городка, а в этом месте идет строительство госпиталя и нескольких жилых домов. Поэтому здесь сплошного забора с колючей проволокой и КПП еще нет.

Поблагодарив водителя за исчерпывающую информацию, заплатив ему за наш благополучный проезд и, подхватив свои чемоданы, мы не менее бодро зашагали туда, куда направил нас водитель, в сторону стройки. В действительности мы подошли к колючей проволоке, прошли вдоль этого забора и обнаружили будку с находившимся в нем солдатом. Рядом с будкой находились импровизированные ворота для проезда на стройки автомашин. После непродолжительного разговора с солдатом, в котором мы объяснили ему, что прибыли для прохождения службы, он пропустил нас, и мы зашагали к ближайшей улице городка, которая вскоре привела нас на большую прямоугольную площадь.

Мы поняли, что находимся в центре городка. Справа площадь ограничивало огромное здание с внушительной колоннадой, на ко-

тором мы увидели надпись: «Гарнизонный дом офицеров». Метрах в двадцати от колоннады высилась огромная гипсовая фигура покойного руководителя страны, «вождя всех народов», Генералиссимуса И.В. Сталина.

Фигура была размещена на пьедестале, основание которого было украшено лепными орденами и медалями времен Великой Отечественной войны. Конфигурация Сталина была исполнена в динамичном стиле. «Вождь всех народов» с устремленным вдаль, в будущее взором, одетый в неизменный френч со звездой Героя Советского Союза, по воле ваятеля, сделал шаг вперед, изображая этим неукротимое движение всей страны вперед к прекрасному будущему.

Напротив Гарнизонного дома офицеров располагалось огромное четырехэтажное здание, ограничивавшее площадь слева. Это было здание штаба полигона, на котором красовалась вывеска: «Штаб войсковой части 15644».

4.2. «Кадры» решают всё»

Вокруг Дома офицеров был разбит парк. Деревья были еще не очень большие, так как, по-видимому, были не очень давно посажены. Это были преимущественно пирамидальные тополя и вязы. С правой стороны Дома офицеров и немного вглубь парка была размещена обширная танцевальная площадка.

Две другие стороны площади замыкали двухэтажные жилые дома. Все это было запечатлено нашими мимолетными взглядами. Нас, конечно, интересовал штаб войсковой части. В нем размещался отдел кадров, куда мы должны были прибыть и представиться соответствующим начальникам. Нас продержали минут двадцать в вестибюле штаба, и затем дежурный по штабу повел нас к кабинетам отдела кадров. К начальнику отдела кадров нас вводили по одному. Поскольку мои спутники имели назначение на службу не в войсковую часть 15644, а в другую часть – 11284, расположенную в Кзыл-Ординской области, где уже началось строительство еще никому неизвестного космодрома «Байконур», то их быстренько отпустили, объяснив им, где они должны расположиться.

А вот со мной дело обстояло иначе. Начальник отдела кадров полковник Бобков долго вертел в руках мои документы и потом сказал, что свободной должности, указанной в моем предписании, нет

и, что мне предлагается другая должность, не по профилю моего специального образования, полученного на Центральных курсах.

Я возмутился и выразил свое несогласие с предложением начальника отдела кадров. Полковник Бобков рассвирепел, обозвал меня зеленым, ничего не понимающим юнцом, и тут же выставил меня за дверь, бросив мне вдогонку фразу о том, чтобы я до завтра подумал над предложенными мне должностями, а дежурному по штабу он приказал, чтобы меня отправили в офицерское общежитие, расположенное на улице Островского.

Обескураженный недружелюбным приемом высокого начальника, сопровождаемый посыльным по штабу, я, понурившись, плелся по улице небольшого, но уже довольно симпатичного военного городка, таща свои немудрёные пожитки офицера-холостяка, уложенные в объемистый чемодан из прессованного картона.

Общежитие на улице Островского располагалось в доме № 3. Это был обычный двухэтажный рассчитанный на небольшое количество квартир дом, построенный для семейных офицеров, но решением командира войсковой части 15644 генерал-лейтенанта Вознюка В.И. был отдан для размещения в нем офицеров-холостяков.

Женщина, дежурившая по общежитию, заявила, что мест-то в общежитии уже нет, но потом подумав, сказала, что в одной из больших комнат, в которой размещены уже три человека есть одно место. Вот на это койко-место меня и поселила она, добавив к сказанному, что поселила меня временно.

В комнате, в которую меня поселили, царил беспорядок. Вещи, принадлежавшие хозяевам койко-мест, лежали на кроватях и висели на стульях. На одном из стульев, привлёкших мое внимание, висели окровавленные пиджак и брюки. Поскольку никого из жильцов этой комнаты еще не было, я спросил у дежурной женщины, что здесь произошло, почему эта одежда на стуле покрыта кровью. Она улыбнулась и коротко ответила: «Ребята резвятся!» А потом, повернувшись ко мне, сказала: «Располагайтесь!» — и вышла.

Я присел на свободный стул и предался мучительным раздумьям о своей, так неудачно, на мой взгляд, начавшейся жизни на новом для меня месте. Я был голоден, так как целый день мы провели в своих скитаниях и не смогли нигде поесть. В чемодане у меня лежала булочка и кусок колбасы.

Пришлось достать их, и я принялся жевать, запивая водой из графина, стоявшего на столе.

4.3. «Ребята резвятся!»

Вскоре один за другим появились два жильца комнаты, с которыми мне предстояло прожить определенное время бок о бок под одной крышей. Мы познакомились. Я спросил у них, почему на стуле висит окровавленная одежда. И они рассказали мне следующее.

В связи с тем, что идет становление и развитие всех направлений полигона, многие офицеры, в том числе и семейные, зачастую выезжают на службу к строящимся или уже действующим объектам полигона. Причем отдельные объекты расположены на довольно большом расстоянии от «десятой площадки».

«Десятой площадкой» офицеры называли военный городок с его штабом, госпиталем, Домом офицеров, столовой, общежитиями и уже построенными жилыми домами, а также всей прилегающей к ним хозяйственной структурой.

Выезжая для выполнения служебных обязанностей, многие из них, по объективным причинам на ночлег домой (на «десятую площадку») не возвращались, ночуя на объектах.

Эти временные семейные разлуки были определенным неудобством семейной жизни отдельных офицеров и порою являлись фактором для проверки прочности семейных уз.

В одной из таких семей и возникла на этой основе драматическая ситуация. Муж-офицер уже не один раз замечал, что поведение его жены по отношению к нему изменилось в худшую сторону. Она охладела к нему в своих чувствах, и одной из причин этого охлаждения, по его мнению, явилось его периодическое отсутствие дома, связанное со служебными вопросами. «Но только ли в этом причина?» – задал он себе вопрос. И решил найти ответ на него.

Однажды, выехав на объект, он сказал жене, что ночевать не придет в связи с большим объемом предстоящих работ. А сам неожиданно вернулся ночью на подвернувшемся попутном транспорте, доставлявшем на «десятую площадку» строителей.

Постучав в дверь своей квартиры, он не услышал торопливых шагов своей жены и ее спокойного заспанного голоса, говорящего: «Кто там?»

Парень он был высокого роста, хорошо скроен и снабжен недюжинной силой. Заподозрив неладное, он с размаху ударил всем телом о дверь, вышиб ее и вошел в квартиру. Щелкнув выключателем, он включил свет и увидел лежавших в постели свою жену и одного

знакомого ему офицера-холостяка. Движимый охватившим его чувством злости к своей жене, предавшей его, и к этому здоровенному детине, который вероломно вторгся в его семью и занял его место в постели рядом с женой, место, принадлежавшее ему, он подскочил к стене, сорвал висевшее на гвозде, вбитом в стену ружье с патронташём, мгновенно вставил в стволы два патрона и направил ружье на своих обидчиков, так жестоко ранивших его сердце.

Жена от ужаса и сознания быть сейчас убитой заверещала диким голосом. Её любовник стал медленно подниматься с постели. Владельца квартиры, вероломной жены и ружья, охваченного нахлынувшим чувством мести, внезапно пронзила мысль: «Ведь за их убийство придется отвечать перед судом!» Этой мысли оказалось достаточно, чтобы изменить характер своего мщения. Он приподнял ствол ружья и дважды выстрелил в портрет жены, висевший на стене над кроватью. Звуки двух выстрелов прижали любовника к постели. Обманутый муж, отбросив ружье в сторону, схватил солдатскую табуретку, полученную когда-то с гарнизонного склада КЭЧ в качестве мебели, подскочил к кровати, где в истерике билась его жена, и поднимался с кровати любовник, и раз за разом с силой опустил ее на голову, а затем и туловище любовника.

Любовник охнул и рухнул на постель, обливаясь кровью.

Отмщенный таким образом хозяин квартиры и обманутый муж подобрал ружье с патронташем, забрал свои документы и вышел вон из квартиры. На выстрелы и шум уже стали выскакивать жильцы из соседних квартир. Не отвечая на задаваемые вопросы, он вышел из подъезда и зашагал в ночь. В квартиру он вернулся спустя несколько дней, чтобы забрать принадлежавшие ему вещи и затем покинуть ее навсегда.

Отлежавшись в постели, потеряв изрядное количество крови, любовник, в конце концов, поднялся, кое-как одел свой новый костюм и под взглядами проснувшихся и прибежавших на шум соседей и любовницы, шатаясь, потащился в общежитие. В общежитии дежурная женщина и поднятые ею ото сна жильцы комнаты, ужаснулись от его вида и залитой кровью одежды, позвонили в госпиталь и вызвали врача. Прибывший по вызову врач, осмотрев любовника, немедленно отправил его в госпиталь.

Вот в эту комнату, где размещался любовник, меня и поместили для временного проживания. Это его окровавленный костюм и брюки поразили моё воображение.

4.4. «Кадры делают «шах!»»

Переночевав в общежитии, я прошелся по городку, отыскал офицерскую столовую, которую офицеры почему-то именовали «Шестёрка». Столовая представляла собою довольно объемное двухэтажное здание оригинальной конструкции по тем временам. Наскоро позавтракав, я снова двинулся в отдел кадров для решения своей судьбы. Однако меня снова ждало разочарование.

Меня принял уже не начальник отдела кадров полковник Бобков, а подполковник, один из сотрудников отдела кадров.

Он, видимо, получил указание от своего начальника полковника Бобкова особенно со мною не церемониться и не терять времени.

Поэтому подполковник, не мешкая, предложил мне две-три должности, среди которых была должность начальника какого-то склада, соответствующая званию «капитан». Я отказался от них наотрез. Тогда он поднялся, сухо произнес фразу о целесообразности подумать над предложенными должностями парочку дней, и на этом наш разговор был окончен.

И снова я ушел огорченный и расстроенный. Думы одна мрачней другой неслись в моей голове.

Думалось о том, что ведь я целый год изучал мало кому известную, пусть и трофейную, но новейшую технику. Ракету и оборудование для ее запуска я изучил досконально. Центральные курсы вообще закончил с отличием. Неужели, думал я, такие специалисты полигону не нужны.

Неужели здесь все без исключения знают эту технику лучше, чем я. Мои сомнения были мучительными, а поделиться было не с кем. Я намечал для себя какие-то решения, но через минуту сам же их и отвергал. В конце концов, выкристаллизовалось одно решение: несмотря ни на что, на другие должности не соглашаться. Ну, зачем мне должность начальника склада, которая пусть несет капитанское звание? Зачем тогда я учился три года? Зачем на меня Родина тратила большие средства, делая из меня специалиста, пусть пока по чужой, немецкой технике? Ведь будут же, да и есть уже разработки наших ученых и конструкторов по ракетной технике.

Наши конструкторы уже провели доработку двигателя ракеты ФАУ-2, введя в камере сгорания дополнительные пояса охлаждения, что предохраняет ее от прогара в процессе работы двигателя, а предусмотренный конструкторами главный перекисный клапан ВП-2 повышает надежность работы турбонасосного агрегата. А может

быть у нас уже есть своя, созданная мыслями советских ученых, ракета, которую мы завтра будем испытывать и отрабатывать на ней новые конструкции и новые узлы, которые позволят нам создать ракету, лучшую, чем эта немецкая.

Нет, это мой путь и я от него не откажусь! Только здесь я смогу приложить свои полученные знания и пусть небольшое пока еще умение управлять этой техникой!

В тягостных раздумьях прошли для меня и эти два дня, назначенные подполковником отдела кадров для оценки моего поведения. В конце второго дня, в столовой я встретил одного из офицеров из наших бывших курсантов Тамбовского училища, которого прислали сюда после трехлетней учебы в ТАТУ и он теперь проходит службу в испытательной части полигона, начав с азов изучать ракетную технику на месте службы. Посетовав на трудности изучения, он сказал, что у них в дивизионе есть свободная должность и что дивизион занимается испытаниями ракетной техники.

Это меня окрылило!

Через два дня я снова зашагал в отдел кадров. Принял меня опять тот же подполковник.

Наш разговор начался с вопроса ко мне: «Ну как, подумал?» Я ответил, что подумал, но подумал над тем, что мне целесообразно сейчас забрать свои документы, которые я передал вам, и с ними ехать в Москву, в Главное управление кадрами, сотрудники которого найдут мне должность в соответствии с тем приказом Министра обороны, которым я назначен в вашу войсковую часть.

Подполковника буквально перекосило от произнесенной мной тирады. Он в течение нескольких минут поносил меня самыми последними словами. Но и после этого я повторил снова то, о чем говорил до этого. Тогда он замолчал и уставился в мое лицо. Я твердо выдержал его взгляд.

Наконец он произнес: «Упрямец! Что же ты от нас хочешь, если такой должности у нас уже нет. Она занята другим!»

Меня крайне удивила манера его разговора со мной на «ты». Но, тем не менее, я ответил ему: «Если эта должность занята, а вы ее заявляли, чтобы получить на эту должность специалиста, то вы должны были что-то в этом роде предусмотреть для уже полученного вами специалиста. Поэтому, я вас прошу подыскать мне должность соответствующую моему назначению по приказу Министра обороны». После этой фразы я тут же поведал подполковнику, что похо-

жая должность есть в испытательной войсковой части 31925 и, что эта должность свободна.

«Откуда это тебе известно?» — спросил он меня. «Да вот, стало известно!» — ответил я.

Порывшись в каких-то бумагах, он вдруг сказал, что эта должность на категорию ниже, чем та, на которую я прибыл и что она всего-навсего соответствует званию «лейтенант». Это должность техника по испытаниям двигательной установки ракеты, и находится она в одной из команд стартового дивизиона испытательной войсковой части 31925. И тут же подполковник добавил: «Удивительные вы, ребята! Предлагаешь, вам молодым, спокойную с продвижением службу, а вы требуете то, что вам будет приносить массу забот, тревог и волнений. Не понимаю я этого!»

Я ответил ему, что о тревогах и волнениях по службе я как-то не думал, а вот за эти дни у меня уже было достаточно и тревог и волнений. А что касается забот, то их, вероятно, на любой службе бывает достаточно. Поэтому я, в принципе, согласен на должность техника по испытаниям ракетных двигателей.

«А ты знаешь, что чем ниже должность, тем меньше денежное довольствие?» — спросил меня подполковник. «Знаю, — ответил я, — нам в свое время об этом сообщали при изучении такого предмета как «Военная администрация». И все же, несмотря на это, я согласен пойти на эту низшую должность».

«Ну ладно, — сказал подполковник, — зайди к нам еще через пару дней. Я тут доложу начальнику отдела, мы посоветуемся и примем решение относительно твоей персоны, упрямый «двигателист».

Я вышел из штаба на улицу, гордясь собою. Надо же, я выдержал натиск подполковника и как здорово и вовремя я вынул и положил перед ним свои козырные карты по поводу ГУК МО и должности техника по испытаниям двигательных установок ракет. И все-таки опять терзало сомнение: примет ли нужное мне решение начальник отдела кадров полковник Боков? Ведь прошло уже пять дней, а решения по мне все еще нет.

В последующие два дня мне передали просьбу заведующей общезжитием, содержащуюся в следующем: «Мы вас поселили временно, дня на три, но идет уже неделя, а вы все еще находитесь у нас. Пора вам искать угол в селе Капустин Яр и снимать его».

«Господи! Да что же это такое? Еще не успел определиться с должностью, а меня уже гонят из-под крыши». И я пошел к заведующей

общежитием. Рассказал ей о своих мытарствах по поводу должности, что должности у меня еще нет, что я еще, в этом смысле, неприкаянный и, что у меня даже пропуска еще нет, чтобы я мог выйти за пределы городка и затем войти в него.

Заведующая выслушала меня, согласилась с моими доводами, посетовала на то, что идет большой наплыв кадров и всех надо куда-то селить, но место за мной оставила пока я не решу должностной проблемы.

Наконец меня снова вызвали в штаб войсковой части 15644! На этот раз меня принимали сразу двое: начальник отдела кадров полковник Бобков и подчиненный ему подполковник, фамилию которого я запомнил.

Полковник Бобков опять разразился многословием по поводу того, что зеленый юнец угрожает тем, что он, видите ли, собирается ехать в ГУК МО с жалобой на работу отдела кадров. Хрен с ним, пусть едет! Он еще не знает, что такое синяки и шишки! Пусть поедет и узнает! А вообще-то, хрен ему! Никуда он не поедет! Хочет на лейтенантскую должность! В испытатели! Пусть идет! Мы препятствовать не будем! Удивляет только одно, почему-то все рвется в испытательную часть, как будто там медом кормят! И этот туда же! Посмотрим, что из этого выйдет! Включите, подполковник, этого упряма в приказ! Вы, лейтенант Терновых, согласны на эту должность — должность техника по испытаниям двигательных установок ракет? Впрочем, что я вас об этом спрашиваю, вы ведь сами предложили для себя эту должность! Так получайте ее!

Таким образом, чтобы утвердить меня на должность категорией ниже по отношению к должности, определенной мне Министром Обороны, понадобилось почти десять дней тревог и волнений за свою судьбу, для преодоления бюрократии кадровых работников. И это в самом начале моей воинской офицерской службы! По-моему я с честью вышел из этого неравного поединка с представителями кадрового органа, хотя и понес моральный и материальный урон.

Но, тем не менее, в соответствии с приказом начальника полигона, я получил, наконец, назначение в испытательную войсковую часть 31925, которая к тому времени уже занималась испытаниями ракет ФАУ-2 и созданных на ее основе модификаций ракет под индексами 8А11 и 8Ж38 (Р-1 и Р-2). Кроме того, для испытаний стали поступать и первые ракеты, разработанные и созданные в конструкторском бюро Сергея Павловича Королева.

4.5. Вторая площадка

Территориально войсковая часть располагалась на нескольких площадках. Основной площадкой была площадка № 2, которая находилась километрах в двадцати от жилого городка – «десятой площадки». На площадке №2 располагался штаб войсковой части 31925, испытательное управление (войсковая часть 15646), только что построенный монтажно – испытательный корпус (МИК), стенд для испытаний двигательных установок, склады топлив, автопарк, солдатская казарма, штаб части, столовая, котельная и другие вспомогательные постройки.

Непосредственно к МИКу была проложена железная дорога, по которой подвозились в специальных вагонах ракеты, их комплектующие элементы, топливо, материалы и т.д.

Офицеры испытательного управления и частично офицеры испытательной войсковой части 31925, проходившие службу на площадке № 2, а также служащие, работавшие по найму здесь же, добирались сюда на поезде, который состоял из нескольких пассажирских вагонов того времени, транспортируемых «мотовозом».

Остальные офицеры и служащие, проходившие службу и работавшие на дальних площадках, носивших название «Четвертая старая» (4С), только что законченная строительством «Четвертая новая» (4Н), «В1», «В2», доставлялись сюда на «вибростенде». Так назывался местными юмористами автомобиль ЗИС, кузов которого был переделан в некоторое подобие вагончика, накрытого фанерными листами, снабженного деревянными лавочками, прикрепленными к полу кузова. При посадке в «вибростенд» соблюдалась определенная иерархия. Причем, на лавочке, расположенной вдоль кабины автомобиля, имели право сидеть в процессе езды только старшие по званию офицеры и женщины. На остальных лавочках, размещенных по обеим сторонам кузова, садились по два человека, опять таки соотносясь со служебным положением, рангами и возрастом. А между лавочками, стоя, прижавшись друг к другу в процессе всего маршрута движения, размещались все остальные. Это были в основном лейтенанты, сверхсрочнослужащие и молодые служащие, а также те, кто опоздал к моменту разбора мест на лавочках.

По бокам кузова и в торце перед кабиной были прорезаны небольшие оконца со вставленными в них стеклами.

До дальних площадок 4С, 4Н от «десятой» площадки, расстоя-

ние измерялось десятками километров. По-моему, оно соответствовало шестидесяти с лишним километрам.

К моменту моего прибытия между «десятой площадкой» и дальними площадками была уже проложена бетонная дорога шириною около шести метров. Профиль этой дороги был обычный, с небольшими обочинами, ограниченный с обеих сторон кюветами. До идеальной поверхности на этой дороге, с точки зрения движения по ней, было далеко. Поэтому при движении наш импровизированный «автобус» частенько подбрасывало и трясло, отчего и появилось название этому средству передвижения «вибростенд». В процессе движения особенно доставалось тем, кто находился в задней части кузова и между лавочками, потому что при очередном подбрасывании приходилось ударяться головами о потолок кузова.

Дождавшись оформления моего назначения и получив предписание и пропуск, я на следующий день рано утром пришел к штабу войсковой части 13991, чтобы отправиться к месту прохождения дальнейшей службы, то есть в войсковую часть 31925. «Вибростенд» с пассажирами отправлялся от штаба. Народу набралось довольно много, и мне как новому лицу пришлось залезать в кузов по подвешенным ступенькам в последнюю очередь.

Втиснувшись кое-как внутрь кузова и уцепившись за спинку заднего сидения, я закрыл за собою дверь кузова. «Вибростенд» тут же покатил по установленному маршруту. При выезде из городка автодорога пересекла железную дорогу, которая вела в одну сторону на Сталинград, а в другую — к станциям Баскунчак и Эльтон. От этой же железной дороги шли ответвления к складам «десятой» площадки и к площадке № 2.

Далее, километра через три, автодорога разветвлялась на два направления. Одна ветвь шла прямо и километров через пять упиралась в «Хозяйство Ярового». Позже я узнал, что это хозяйство состояло из самостоятельного городка испытателей, начавших испытания новейших средств ПВО, состоявших из трофейных немецких ракет. В этот городок нам путь «был заказан». При въезде в этот городок был установлен контрольно-пропускной пункт, который очень жестко осуществлял контроль за въезжающими (входящими) и выезжающими (выходящими).

Все это было узнано позже, а сейчас моя дорога к месту службы повернула под углом в девяносто градусов по отношению к дороге в «Хозяйство Ярового». Проложена она была по степи, покрытой

какими-то бугорками, поросшими низкорослой полынью и прикрытых небольшим слоем недавно выпавшего снега. Я с интересом наблюдал в небольшое окошечко в двери все то, что мне удавалось увидеть поблизости от дороги.

Вскоре слева от дороги я увидел довольно большое шарообразное сооружение. Я спросил у рядом стоявшего соседа, что это за интересное сооружение и он мне объяснил, что это 15-я площадка, а сооружение, которое мы видим, является хранилищем для жидкого кислорода, применяемого в качестве окислителя для пуска ракет и прожига их двигательных установок и, что все называют это сооружение «шариком». Километрах в трех от «шарика» бетонка снова разветвлялась. Правая ее часть уходила в сторону сооружений, которые, как оказалось потом, являлись складами топлив для ракет и автомобильной техники (горючим для ракет ФАУ-2 являлся обычный этиловый девяностошестипроцентный спирт, получаемый в результате переработки злаков) и других материальных средств.

Над всеми зданиями в этой стороне высился ажурный силуэт стенда для испытаний двигательных установок ракет, который был построен, по рассказам, с участием немецких специалистов, вывезенных из Германии.

Стенд этот был как две капли похож на тот стенд, который мы посещали в городе Днепропетровске, на заводе «Южмаш» и располагался он также на краю, правда, неглубокого, но довольно широкого оврага с плоским дном. По дну оврага росли уже довольно оригинальные фруктовые деревья: яблони и груши. Это был когда-то фруктовый сад какого-то хозяина, жившего или еще живущего в деревне Капустин Яр, и которому он принадлежал до прибытия сюда военных и отчуждения ими этой земли под полигон. Этот стенд и сад и все остальное рядом с ними, я рассмотрел значительно позже.

А сейчас наш «вибростенд» приостановился на развилке дорог, из него вышло пять офицеров и один гражданский человек. В числе вышедших пяти офицеров был и я.

«Вибростенд» повернул на левое ответвление дороги и продолжил свой маршрут, который пролегал вдоль забора, ограждавшего служебные здания, казармы, МИК, автомобильный парк, хранилище специальной техники и другие дополнительные строения.

Забор был усилен тремя рядами колючей проволоки. Вход на территорию осуществлялся по специальным пропускам, которым меня снабдили в штабе полигона, через КПП. Пропуск через КПП и охрану территории осуществляли подразделения батальона охраны.

Все эти постройки и сооружения составляли сущность площадки № 2.

На эту площадку, в только что построенный МИК, поездом из специальных вагонов привозились с заводов-изготовителей ракеты и различное оборудование. Здесь они выгружались, и ракеты подавались для проведения автономных и генеральных испытаний. Испытания проводились офицерами-испытателями первого технического дивизиона войсковой части 31925 под контролем инженеров-испытателей испытательного управления, которое располагалось в здании МИК. После испытаний ракета укладывалась на грунтовую тележку и по той бетонной дороге, на которую повернул «вибростенд», вывозилась на стартовые площадки 4Н и 4С.

Собственно территория площадки № 2 была довольно обширной. Здесь располагалось испытательное управление, возглавляемое генерал-майором Головчанским В.Ф.. Подчиненные ему офицеры управления размещались в отдельных кабинетах МИКа. Генералу Головчанскому В.Ф. по линии испытаний ракетной техники подчинялась испытательная войсковая часть 31925, служить в которой отныне предстояло мне.

Штаб войсковой части 31925 располагался в деревянном щитовом бараке вне территории, отведенной для МИКа и других вспомогательных зданий. Рядом со штабом находилась только что выстроенные солдатская казарма, солдатская столовая, две гостиницы и столовая для офицеров и служащих.

4.6. Командование войсковой части 31925

К моменту моего появления, командира этой части подполковника А.Я.Березина только что перевели к новому месту службы из-за невысокой воинской дисциплины, имевшей место в части. Дело в том, что территория, отведенная войсковой части, была огромной. Она протянулась вдоль трасс полета ракеты от окраины Астраханской области вплоть до Урала. На этой территории были разбросаны объекты части в виде кинотеодолитных станций (КТС), технической и стартовых позиций и других объектов, включая стенд для испытаний двигательных установок. На каждом объекте находились солдаты и офицеры, порою на длительное время оторванные от основного контингента части, и осуществить проверку, а тем более уследить за всем личным составом части командиру части было очень трудно, и по-

этому дисциплина в целом за часть неизменно хромала и была предметом постоянных разборок на совещаниях у начальника полигона.

Вновь назначенный командир части, только что окончивший военную академию, подполковник Тюрменко С.Я. еще находился в отпуске после учебы. Временно частью командовал заместитель командира части подполковник Корой.

Кроме него, в составе командования части были: начальник штаба части подполковник Шишкин; заместитель командира части по политической части подполковник Матвеев; заместитель командира части по тылу подполковник Федорин; начальник автотракторной службы подполковник Ковалев; начальник строевого отделения старший лейтенант Володя Качан.

В состав войсковой части 31925 входили три дивизиона: первый дивизион — подготовки и проведения испытаний ракет на технической позиции. Располагался он на площадке № 2. Командиром этого дивизиона был майор Сяйлев.

Второй дивизион — подготовки и пуска баллистических ракет на стартовой позиции. Располагался этот дивизион, в основном, на площадке 4Н. Однако подразделения этого дивизиона, располагавшиеся на КТС, были разбросаны вдоль трасс полета ракет от Капустина Яра до Урала. В этот дивизион я и был направлен для прохождения службы. Командовал этим дивизионом майор Терещенко М.В.

Третий дивизион — подготовки и пуска как баллистических, так и крылатых ракет.

Располагался дивизион на площадке 4С. Командовал этим дивизионом подполковник Золотенков И.

Прибыв в штаб части, я представился подполковнику Корой. Он выслушал меня, посмотрел на мои документы и затем представил меня начальнику штаба подполковнику Шишкину, который в свою очередь, побеседовав со мной, сказал, что я должен прибыть завтра в дивизион майора Терещенко, расположенный на площадке 4Н, и представиться командованию дивизиона.

Кроме того, он сказал, что в дивизионе надо уточнить некоторые обстоятельства по должности, на которую я назначен. Это необходимо сделать потому, что там произошли какие-то изменения и на эту должность уже кого-то представили.

Побродив по территории части с целью ознакомления, пообедав в столовой, я отправился с попутной машиной на «десятку», то есть в непосредственно в городок.

4.7. Площадка 4Н

На следующий день я уже шел к штабу полигона по знакомому маршруту. Тот же «вибростенд», по той же дороге, повез меня на встречу моей военной карьере в расположение дивизиона майора Терещенко. Маршрут до площадки № 2 уже был мне знаком. И, тем не менее, я внимательно присматривался ко всему, что смог увидеть в маленькое оконце «вибростенда» в процессе его движения.

Километрах в трёх - четырех от площадки № 2, прямо у дороги с правой стороны я увидел небольшой фруктовый сад, запорошенный снегом. Мой сосед-офицер объяснил мне, что этот сад раньше принадлежал кому-то из жителей деревни Капустин Яр.

Дело в том, что большинство жителей деревни имели в астраханской степи свои участки. Это, в основном, были природные понижения участков степи, куда вешние воды стекались в процессе таяния снега. Влага на этих участках удерживалась дольше, чем на всем остальном пространстве степи. Поэтому здесь росли и расцветали сады, здесь выращивались необыкновенно вкусные арбузы и дыни. И все это было отчуждено в связи с организацией полигона и с приходом военных теперь находилось в запустении. Сады все еще продолжали плодоносить и проезжавшие мимо них в пору созревания плодов солдаты и офицеры часто пользовались их дарами.

Как раз напротив того сада, который мы только что проехали, следуя к месту моего назначения, я заметил небольшую бетонную площадку. Я спросил у своего соседа, что это за площадка и каково ее назначение. Он объяснил мне, что это историческое место и, что отсюда недавно, была запущена первая ракета ФАУ-2. И теперь, от этого исторического места, и от времени пуска идет отсчёт нового времени и отработка новейшей техники, необходимой для защиты Советского Союза от внешних врагов. Я удивился тому, что это историческое место так банально выглядит, и подумал, что этому месту должно быть воздано должное нашим народом.

А дорога наша шла далее по открытой степи. Справа и слева от нее, до самого горизонта, тянулась однообразная картина степного пространства, неизменная по обеим сторонам, кроме присутствия на одной стороне от дороги телефонных столбов с натянутыми на них проводами.

У меня слегка сжалось сердце от этой унылой, на первый взгляд, картины, и невольно подумалось: «Куда занесла меня судьба?» Но

тут же меня отрезвила очередная мысль: «А эти люди, что едут со мной рядом, разве у них не такая же судьба? И, тем не менее, они уже в который раз едут сюда и не ропщут на свою судьбу!» Через час езды мы подъехали к развилке, на которой стоял контрольно-пропускной пункт, и дорога от него расходилась в два направления: направо – на площадку 4Н, а прямо – на площадку 4С. Контрольно-пропускной пункт офицеры называли «Девятый километр», потому что от этого КПП до площадки 4Н было девять километров дороги.

Строгий контролер проверил наши пропуска. При этом все кто стоял в проходе между скамейками, должны были выйти на улицу и снова войти после проверки пропусков. После проверки пропусков «вибростенд» двинулся в путь. Через небольшой промежуток времени наш «вибростенд» подкатил к городку, со всех сторон окруженному столбами с колючей проволокой. Это и была только что построенная площадка «4Н». Здесь и располагался стартовый дивизион майора Терешенко.

Фасад городка представляли два двухэтажных здания, одно из которых оказалось гостиницей «Люкс» для приезжих гостей, а второе – гостиницей для офицеров и служащих. Между ними было расположено здание КПП и въездные ворота – хозяйство командира роты охраны капитана Собакина.

Солдат-контролер внимательно рассмотрел наши пропуска и предписания и пропустил через ворота наше драгоценное средство передвижения. Метров через семьдесят мы остановились перед одноэтажным деревянным щитовым бараком (одним из тех бараков, которые были присланы из Германии), проехав одноэтажное кирпичное здание справа (столовую) и трехэтажное кирпичное здание (казарму для личного состава) слева.

Деревянный барак оказался зданием штаба дивизиона.

Мы вышли из нашего «великолепного» автобуса, и каждый направился туда, куда обязывали его служебные порядки. Мне же пришлось идти в барак, в котором располагалось командование и службы дивизиона. Вначале мне предложили пройти непосредственно в кабинет начальника штаба дивизиона, которым являлся майор Макушев Н. Г. Я вручил ему свое предписание и другие документы. Он зафиксировал мое прибытие в соответствующих книгах, познакомил меня со своим помощником начальника штаба майором Сляром и посоветовал пройти в кабинет к заместителю командира дивизиона по специальному вооружению (зам. по СВ) майору Савину В.Е.

Командира дивизиона майора Терещенко М. В. в это время на месте не было.

Я прошел в кабинет майора Савина. Он принял меня, посмотрел на мои документы и сказал, что всех новоприбывших он опрашивает лично с целью выяснения их уровня знаний материальной части ракеты и наземного технологического оборудования. И в зависимости от знаний он дает согласие на то, чтобы вновь прибывший мог занять или не занять ту должность, на которую его аттестовали верхние инстанции. Я согласился с его доводами.

Он принялся экзаменовать меня «с пристрастием», как выразился он потом по поводу моего опроса. В процессе нашей беседы я быстро понял, что Савина я буквально ошеломил своими бескомпромиссными и безукоризненными ответами по материальной части ракеты ФАУ-2 и ее наземного технологического оборудования.

Дело в том, что за год изучения всего этого на Центральных курсах в городе Пензе я добился таких результатов, что, стоя спиной к электрической схеме управления ракеты или любого агрегата из наземного оборудования ракеты, я мог без запинки рассказать что, скажем, происходит с ракетой в процессе проверок ее системы управления при автономных, комплексных и генеральных проверках, когда и какое реле в электросхеме ракеты срабатывает, какой и где ее контакт замыкается или размыкается и что при этом происходит в системе управления ракетой.

Так же прекрасно я знал устройство и работу любого агрегата наземного технологического оборудования. Не зря же я закончил учебу в ЦАТКУОС с отличием!

Майор Савин остался очень довольным моими познаниями в области ракетной техники. Однако он же сказал мне, что, несмотря на мои прекрасные познания, назначить меня кроме, как на должность техника по испытаниям ракетного двигателя они не могут, дело в том, что на должность старшего техника по испытаниям двигательной установки в дивизионе они уже назначили чуть раньше прибывшего из Тамбовского училища лейтенанта Фокина А.А.

«Вот те на! — подумалось мне. — Фокин-то ракеты и ее оборудования вовсе не изучал, а назначен на должность ступенью выше моей». Но я понимал, что приказ обратной силы не имеет, поэтому был вынужден согласиться с должностью техника.

Немногим раньше, одновременно с лейтенантом Фокиным, в войсковую часть 31925 и испытательное управление прибыли вы-

пускники академии имени Ф.Э. Дзержинского из города Москвы. Эти выпускники были набраны из студентов четвертых курсов различных институтов страны. После учёбы в течение года в академии, их выпустили в звании «инженер-лейтенант» и направили для прохождения службы на полигон в Капустин Яр. Большая часть из них попала служить в испытательное управление, а часть из них была определена на службу в дивизионы на площадки 4Н и 4С.

В военном отношении они были обучены слабо, с Уставами ВС СССР «были не в ладах» и обучать личный состав подразделений сугубо военным вопросам могли с большой натяжкой. Но эти же офицеры были очень грамотны в теоретическом плане и прекрасно владели методиками расчетов, вопросами теоретического обоснования и т. п., что не совсем подвластно было мне и таким как я, имевшим средне-техническое образование, которых было немало в подразделениях дивизионов.

Таковой была кадровая обстановка в дивизионах войсковой части 31925.

В беседе со мною майор Савин сообщил, что в дивизионе имеются две стартовые площадки (левая и правая), в оборудовании которых имеются два немецких компрессора высокого давления (8Г33), и оба они в настоящее время неисправны и пока никто не может их восстановить. Стартовые площадки сейчас бездействуют, но скоро на них должны возобновиться работы по пускам ракет, а компрессоры неисправны.

Далее он объяснил мне, что дивизион майора Терещенко под руководством офицеров управления и полигона занимается периодическими исследовательскими работами по пускам ракет 8А11 (ФАУ-2 или Р-1), а также появившихся новых ракет Р-2 (8Ж38) и Р-5 (8К51).

Я сказал Савину, что хорошо знаю технологию подготовки и пуска ракеты Р-1, знаю отличия в устройстве ракеты Р-2 по сравнению с ракетой Р-1, знаю устройство и работу всех агрегатов наземного технологического оборудования, участвующего в подготовке к пуску и пуске ракеты. Что касается непосредственно компрессоров, то я прекрасно знаю их устройство и принцип работы. И если мне командование дивизиона разрешит их осмотреть, опросить тех, кто работал на них при появлении неисправностей, чтобы установить истинную причину отсутствия работоспособности компрессоров, а затем с помощью личного состава, за которым они закреплены, постараться устранить неисправности и привести компрессоры в нор-

мальное состояние. Майор Савин пообещал мне, что такое разрешение мне будет дано.

На следующий день я был представлен командиру дивизиона майору Терещенко. Это был невысокого, а скорее маленького роста человек, с живыми выразительными глазами и оригинальной манерой разговора с собеседником. Он часто жестикулировал в процессе общения, вскакивал из-за стола и, быстро пройдясь вдоль него в каком-то порыве, снова усаживался, будто хотел этим порывом подтвердить значимость произнесенных им слов.

Говорил он при этом быстро, но понятно, грамотно расставляя акценты в процессе своей речи.

Ходил он довольно быстро, слегка раскидывая в стороны носки своих всегда до блеска начищенных сапог. Его ходьба невольно напоминала походку Чарли Чаплина, только частота шагов майора Терещенко, по-моему, была больше, чем у известного актера.

Меня немного удивляло, что этот маленький человечек может командовать столь большим контингентом военных, да и гражданских лиц и все беспрекословно слушаются его указаний.

В моем понимании командиром, тем более командиром дивизиона, должен был быть человек высокого роста, крепкого телосложения, с голосом басового тона. Этому прототипу Терещенко явно не соответствовал, как не соответствовал ему и начальник Центральных курсов генерал-полковник Волкотрубенко И.И. Тем не менее, оба они были командирами и командовали определенными военными контингентами. Значит, дело вовсе не в тех внешних характеристиках, которыми должен обладать мой условный прототип командира.

Кроме указанных мною лиц в дивизионе были еще три начальствующие фигуры: заместитель командира дивизиона по хозяйственной части подполковник Демин, заместитель командира дивизиона по политической части майор Козловский и командир роты охраны имевший звание капитана и странную фамилию Собакин.

Было удивительно, что подполковник Демин имеет более высокое воинское звание, чем майор Терещенко, но, тем не менее, находится у последнего в подчинении. Увидев немало приблизительно таких же примеров в процессе службы, я позже понял, почему возникают такие противоречия, и прочувствовал их потому, что и сам неоднократно попадал в положения подтверждавшие причины этих противоречий в армии.

Как бы то ни было, а на следующий день перед строем всего дивизиона, состоявшего из 4 -й, 5 -й, и 9 -й команд (батареи в дивизионах были переименованы в команды) и хозяйственного взвода, я был представлен всему личному составу как техник по испытаниям двигательных установок ракет 5-ой стартовой команды, командиром которой являлся бывший фронтовик капитан технической службы Будкин Л.Ф.

Командиром 4-ой стартовой команды в то время был также фронтовик, бывший полковой разведчик, капитан технической службы Кубасов А.Т.

И, наконец, командиром 9-ой команды траекторно-технических измерений был также фронтовик, капитан технической службы Вязовов П.З.

Хозяйственный взвод дивизиона находился в подчинении у подполковника Демина.

4-ой стартовой команде, руководимой капитаном Кубасовым, принадлежал более благоустроенная левая стартовая площадка.

Левой и правой стартовые площадки назывались из-за своего расположения относительно бетонной дороги, по которой осуществлялся въезд на эти площадки. Одна из них располагалась слева от этой дороги и имела в своем составе глубокий подземный бункер, с хорошо отделанными комнатами, стены которых были покрыты красками светлых тонов, с лампами дневного света, мягкими диванами. Бункер был предназначен для укрытия в нем личного состава во время пуска ракеты. На бетонной крыше бункера, обвалованного со всех сторон землей, были густо расположены бетонные надолбы, предусмотренные для защиты бункера и кто находится в нем, если вдруг ракете вздумается упасть непосредственно на бункер. Из подземной части бункера, через стальные герметичные двери, была организована трехмаршевая бетонная лестница, вход в которую закрывался также стальными дверями.

В комнатах бункера были установлены морские перископы с подводных лодок, предназначенные для наблюдения за пуском и полетом ракеты. Они позволяли видеть всю картину предстартовой подготовки ракеты лучше, чем при нахождении наблюдателя на самой стартовой площадке. Один из перископов был выделен в распоряжение руководителя стартовой позиции («стреляющего»).

Около перископа был сооружен небольшой деревянный помост, на котором было установлено поворотное кресло. На ручках перис-

копа были укреплены телефонные трубки связи со стартовой площадкой и командованием полигона, а между окулярами перископа был установлен небольшой микрофон громкоговорящей связи, соединенный проводами с тремя динамиками, установленными в различных точках стартовой площадки.

Ответственным за эту стартовую площадку был подполковник Вертелецкий О.Л. В его подчинении был один человек - лейтенант Дьяков Ю.П., выпускник Тамбовского артиллерийско-технического училища.

5-ой команде, руководимой капитаном Будкиным Л.Ф., в которую я был назначен для прохождения службы, принадлежала правая стартовая площадка. На этой площадке кроме геодезической привязки стартового стола, да трех бетонных аппарелей, куда на период пуска ракеты укрывались машина подготовки и пуска ракеты (МУ-2М), кабельная машина, компрессор (8Г33), передвижная электростанция (8Н01) и другие агрегаты, бункера не было. Между правой и левой площадками стоял небольшой деревянный щитовой барак.

Правда, правой площадке принадлежало еще одно небольшое бетонное сооружение, оборудованное внутри ручной талью.

Назначение этого сооружения было непонятно. Но в него устанавливались для хранения между работами с ракетами три автомобильных заправщика ракеты спиртом.

Обе стартовые площадки находились километрах в семи от площадки 4Н. Вокруг стартовых площадок, насколько хватало глаз, тянулась однообразная унылая степь.

Правда, приблизительно на половине расстояния от площадки 4Н до левого и правого стартов, были еще два сооружения, которые тоже назывались площадками: площадка «В1» и площадка «В2». Обе эти площадки были расположены на некотором расстоянии друг от друга и предназначались, о чем я узнал позже, для работы с головными частями ракет и ядерными зарядами. О существовании этих двух площадок даже в штабе полигона не все знали, а чем занимаются люди на этих двух площадках вообще была «тайна за семью печатями». Площадки охраняло особое подразделение государственной безопасности, не подчинявшееся командованию полигона.

Кроме этого, с левой и правой стартовых площадок были видны постройки стартового дивизиона на площадке четвертой старой (4С) и стартовые сооружения для подготовки и пуска крылатых ракет (10ХН).

4.8. Пятая команда

После того, как меня представили личному составу дивизиона, начальник 5-ой команды капитан Будкин Л.Ф. собрал офицеров команды в помещении канцелярии и еще раз представил меня офицерам, а их мне.

У начальника команды был заместитель начальника команды по специальному вооружению старший инженер-лейтенант Федоров Б., которого вскоре сменил только что прибывший из академии имени Ф.Э. Дзержинского старший инженер-лейтенант Гончаров А. К.

Сама же команда состояла из отделений: стартового, электроогневого, проверки и испытаний двигательных установок, заправки и наведения ракеты на цель.

Стартовым отделением командовал майор Кириченко М. Это был опытный офицер, неторопливый по складу характера, имевший за плечами годы войны и среднее образование. В ведении его отделения имелись на вооружении трофейный лафет для установки ракеты в вертикальное положение, грунтовая тележка для перевозки ракеты на дальние расстояния, козловой кран для перегрузки ракеты с грунтовой тележки на лафет, автовышка для установки приборов в приборный отсек ракеты.

Электроогневым отделением командовал старший инженер-лейтенант Лялякин Г. В его подчинении были: старший лейтенант Поляков А. — оператор; техники-лейтенанты Борисов Б. и Михайлов Н. — техники отделения. На вооружении этого отделения имелась проверочно-пусковая машина (МУ-2М), кабельная машина, машина проверочно-пускового оборудования (электрических приборов) и передвижная электростанция (8Н01).

Отделением проверки и испытаний двигательных установок командовал старший инженер-лейтенант Сергеев Н. В его подчинении был уже известный выше лейтенант Фокин А., только что назначенный старшим техником отделения, и на свободную должность техника в подчинение Сергееву Н. назначили меня. В этом отделении на вооружении были неисправный компрессор (8Г33), воздухоподогреватель (8Г27), комплект баллонов и шлангов высокого давления, два бачка и крестовины жидкостного зажигательного устройства (ЖЗУ), пневмощиток стартовый (ПЩС).

Заправочным отделением командовал капитан технической службы Кулешов Н., довольно мрачный субъект. Невысокого роста, креп-

кого телосложения. В его подчинении были старший техник-лейтенант Черепенин И., окончивший после среднего военного училища на полигоне Курсы усовершенствования офицерского состава и ведавший заправкой ракеты горючим (спиртом), и техник-лейтенант Шевченко Л., ведавший заправкой ракеты окислителем (жидким кислородом) и перекисью водорода.

На вооружении отделения имелись три тяжелых артиллерийских тягача (АТТ), три автомобильных заправщика ракеты горючим (спиртом), подогреватель-заправщик перекиси (ПЗП), две подвижных емкости для жидкого кислорода и два бортовых автомобиля ЗИС.

Должность начальника отделения наводки была в команде вакантной, и ее по совместительству исполнял заместитель начальника команды по спецвооружению старший инженер-лейтенант Федоров Б. Помощником у него в делах наведения был младший сержант Киреев И.

На вооружении этого отделения была немудреная техника: коллиматор, два угломера, артиллерийская панорама и артиллерийская буссоль с треногами, два уровня с магнитными основаниями. Все это перевозилось на стартовую площадку и обратно на состоявшем в штате отделения грузовом автомобиле.

В штате этого отделения кроме начальника отделения состояли командир отделения – младший сержант, ефрейтор и рядовой солдат.

Что касается штатного состава 4-ой команды, то количество личного состава этой команды было приблизительно таким же, как и в нашей 5-ой команде, а, следовательно, техническое вооружение этой команды было по составу идентичным 5-ой команде.

Начальником этой команды был фронтовик (полковой разведчик) капитан Кубасов А.Т.

Начальником стартового отделения в этой команде был старший лейтенант Захаров Н.М.; начальником электроогневого отделения (не помню его фамилии), а техниками отделения были лейтенанты Кокорев И. и Кондратьев А.; начальником двигательного отделения был капитан Бибикин А.; начальником отделения наведения ракеты на цель – старший лейтенант Козлов В.; начальником отделения заправки ракеты компонентами топлива – старший лейтенант Тамкович Г. М.

Большинство техники, находившейся на вооружении 4-ой и 5-ой команд, да и всего дивизиона хранилось под открытым небом, на отведенной для этой цели и огороженной колючей проволокой пло-

шадке, именуемой автопарком, находившимся в пределах жилой зоны площадки 4Н.

На территории этого импровизированного автопарка находился и склад горюче-смазочных материалов для автотракторной техники.

На территории жилой зоны площадки высилась водонапорная башня, но вода, добываемая из скважины, была горько-соленая (вся Прикаспийская низменность была когда-то дном моря). Поэтому воду для питья и приготовления пищи привозили издалека и ее очень часто не хватало и приходилось пить эту горько-соленую воду.

Личный состав всего дивизиона располагался в только что построенной кирпичной казарме. Для каждой из команд был выделен свой этаж (4-я команда на первом этаже, 5-я — на втором, и 9-я — на третьем этаже).

На каждом этаже имелся спальный зал, где были установлены двухрусные кровати с прикроватными тумбочками. Были предусмотрены и бытовые помещения, такие, как умывальник, туалет, ленинская комната, канцелярия, каптерка и другие.

Штатная численность команды вместе с офицерами составляла около шестидесяти человек. Рядовой и сержантский состав проходили службу в течение трех лет.

Вот в такой коллектив я и попал для прохождения дальнейшей службы.

4.9. А жить мне негде!

На новом месте я довольно быстро освоился. Посмотрел все, что было можно посмотреть на жилой зоне, побывал и на обеих стартовых площадках. Очень мне понравилась левая площадка. Она была построена позже, чем правая и имела ряд преимуществ по сравнению с правой площадкой. Но принадлежала она 4-ой команде.

А на дворе уже стояла зима. Эта зима 1955-1956 годов как и последующие зимы в этих местах была снежной и суровой. Конец декабря и январь наш дивизион в смысле испытательных пусков ракет был не очень загружен. Мы занимались учебой и различными внутренними делами. За это время с помощью, конечно, других офицеров и солдат нашей команды мне удалось найти, а затем устранить неисправности в одном и другом компрессорах, изучить и практически отработать правила настройки и контроля работы главного редук-

тора двигательной установки ракет Р-1 и Р-2, а также порядок работы на ПЩС. Кроме того, в составе отделения, а также в составе группы офицеров дивизиона я участвовал в политических занятиях, которые организовывали политические работники.

На политических занятиях группы офицеров, кроме событий текущего момента, мы по книге «История ВКП(б)» изучали историю партии. Но за пять лет моего пребывания на полигоне, мы так и не продвинулись в изучении этой истории дальше, чем третья глава. Диалектический материализм так и остался неизученной нами темой.

Жизнь моя в новом коллективе постепенно вошла в нормальное русло взаимоотношений. После приезда на площадку на «вибростенде», мы, холостяки, бежали в столовую что-то перекусить и, не успев перекурить (а я тогда курил), быстро шагали на построение дивизиона, к своему личному составу. На построении нам ставились задачи, и мы в соответствии с ними трудились в течение дня.

Определив свое место по службе, я попытался решить жилищный вопрос, потому что администрация общежития снова попросила меня перебраться в деревню Капустин Яр.

Я сделал несколько попыток найти что-то подходящее для себя, но попытки мои не увенчались успехом. Многие офицеры-холостяки, да и женатые, проживали в селе. А в большинстве своем деревню «оккупировали» строители. На первых порах даже генерал Вознюк В.И. жил в деревне.

Жилой городок строился, развивался. Строился госпиталь, школы, жилые дома, но жилой площади на всех не хватало. Когда были построены первые два кирпичных дома, комнату в этих домах давали семье, в которой было не менее трех детей.

После одной из безуспешных попыток найти для себя угол в селе, я встретил Никитичева И., с которым мы вместе учились в ТАТУ и на Центральных курсах в Пензе, но он был назначен в сформированную тогда на полигоне одну из первых ракетных бригад под командованием полковника Гарбуза. Игорь успел жениться в городе Пензе. У него уже родился сын, и теперь он со своей семьей снимал комнату у одного из жителей деревни. Я рассказал ему, что не могу никак определиться с жильем. Выслушав меня, он сказал: «Пойдем к моей хозяйке дома, она поможет тебе устроиться.» И действительно, хозяйка, выслушав меня, сказала: «Пойдемте сейчас. У меня есть одна знакомая семья, которая очень нуждается в деньгах. Эта семья выделит вам уголок для проживания».

Мы отправились с ней на улицу Одесскую в центре села и подошли к дому № 40. Хозяйка дома, в возрасте около пятидесяти лет, с приятным женским лицом, встретила нас приветливо. На вопрос той женщины, которая привела меня, может ли она пустить к себе квартиранта, она посетовала: «Тесновато квартиранту у нас будет, поскольку у меня трое детей. Ну, а если квартиранту понравится наш уголок, который мы ему предложим, то я возражать не буду».

Она пригласила нас в дом. Снаружи дом выглядел неказисто. Он был деревянным, а не глинобитным как большинство домов в этой деревне. Во дворе дома был маленький клочок земли, на котором красовался старенький покосившийся деревянный туалет, а в непосредственной близости от дома торчала горловина резервуара для воды. Дело в том, что местная вода в деревне как и вода на площадке 4Н, была горько-соленая, малопригодная для питья. Я никак не мог привыкнуть к ее вкусу, хотя иногда очень хотелось пить. Поэтому местные жители пользовались привозной пресной водой. Оплатив шоферу водовозки стоимость, привезенную воду сливали в этот устроенный в земле (а вернее в глине) резервуар. Надо сказать, что этот резервуар долго готовился к приему воды: вначале отрывался небольшой котлован в виде кувшина, затем дно и стены его делались очень ровными за счет обработки лопатами и скребками. После этого обработанные поверхности обмазывались приготовленной особым образом глиной. Слою обмазанной глины давали просохнуть, а потом рядом с этим слоем постепенно наращивался еще один глиняный слой, а между стенкой и этим слоем делалась засыпка обычной глиной. И так шаг за шагом лепился этот огромный кувшин в земле до самого его верха, включая свод и горловину. После изготовления этот большой глиняный сосуд, закопанный в землю, неоднократно промазывался, дабы избежать возможного образования трещин, через которые вода может уйти из сосуда. Объем таких сосудов у разных хозяев был разным в зависимости от потребности хозяйства в воде. Сосуд во дворе будущей хозяйки вмещал два бака автоцистерны, то есть был довольно объемным. Крохотный участок земли был обнесен стареньким деревянным забором. В этом дворике бродило пять куриц и петух. Все говорило о бедности живущих в этом доме. Весь дом состоял из двух комнат, маленькой кухоньки и отгороженного от них перегородкой угла, в котором стояла односпальная кровать, маленький столик и стул.

Но в доме было чисто и опрятно. Вот этот отгороженный уголок

мне и предложили. Я согласился, за неимением другого выбора. Плата была умеренной для меня. В доме проживала хозяйка — тетьа Таня, добрейшей души человек, Она работала уборщицей в гарнизонном госпитале, старший сын ее был женат и проживал в городе Петропавловке, а с нею в доме проживали еще трое детей. Старшая из них, дочь Валя, только что была назначена директором офицерской гостиницы на площадке 4Н, и мы, оказывается, вместе с ней ездили до этого момента на «вибростенде» к месту ее работы и моей службы. Младшие, брат ее Павел и сестренка Шура, учились в местной школе, расположенной поблизости от их дома. Эта школа была кирпичной, имела два этажа, по углам ее крыши, в качестве украшений, располагались невысокие, около одного метра башенки, из-за которых школа носила название «рогатой».

Наконец я обрел угол, в котором мог, приехав с работы, как-то отдохнуть. Но отдыхать мне не приходилось. Я очень редко приезжал в этот дом, больше находился на площадке 4Н, загруженный работой или дежурством. Надо сказать, что в период осенних дождей по улице Одесской вода всегда неслась мутным потоком в сторону «рогатой» школы и пройти через эту улицу можно было только в резиновых болотных сапогах. Весной эти условия повторялись. От грязи на улицах в какой-то степени освобождали зимние морозы, но зимы в то время были морозные и снежные с периодическими буранами.

В таких условиях приходилось первопроходцам жить и служить Родине. Первые финские домики на территории, определённой для жилой зоны, появились в 1950 году, а чуть позже и двухэтажные кирпичные дома.

Глава 5. Я – ИСПЫТАТЕЛЬ!

5.1. Первый пуск ракеты

Практическое восстановление одного из компрессоров в течение нескольких дней сразу подняло высоко мой авторитет (разбирается в технике!). А вот со вторым компрессором, принадлежавшим 4-ой команде мне пришлось повозиться. Но и с этой задачей я справился.

Высоким давлением пуски ракет были обеспечены. Я как-то довольно быстро вписался в коллектив не только команды, но и дивизиона. Мои хорошие знания техники и коммуникабельность повлияли и на командование дивизиона.

В начале декабря нам была поставлена задача подготовиться к пуску ракеты Р-1. С каким трепетом я ждал этого момента, этого дня. До сих пор я изучал теорию, кое-что делал практически, но самостоятельно участвовать в пуске, своими руками делать то, благодаря чему ракета полетит к предназначенной ей цели, это для меня было новым.

И вот ракету привезли на стартовую площадку! Нас построили. Подъехали офицеры испытательного управления, представители конструкторских бюро и заводов-изготовителей ракеты, члены комиссии. Нам поставили задачу на подготовку к пуску и пуск ракеты.

На стартовую площадку (правую) ракета была доставлена на грунтовой тележке в зачехленном виде с площадки № 2, в МИКе которой она была проверена. Тележка с ракетой транспортировалась автомобилем ЗИС в сопровождении автомобилей прикрытия. В ожидании прибытия ракеты, мы установили пусковой стол на гидравлические пятидесятитонные весы, которые были заглублены в землю. С площадки 4Н доставили сюда лафет, установили его и развернули над ним козловой кран для перегрузки ракеты с грунтовой тележки на лафет.

Доступ к весам, размещённым в подземном четырёхугольном помещении, осуществлялся через люк, закрывавшийся перед пуском ракеты металлической крышкой с запорами. На весах была установлена стальная плита, строго привязанная геодезистами к триангуляционной сети. Вот на эту плиту, в отведенное ему место и установ-

ливался пусковой стол, который крепился к плите с помощью восьми захватов с болтами. Сами же весы были нужны для того, чтобы определять параметры заправки ракеты компонентами топлива и сжатыми газами.

Сначала на плиту к пусковому столу укладывалось все то оборудование, которое участвовало в подготовке ракеты к пуску и ее заправке. Все это вместе со столом взвешивалось, и результат записывался в журнал испытаний ракеты, который вёл представитель испытательного управления, выпускник среднего военного училища Иконников Н.В. Кроме того, в помещении весов были смонтированы четыре гидродомкрата, приводившиеся в действие расчётом из четырёх солдат с помощью обычных рукояток. Когда нужно было принять первоначальный, а затем последующие веса, то с помощью рукояток опорные плоскости гидродомкратов подводились под плиту и вес плиты с устанавливаемым на нее грузом воспринимали гидродомкраты.

После установки ракеты домкраты опять-таки с помощью рукояток опускались и плита вместе с установленным на ней грузом опускалась на коромысла весов. Проводилось определение «сухого» веса установленной ракеты, значение которого записывалось в журнал. А далее с заправкой каждого из баков ракеты компонентом топлива проводилось аналогичное взвешивание с записью полученного результата в журнал. В конечном итоге вычислялся полный предстартовый вес ракеты. Полученные таким путём весовые данные позволяли оценить точность тарирования баков ракеты и правильность срабатывания сигнализаторов уровня заполнения топливных баков ракеты. Потом эти данные сравнивались с формулярными значениями, записанными на заводе-изготовителе и производилась корректировка полётного задания. Это было необходимо делать для обеспечения точного попадания головной части ракеты в цель.

Для проверки точности показаний весов был предусмотрен груз, которым весы периодически нагружались. Этот груз представляли собой гири по 24 килограмма. Их было такое количество, что их общий вес превышал 50 тонн. И вот эту массу гирь, при проверках весов на точность показаний, надо было переместить вручную на платформу весов, и после проверки снять с платформы и переместить в определённое место для их хранения. И всё это исполнял расчёт стартового отделения. Представляете, какая это нагрузка была на каждого номера расчёта отделения.

После взвешивания стола с оборудованием, домкраты весов были снова нагружены. К столу мы всей командой вручную подкатали лафет и после нескольких безуспешных попыток наконец благополучно пристыковали лафет к пусковому столу.

И все-таки, какая это мучительная операция – пристыковка лафета к столу!

Здесь педантичные немцы явно не доработали!

Лафет представлял собою очень неуклюжее сооружение весом порядка двадцати тонн. В передней его части немцы сконструировали четырехколесную тележку, которая с помощью дышла могла поворачиваться на триста шестьдесят градусов и отцепляться от тела лафета перед подъемом его стрелы с ракетой. При движении лафета назад, в процессе его стыковки со столом, дышло тележки находилось в руках нескольких человек, управлявших через нее движением лафета. Тележка при этом обязательно выворачивалась не туда, куда нужно, и усилия всего личного состава команды, прилагаемые к лафету по его передвижению назад к столу, уходили насмарку. Приходилось снова и снова откатывать лафет, с помощью дышла выравнять его по отношению к столу и снова катить назад для стыковки со столом, пока лафет не занимал нужного положения для соединения со столом. Уходило немало времени и затрачивалось невероятное количество сил всей команды, а иногда и представителей промышленности, которые часто приобщались к этой трудоёмкой операции, помогая личному составу команды.

Но вот лафет пристыкован (присоединен) к пусковому столу. Ракета на грунтовой тележке устанавливается рядом с лафетом, расчехляется и с помощью козлового крана перегружается на лафет и закрепляется на нём с помощью бандажа и верхнего захвата.

К лафету подключается электропитание от работающей передвижной электростанции 8Н01 или от электросети, приборы наведения ракеты на цель устанавливаются на свои места, определенные геодезистами.

Начальник команды капитан Будкин Л.Ф., доложив по команде о готовности ракеты к подъему в вертикальное положение и установке на пусковой стол, подает команду начальнику стартового отделения майору Кириченко: «Установить ракету в вертикальное положение!»

Включается электродвигатель на лафете, приводящий в действие насос гидросистемы лафета, и насос начинает качать рабочую жид-

кость из бака на лафете в полости гидродомкратов стрелы лафета, и стрела вначале как бы нехотя, а затем быстрее, вращаясь на подшипниках опорных цапф, поднимается вверх вместе с ракетой. Скорость подъёма стрелы с ракетой регулируется с помощью управляющего вентиля гидросистемы лафета. Подняв стрелу лафета на угол в семьдесят градусов, Кириченко выключил электродвигатель и запер рабочую жидкость в гидросистеме лафета с помощью управляющего вентиля. После этого наводчики установили на специальные площадки на днище ракеты магнитные уровни под углом девяносто градусов друг к другу. С помощью этих уровней проводится контроль установки вертикальности ракеты в продольном и поперечном направлениях. Одновременно контроль вертикальности установки (вторичный) ведется расчетом наведения с помощью угломеров.

Подъем стрелы после установки магнитных уровней возобновлен и медленно доводится до вертикали по уровням. Электродвигатель лафета выключается. С помощью четырех механических домкратов, установленных в опорах пускового стола, поворотная часть стола поднимается на необходимую высоту, приближаясь опорными пятнами к опорам ракеты. На определенном расстоянии поворотная часть стола останавливается. Опорные пятны стола в исходном состоянии ввернуты по резьбе в поворотную часть стола. Теперь они вывинчиваются номерами расчета – солдатами до плотного соприкосновения с опорами ракеты. При этом ведется постоянный контроль вертикальности ракеты и по уровням и по угломерам.

После доведения опорных пят стола в соприкосновение с опорами ракеты, Кириченко снова включает электродвигатель лафета и на малой скорости подает стрелу лафета в сторону ракеты.

Этим манёвром стрелы вес ракеты передан на опорные пятны пускового стола. При этом контроль вертикальности ракеты осуществлялся по угломерам. Ракета установлена на пусковой стол. Теперь снимаются бандажные крепления ракеты к стреле лафета, снимаются магнитные уровни. Ракета крепится к поворотной части стола с помощью восьми стяжек (тендеров) ветрового крепления. Ветровое крепление – это крепление на случай воздействия на ракету сильного ветра. На верхнем конце стрелы лафета открывается верхний захват, обнимавший головную часть ракеты.

Стрела лафета отводится от ракеты, и затем лафет отсоединяется от стола. Проводится очередное взвешивание. При этом определяется сухой вес ракеты. Данные взвешивания заносятся в журнал.

Далее подается команда на подстыковку к ракете заправочных средств и сборку проверочно-пусковой схемы для проведения автономных и генеральных испытаний системы управления ракеты.

Следует отметить, что все операции, выполняемые боевым расчетом команды, начиная от перегрузки ракеты с грунтовой тележки на лафет и далее, контролировались офицерами управления, а основные операции, как правило, контролировались совместно с представителями промышленности, либо часть этих операций выполнялась ими непосредственно.

По утверждённой тогда программе опытных лётно-конструкторских испытаний полигону и нашей испытательной войсковой части 31925 отводилась роль «участника» в пусках ракет, роль «пускатча». А представителям испытательного управления при этом отводилась задача подготовки замечаний по результатам проведенных испытаний. Поэтому за номерами расчётов стартовых команд был установлен постоянный контроль по части грамотного выполнения операций, упреждению недостатков, промахов, предотвращению аварийных ситуаций, связанных с нарушением требований технологической документации.

Когорту инженеров-испытателей управления на стартовой площадке, как правило, возглавлял инженер-подполковник Меньшиков В. И. В этой когорте контролерами по работе с двигательной установкой выступал руководитель группы инженер-майор Катеринич М, капитан Мухинский Д. и старший лейтенант Танкиевский В. Инженеров-испытателей по контролю других направлений возглавлял подполковник Яцюта П. В его группу входили: старший лейтенант Гринь А. – контроль по работе со стартовым оборудованием и приборами прицеливания; старшие лейтенанты Непомнящий А. и Графский В. – контроль по работе заправочного оборудования. Все операции по подготовке ракеты к пуску были на постоянном контроле со стороны других офицеров управления.

Подполковник Меньшиков В. был заместителем по стартовой позиции у инженер-подполковника Носова А. В 1955 году Носов А. был переведен на новый полигон в Тюратам и подполковник Меньшиков В. стал начальником по стартовой позиции, а его заместителем был назначен подполковник Курушин А.А. В этом году многие офицеры управления были направлены на новый полигон, расположенный в Тюратаме Казахской ССР. В 1960 году полковник Носов А.И. погибает на южном полигоне и подполковник Курушин А. был

направлен на Байконур, где пройдя ряд руководящих должностей, становится начальником полигона .

Из общей среды офицеров управления подполковник Меньшиков В. всегда выделялся высокой требовательностью при выполнении работ по подготовке ракеты к пуску. Особенно он не любил празднующихся по стартовой площадке. Таким лицам от него «доставалось на орехи».

Из представителей промышленности в то время заметно выделялся заместитель генерального конструктора Бармина В.П. по наземному комплексу стартовой позиции Троицкий Ю.Л. Он довольно часто бывал на стартовой площадке и во время работ общался с нами по разным вопросам функционирования наземного. Оборудования.

На первых порах моего нахождения в 5-ой команде мне, как технику – двигателю, был определён круг обязанностей по подготовке двигательной установки ракеты к пуску.

В задачу техника по испытаниям двигательных установок входило участие в проверке и настройке главного редуктора двигательной установки ракеты и подготовка внутренней поверхности камеры сгорания ракеты. Эта подготовка заключалась в съеме заглушек с кислородных форсуночных камер и проверки целостности форсунок окислителя и горючего.

А на ракете Р-2 в обязанности техника кроме того входила обклейка специальной лентой дополнительных поясов охлаждения на внутренней поверхности камеры сгорания.

Но вернемся к ракете Р-1, которая уже стоит на пусковом столе. На конусную часть стола, служащую для того, чтобы при пуске струя раскаленных газов, истекающих из камеры сгорания, плавно растекалась во все стороны, я установил специально предусмотренную для обслуживания внутренней поверхности камеры сгорания горизонтальную площадку и, став на нее, втиснулся через критическое сечение внутрь камеры сгорания. Осветив фонарем верхнюю часть камеры сгорания, я снял заглушки с форсуночных камер, проверил целостность форсунок и убрал заглушки в специальный ящик и наклеил с помощью клея специальную ленту на дополнительные пояса охлаждения камеры сгорания.

После этого проверил подготовленное к работе жидкостное зажигательное устройство (ЖЗУ), состоявшее из деревянной крестовины, которая вставлялась внутрь камеры сгорания и укреплялась на срезе сопла камеры сгорания. Вдоль вертикальной рейки кресто-

вины проходила закрепленная на ней металлическая трубка, заканчивавшаяся с одной стороны насадкой с отверстиями, выполнявшей роль форсунки, а с другой стороны накладной гайкой, с помощью которой трубка крепилась к бачку емкостью одиннадцать литров, заполняемому спиртом. В верхней части крестовины под углом в сорок пять градусов к вертикальной рейке были прикреплены две металлические полоски, которые перегорали в процессе запуска под действием пламени от горящих пиропатронов, закрепленных в непосредственной близости от лент. Эти ленты были связаны с системой запуска двигательной установки и носили название сигнализаторов зажигания. От полосок и пиропатронов шли провода, оканчивающиеся штепсельным разъемом, который подключался к проверочно-пусковой сети.

Бачок ЖЗУ со спиртом перед пуском ракеты устанавливался на поворотной части пускового стола, и к штуцеру бачка подсоединялись трубка с форсункой, закрепленная на крестовине, а также трубка для подачи давления в бачок от наземной сети для выдавливания спирта из бачка в камеру сгорания ракеты. Установкой этого нехитрого устройства и подачей напряжения на пиропатроны с одновременным выдавливанием спирта из бачка организовывался предварительный факел горения, в который после открытия главных клапанов на ракете подавались горючее и окислитель из баков ракеты. Осуществлялось необходимое воспламенение компонентов топлива в камере сгорания.

Установив с помощью автовышки в приборный отсек приборы системы управления программный токораспределитель (ПТР), гироскоп и гировертикант и подсоединив необходимые кабели к борту ракеты с помощью кабель-мачты, электроогневое отделение во главе с Лялякиным Г. провело автономные, а затем и генеральные испытания всей бортовой и наземной аппаратуры. Проверки, в основном, осуществлялись с участием оператора этого отделения старшего лейтенанта Полякова А., который все проверки системы управления проводил сидя за пультом проверки и пуска в машине МУ-2М. Эта машина представляла собою броневик с довольно толстой броней, внутри которого была смонтирована проверочно-пусковая аппаратура.

Еще до подсоединения к ракете кабельных и других коммуникаций стартовое отделение и отделение наведения ракеты на цель с помощью приборов наведения и поворота поворотной части стола в необходимый азимут навели ракету на цель.

За это время заправочное отделение капитана Кулешова Н. расставило вокруг ракеты заправочное оборудование: три автозаправщика со спиртом, две цистерны с жидким кислородом и подогреватель-заправщик перекиси (ПЗП), и подсоединили их к борту ракеты.

Наше отделение проверки и подготовки двигательной установки включило в работу подогреватель воздуха 8Г27 для обогрева приборов в приборном отсеке.

Пока мы всей командой выполняли все эти работы, уже покати-лась вторая половина дня. Солдатам команды привезли обед в термо-сах, и стали кормить их по мере освобождения от выполнения работ.

Представители промышленности, в большинстве своём, успели съездить на автобусе на площадку 4Н и пообедать, а затем и подъе-хать к проведению автономных и генеральных испытаний.

Офицеры же команды и часть офицеров испытательного управ-ления, постоянно занятые в работе, остались без обеда. Мне объяс-нили, что такое положение с офицерами дивизиона повторяется при каждом пуске ракеты. «Невеселая перспектива!» — подумал я.

Но, тем не менее, генеральные испытания уже проведены, теле-метристы зафиксировали необходимые параметры, сверили их с контрольными параметрами, которые должны быть по полетному заданию для ракеты, и доложили результаты на комиссии. Заслушав доклады, комиссия выдала добро на заправку ракеты компонента-ми топлива.

Стартовую площадку заполонил гул работающих двигателей тяга-чей, автомобилей, компрессорной станции, которую я исправлял сво-ими руками, и теперь она старательно закачивала ресиверную батарею из четырёх баллонов сжатым воздухом до давления 230 атмосфер.

Но вот началась заправка ракеты

Сначала заправили бак горючего ракеты спиртом, а затем бак окис-лителя жидким кислородом.

Заправка баков ракеты жидким кислородом сопровождалась об-разованием облака испарившегося кислорода, вылетавшего из дре-нажной трубы, присоединённой к кислородному баку ракеты, и об-волакивавшего всё, что находилось на его пути. Со стороны каза-лось, что возле ракеты копошатся какие-то фантастические суще-ства, управляющие техникой. Но, постепенно заправка ракеты окан-чивалась и из дымки, окутывавшей стартовую площадку стали вы-ползать автомобили - заправщики.

В процессе лётно-конструкторских испытаний (ЛКИ) ракеты, а

также при отстреле ракет от изготовленной серийной партии было предусмотрено проведение нескольких этапов взвешивания. Поэтому после заправки каждого компонента проводилось взвешивание с записью результата взвешивания в журнал (который позже стал называться бортовым журналом). В процессе заправки бака ракеты жидким кислородом, стенки его постепенно начали белеть и вскоре стали совершенно белыми от покрывавшей их снеговой шубы.

В последнюю очередь заправили дозу перекиси водорода в торový бак ракеты, находившийся непосредственно над двигательной установкой ракеты. Перекись водорода необходима для приведения в действие реактора, находящегося на борту и входящего в состав двигательной установки. Реактор заполнен перманганатом натрия или калия, являющийся катализатором для перекиси водорода. При попадании в реактор перекись водорода, взаимодействуя с перманганатом натрия, бурно разлагается, образуя парогаз, который под давлением направляется на лопатки турбины турбонасосного агрегата для ее раскрутки.

На одном валу с турбиной смонтированы насосы горючего, окислителя и перекиси водорода, рабочие органы которых, благодаря вращению турбины, тоже вращаются и подают в камеру сгорания горючее и окислитель, а в реактор-перекись водорода.

Каждая операция, выполненная членом нашей 5 - ой команды обязательно контролировалась офицерами испытательного управления, либо представителями промышленности (к ним относились представители заводов-изготовителей и конструкторских бюро). О выполнении каждой операции докладывалось по команде. Особенно строго контролировался процесс заправки ракеты компонентами топлива. Заправка спиртом осуществлялась через коммуникации, закрепленные на стреле лафета и присоединенное непосредственно к ракете наполнительное соединение. Пристыковывалось (присоединялось) оно с откидной площадки на стреле лафета. Процесс количественной заправки контролировался по прибору, называемому литромером, установленным на насосной установке каждого автозаправщика, а факт прохождения компонента по коммуникации, путем прослушивания солдатом или офицером с последующим докладом ведущему заправку, например: «Спирт идет, течи нет!»

Жидкий кислород заправлялся в бак ракеты до перелива через бортовую трубу перелива, к которой в свою очередь подсоединялась ком-

муникация в виде алюминиевой трубы и шлангов. Это приспособление подсоединялось для того, чтобы исключить попадание струи переливающегося кислорода на плиту, установленную на весах.

Позже, при подготовке к пуску одной из таких ракет, переливавшийся кислород случайно вылился на плиту и плита треснула в результате воздействия деформаций, возникших от низких температур. Пришлось с плитой изрядно повозиться, чтобы заварить возникшую трещину.

Перекись водорода заправляли в ракету в последнюю очередь и с большими предосторожностями. Она имела концентрацию восемьдесят два процента.

Процесс заправки ракеты компонентами топлива, как уже было сказано выше, сопровождался гулом моторов автомобилей-заправщиков, тяжёлых артиллерийских тягачей, автономной электростанции 8Н01 и грохотом автомобильной компрессорной станции, заполнявшей сжатым воздухом четырёхбаллонную ресиверную батарею, которая осуществляла предстартовый наддув баков ракеты.

Итак, ракета заправлена всеми компонентами, стенки её кислородного бака побелели от заправленного в бак жидкого кислорода, стартовая площадка утопает в дымке от испаряющегося кислорода и работавших моторов.

Всё проверено, стрела лафета опущена, сам лафет, подвижная электростанция и компрессорная станция отведены на безопасное расстояние от пускового стола. Проведен контроль правильности наведения ракеты.

Личному составу девятой команды капитана Вязовова, находящемуся на кинотеодолитных станциях (КТС), расположенных по трассе полета ракеты, по телефонам выдана информация о готовности ракеты к пуску. КТС готовы зафиксировать на пленку поведение ракеты на трассе полета от момента взлета до момента падения в заданном районе (а падала она в 250 километрах в безлюдном месте степного края Северного Казахстана).

Последние заключительные операции проведены, и все уходят в укрытия. На стартовой площадке ни души. Возникла какая-то напряжённая тишина. Ракета одиноко стоит на пусковом столе, и только из отверстия, с которым сообщен дренажно-предохранительный клапан кислородного бака, вьется струя газообразного, испарившегося в баке жидкого кислорода. Мне очень любопытно, как же полетит ракета.

Покидая стартовую площадку, я сказал об этом Лялякину. Он ответил: «Держись меня, и мы с тобой посмотрим, как она взлетает и летит».

Мы спрятались с ним за здание деревянного барака. Я, наверное, как и многие из находившихся в это время в укрытиях, с волнением и тревогой ждал момента пуска. И вот последовала команда на пуск. Вокруг такая тишина, что было слышно, как на ракете что-то щелкнуло, от бака ракеты с жидким кислородом посыпались белые хлопья, парение кислорода от корпуса ракеты прекратилось. Это сработала автоматика двигательной установки, внизу ракеты появилась вспышка пламени и из сопла камеры сгорания вырвалась огненная струя.

Жидкостное зажигательное устройство выполнило свою роль — зажигание произошло. Пламя из камеры сгорания выкатилось гудящей волной, охватывая корпус ракеты — заработала предварительная ступень. Струя огня от стартового стола покатила по стартовой площадке. Мощный гул превратился в дикий рев, пусковой стол скрылся в потоке пламени, рёв двигателя бьёт по ушным перепонкам и переходит в тяжёлый рокот — двигатель вышел на главную ступень работы. Ракета какое-то время, исчисляемого долями секунды, была окутана клубами дыма и грохочущим морем огня, а потом, набрав тягу, равную своему весу, плавно оторвалась от стола и, как бы нехотя, вынырнула из облака огня и пыли и, набирая скорость, с грохотом рванулась ввысь, опираясь на факел огня, вылетающий из её хвоста. Всё вокруг дрожало: земля, воздух и мы вместе с ними. Казалось, что ракета сейчас прекратит свой рев и рухнет точно на нас. Но она, поднявшись на определенную высоту, под действием умных приборов интегратора и программного токораспределителя, которыми ей была задана программа полета, плавно изменила траекторию полета от вертикали к пологой кривой и, набирая скорость, ринулась к намеченной для неё цели. Постепенно её огненный, словно кинжал, хвост стал уменьшаться и превратился в светлое пятнышко, вместо которого через небольшое количество секунд появилась белая змейка — инверсионный след от истекавших из камеры сгорания газов.

Всё только что увиденное и услышанное полностью реквизирировало моё сознание, и я стоял задрав голову, и заворуженно смотрел вслед улетающей вдаль ракете.

Я настолько был потрясен всем увиденным, что, наблюдая все происходившее, не заметил, как вцепился в рукав Лялякина. Как-то не верилось, что только что стоявшая на пусковом столе ракета превратилась в маленькую точку на ясном небе, а затем вовсе исчезла из

поля зрения. Только хорошо был виден оставленный ею росчерк — инверсионный след.

Лялякин, оказывается, внимательно наблюдал и за пуском ракеты и за моим поведением. С появлением инверсионного следа он произнёс: «Ну, вот и ушла, родимая!»

«Ну как, впечатляет пуск-то?» — спросил он меня, беря за руку. Я смог ответить ему только двумя словами: «Фантастическая картина!»

Вот так прошло мое участие в первом пуске ракеты. Начиная с этого пуска, я стал считаться испытателем, ракетчиком, «пускателем». Но чтобы стать ими в полном смысле мне понадобились годы тяжёлого труда и большой ответственности. За долгие годы моей службы и работы в качестве испытателя мне приходилось наблюдать старты подготовленных к полёту с моим участием других ракет, но тот первый пуск ракеты на полигоне Капустин Яр остался в моей памяти, даже в мелких подробностях, на всю жизнь. Впереди меня ждала довольно длинная череда пусков ракет по планам испытаний и планам боевой подготовки ракетных бригад: Р-1 (ракета 8А11), Р-2 (ракета 8Ж38), Р-5 и Р-5М (ракета 8К51), Р-12 (ракета 8К63) и их модификаций.

5.2. Служебное повышение

Буквально после этого пуска на следующий день меня вызвал к себе командир дивизиона майор Терещенко. Когда я прибыл к нему в кабинет, то застал там у него и майора Савина и начальника команды капитана Будкина. Майор Терещенко, обращая ко мне, сказал: «Вот что лейтенант Терновых, мы убедились, что технику вы очень хорошо знаете, грамотно подходите к ее эксплуатации, в коллективе команды вас уже оценили, да и командование дивизиона присмотрелось к вам. Вы, наверное, уже убедились, что майор Кириченко едва справляется один со всем кругом обязанностей стартового отделения и отделения наводки. Если бы не помощь ему со стороны заместителя начальника команды по специальному вооружению (СВ) Федорова, то был бы полный завал. Поэтому мы предлагаем вам возглавить отделение наведения ракеты на цель».

Я, признаться, не ожидал такого поворота в моей судьбе. Все трое уставились на меня и ждали моего ответа. Я промямлил что-то вроде

«мне еще рановато». Терещенко засмеялся и произнес: «Ну, хватит, скромность хорошая черта человека, но мы доверяем вам отделение с его техникой и людьми и думаем, что вы справитесь с тем кругом обязанностей, который определен этому отделению. Так вы согласны или нет?» Я ответил: «Так точно, товарищ майор, согласен!»

«Ну вот и хорошо! — сказал Савин. — Теперь иди и принимай приборы наведения, автомобиль для их перевозки и все остальное у майора Кириченко. Отныне это твоё хозяйство. Береги его!»

В этот же день я принял приборы наведения и грузовой автомобиль, предназначенный для их перевозки и личный состав отделения. Начальник команды капитан Будкин поставил в известность об этом весь личный состав команды.

И так, за короткое время, я стал начальником отделения, миновав ступеньку старшего техника, на должность которого я был назначен приказом Министра Обороны. Начальник отделения - это капитанская должность, а вернее должность инженер-капитана, а я — техник-лейтенант. Так благодаря своему труду и полученным знаниям я обрел своё место среди командования и офицеров части, в коллективе номеров боевого расчёта и представителей промышленности. Не скрою, но не сразу я стал понимать все тонкости технологии работы коллектива команды в целом и номеров боевого расчёта в отдельности. Пришлось определённое время вникать и разбираться в характерах и психологии подчинённых и приобщать их и себя к выполнению единой боевой задачи. А обстановка была довольно напряжённой. Только что провели пуск одной ракеты, а за ней уже идёт другая.

Вступив в исполнение этой должности, я встретил Новый 1956 год.

В работе с комплектом оборудования встречалось много недостатков, которые надо было выявлять, анализировать и грамотно представлять их для выработки решений по исключению из состава оборудования. Несмотря на то, что работа с ракетой предварительно проводилась с макетом в виде примерочных испытаний, в процессе которых проверялись все виды работ приборов системы управления, всех механизмов и агрегатов, однако при подготовке к пуску и во время пуска возникала масса отказов, нестыковок, неувязок и так далее. Возникало множество вопросов, а их решение, как всегда, должно быть достаточно быстрым, чтобы не срывать график пуска ракеты. А пуск ракеты кроме нашей 5-ой команды обеспечивали расчёты измерительного комплекса, служба связи, служба еди-

ного времени, служба оцепления, служба обеспечения компонентами топлива, служба секретности и другие.

В январе этого года мы интенсивно работали. Было достаточно много пусков ракет Р-1 и Р-2.

Кроме этого нами была продолжена работа с первой настоящей королёвской ракетой Р-5, испытания которой начались еще в 1952 году.

Надо сказать, что еще в 1949 году на полигоне Капустин Яр начались испытания первых геофизических ракет, разработанных на базе ракеты Р-1. Это были ракеты В-1А и ее модификации В-1Б и В-1В. В задачу пятой команды входили пуски и этих геофизических ракет для космических исследований. Уже в январе 1956 года мне пришлось участвовать в подготовках к пуску и пусках этого вида ракет. Эти ракеты достигали высоты полета 110-120 километров при вертикальных пусках. В дальнейшем другими ракетами достигались высоты 200 и более километров. Занимаясь их наведением, я по техническому заданию устанавливал отклонение от вертикали для них, величиною в один градус, для того, чтобы ракета не смогла при возвращении назад упасть на стартовую площадку. Благодаря такому отклонению от вертикали ракета падала на расстоянии 4-5 километров от стартовой площадки. В зависимости от цели научных исследований внешний вид этих ракет изменялся при изготовлении на заводе. Ракета либо удлинялась за счет дополнительных научных контейнеров, устанавливаемых на основную конструкцию ракеты вместо боевой головной части. Либо контейнеры с аппаратурой и другой начинкой были закреплены по бокам основного блока и тогда собранная ракета напоминала собою огромный трезубец.

При одном из таких пусков боковые контейнеры были заполнены солями натрия, которые с помощью вышибных зарядов выталкивались в тот момент, когда ракета достигала максимальной высоты. Образовывалось светящееся облако, которое постепенно расплывалось и занимало огромную площадь. По движению этого облака, с помощью приборов определялось направление и сила «космического ветра» и другие физические величины близкого от земли Космоса. Постепенно сведения, полученные с помощью этих ракет, позволили предварительно оценить возможное влияние космоса на живые организмы и решить проблемы обеспечения жизнедеятельности человека в сильно разреженной атмосфере и при низких температурах.

5.3. Служебная командировка. Дорожные неприятности.

В начале двадцатых чисел января меня предупредил капитан Будкин Л.Ф. о том, что моя кандидатура определена в качестве начальника караула и что я должен буду доставить в Москву железнодорожным транспортом совершенно секретный груз. Позже я узнал, что этим грузом является одна из геофизических ракет в форме трезубца, которая была доставлена нами в Москву и она долгое время потом красовалась на ВДНХ в павильоне «Космос».

Ещё задолго до моего отъезда в командировку наша пятая команда начала работу с новой для команды ракетой. Это была одна из первых ракет конструкции коллектива, которым руководил С.П. Королев. Она принципиально отличалась от ракет Р-1 и Р-2 и имела индекс Р-5 (8А62). У нее не было огромных стабилизаторов, которыми были оснащены ракеты Р-1 и Р-2. Вместо них ракету снабдили миниатюрными стабилизаторами с воздушными рулями, которые пристыковывались к ракете в процессе подготовки на стартовой позиции. Графитовые рули, устанавливаемые перед срезом сопла камеры сгорания, остались теми же, что и для ракет Р-1 и Р-2. Компоновка ракеты была иной: баки для компонентов топлива были сделаны несущими.

Эту ракету начинали испытывать ранее в третьем дивизионе, а затем вот передали её на продолжение испытаний в наш второй дивизион. В это же время на полигоне проводились пуски учебно-боевых ракет Р-1 и Р-2 для получения данных по их параметрам во время полёта и испытаний. Подготовку ракет на технической и стартовых площадках, их пуски осуществляли инженерные ракетные бригады РВГК, прибывавшие из мест постоянной дислокации: города Медведь, Белокоровичей, города Камышина. Мы проводили пуски ракет, обеспечивая исследование верхних слоёв атмосферы по программам Академии наук СССР, в том числе пуски с подопытными животными, пуски метеорологических ракет для изучения атмосферы Земли. Нужно было готовиться к отражению коварных действий предполагаемого противника. Мировая обстановка торопила нас. Надо было форсировать испытания этой ракеты. Но меня от этих испытаний на время отрывала предстоящая командировка.

Я стал готовиться к отъезду. Мне подобрали из других частей полигона трех солдат и одного младшего сержанта. Оформили мне все необходимые документы на груз и его сопровождение, командировочное

предписание сроком на десять суток, указали адрес, куда мы должны были доставить ракету (а это была станция Подлипки, Московской области), где мы должны были передать доставленную туда ракету.

Проинструктировали меня лично «до слез». Познакомился я и побеседовал с выделенным мне и проинструктированным составом караула. Выделили нам импровизированную теплушку – весь в дырах пульмановский железнодорожный вагон, в одной половине которого были смонтированы деревянные нары, а в середине вагона стояла металлическая печка-буржуйка, вторая часть вагона была совершенно пустой. И вот в этом большущем, кругом продырявленном вагоне разместили мой несчастный, неискушённый караул. А на дворе стояла середина холодной зимы 1956 года. Снабдили нас сухим пайком сроком на три дня, выдали солдатам и младшему сержанту по карабину образца 1944 года, а мне пистолет ТТ, и к нему два магазина патронов. Из теплой одежды нам выделили полушубок армейский, валенки и два комплекта ватной одежды.

Ракета была размещена в вагоне специальной конструкции. Я лично проверил ее крепление к ложеамтам и опломбировал дверку вагона. Пломбир и запасные пломбы мне вручили, чтобы я мог осматривать крепление ракеты в процессе ее транспортировки.

Железнодорожники прицепили теплушку к вагону с ракетой с одной стороны, а с другой прицепили платформу прикрытия. Мы загрузили в теплушку угля в расчете на длительность поездки в три-четыре дня и немного дров для розжига угля. Мне сказали при инструктаже, что до Москвы нас железнодорожники довезут за три-четыре дня. В качестве посуды нам выделили две кастрюли и ведро для воды.

Так мы были экипированы для отправки в путь. Если бы знать наперед, что с тобою приключится завтра, можно было бы принять соответствующие меры! Но, нам этого не дано!

За время моего пребывания в Капустином Яре я получил несколько писем от Нины, в которых она сообщала мне о своих успехах в учебе, о домашних делах. Письма были хорошие.

Накануне моего отъезда в командировку я заказал разговор с Ниной по телефону. 29 января мы с ней немного поговорили, слышимость была отвратительной. Нина была не в настроении. Я сообщил ей, что уезжаю на десять дней в командировку. Она спросила меня не смогу ли я заехать к ним, возвращаясь из командировки. Я объяснил ей, что не смогу. Мне показалось, что она не очень-то огорчи-

лась и вообще что-то не договаривала в разговоре со мной. На этом мы попрощались.

30 января в 15 часов 30 минут паровоз потащил наш совершенно секретный литерный поезд по направлению к станции Баскунчак.

Я уже говорил выше, что зима 1955-1956 года в тех краях была очень снежная и суровая. Стояли довольно сильные морозы. Железная дорога, по которой мы двигались, представляла собой однопутку, которая в открытой степи часто заносилась снегом. В общем, мы в нашей теплушке, продувавшейся насквозь при движении, замерзали до основания. Тепло было только возле печки, которая немилосердно дымила при ее розжиге, но дым выдувался при движении поезда, а в одном метре от нее было ужасно холодно. Доставалось от холода и вроде бы тепло одетому часовому, выставляемому мною на платформу прикрытия.

Продукты, выданные нам в части, мы съели очень быстро. Дрова и уголь сожгли за трое суток.

Большой бедой для нас было отсутствие воды для питья. У нас было только одно ведро. Набрать воды было негде. На остановках поезда нас, как правило, загоняли в какой-нибудь тупик и мы были вынуждены набирать в ведро снег недалеко от железнодорожного полотна, а в этом снегу были и частицы угля и другой грязи. Растапливали мы снег на печке, пили полученную воду и готовили на ней пищу. А иногда брали воду из паровоза, хотя машинисты нам ее выдавали с неохотой, потому что из-за добавки в нее различных солей для умягчения ее запрещалось пить. Из-за снежных заносов мы на третьи сутки только доехали до станции Урбах, не имея уже ни продуктов, ни топлива. На станциях, которые мы проезжали до станции Урбах, нас отцепляли от основного поезда и загоняли куда-нибудь в тупик, где мы и отстаивались вдали от всего до тех пор, пока за нами снова не приходил маневровый паровоз. Обиднее всего, что поблизости не было ни магазина, ни столовой, ни буфета. Далеко же мне уходить от поезда было нельзя из-за того, что в любую минуту наши вагоны могли прицепить к паровозу и увезти.

Пару раз мне выпадало счастье попасть в железнодорожный буфет, но к моему разочарованию в этих буфетах кроме кильки пряного посола ничего не было. Правда, мне удалось в них купить несколько буханок хлеба. Хорошо, что я получил свое месячное денежное довольствие и вдобавок ко всему прихватил еще кое-какие свои сбережения.

На станции Урбах нас почему-то в тупик не потащили. Возле на-

шего поезда на параллельном пути остановился товарный поезд, и как раз напротив нашей теплушки оказался вагон-пульман груженный каменным углем. Поскольку мы помощи ниоткуда не ждали, а топливо у нас закончилось, то я приказал своим солдатам набрать угля из этого вагона. Они быстро накидали угля на землю, а затем стали забрасывать его в теплушку. Когда операция «загрузки угля» уже подходила к концу словно из-под земли появился майор железнодорожных войск, как оказалось, военный комендант станции Урбах. Он пришел проверить наличие литерного груза и увидел полное безобразие — кражу государственного имущества (угля).

Майор сразу же ринулся на меня в атаку, обзывая меня и моих солдат грабителями и другими нелестными словами, пригрозив мне, что он сообщит о наших «действиях» ко мне в часть. Тут уж очередь рассвирепеть пришла и ко мне. Я невольно схватился за пистолет, скомандовал солдатам караула: «В ружье!», а затем в резкой форме сказал майору, что если он сейчас же не прекратит оскорбления в наш адрес, то я за свои последующие действия не ручаюсь. Майор, опешив от моих неожиданных для него действий, отскочил в сторону и проревел, что я сумасшедший лейтенант. Я понимал, что мне так действовать нельзя, что этот инцидент может для меня плохо закончиться. Поэтому я тут же попытался урезонить наглого майора тем, что он даже не отрекомендовался мне, кто он такой и почему он так свободно решил подойти к охраняемому нами объекту.

Мало-помалу майор стал успокаиваться и отрекомендовался военным комендантом станции. Он заявил мне, что его уже давно известили о том, что я сопровождаю литерный груз, и он по долгу службы пришел проверить, как этот груз транспортировался до станции Урбах, и принять меры к его незамедлительной отправке со станции. Выслушав его, я сказал ему, что «если он военный комендант и в его обязанности входит проверка моего караула, то прежде чем кричать на нас и обзывать нас грабителями он должен был убедиться лично, что у нас есть всё необходимое для выполнения государственной задачи при дальнейшем следовании в пути: топливо, продукты, вода, теплая одежда. К вашему сведению топлива, продуктов и воды у нас совсем нет». С этими словами я пригласил его подняться в теплушку. Он принял мое приглашение. Поднявшись в теплушку вместе со мною, он все осмотрел, увидел, что у нас действительно катастрофическое положение и сказал: «Какой же идиот вам выделил такой расхристанный вагон, и почему ваше командование решило, что

мы вас и ваш груз доставим до Москвы за три дня? Вы видите, что погода с нами делает. Все пути занесены, очищать не успеваем, да и очищать особенно нечем».

Далее, немного подумав, он сказал: «Ну а топливом вы теперь запаслись. Что касается продуктов, то тут я вам ничем помочь не смогу. А вот отправить вас я постараюсь без особой задержки. А вы, лейтенант, все таки будьте поосторожней в действиях и уважайте старших по званию».

На этом визит коменданта к нам в караул закончился. После его визита мы простояли на станции еще часа четыре. Я успел купить кое-какие консервы и хлеба, наполнили хорошей питьевой водой ведро и кастрюли и мы снова потащились в неизвестное по пути к Москве.

В общей сложности до Москвы нас везли одиннадцать суток. Всюду повторялась та же ситуация: нас затаскивали в тупик и мы долго ожидали пока нас снова повезут вперед к конечной цели. А конечной целью для нас была станция Подлипки.

Все это время нам приходилось пить воду, полученную путем таяния в ведре снега, набранного поблизости от железнодорожного полотна. Иногда удавалось набрать хорошей воды из паровозной колонки. В результате того, что питание было, прямо скажем, неважным, солдаты мои мерзли на посту. От плохой воды у трех солдат расстроились желудки. К Москве мы подъехали небоеспособными. Я сильно простудился и заболел. Дееспособным остался один ефрейтор Мамонов В.

В процессе этой одиннадцатидневной поездки я со всеми четырьмя солдатами переговорил о многом. Я узнал от них, откуда каждый из них призван в армию, кто их родители, где они живут и работают и многое другое. Одним словом, в этой поездке мы стали близкими друг к другу. А потом и огромная ответственность за сохранность и доставку порученного нам секретного груза невольно сближала нас.

5.4. Секретный груз увели!

В Подлипки нас привезли ночью на одиннадцатые сутки. Я настолько разболелся, что бредил наяву, о чем мне поведали солдаты.

На станции Подлипки паровоз подтащил наш вагон с секретным грузом, теплушку и платформу прикрытия к маленькому домику дежурного по станции и, отцепившись, укатил по своему назначению. Я выставил возле доставленного груза часового ефрейтора

Мамонова, а с остальными солдатами кое-как добрались до домика дежурного по станции. Дежурившая в домике добродушная женщина отнеслась к нам с пониманием. В домике стоял небольшой диван, столик и четыре стула. Я очень плохо себя чувствовал, и меня общими усилиями уложили на диван. Остальные трое моих солдат тоже были больны. Женщина напоила их чаем, и они разместились на стульях. Наконец - то за одиннадцать промёрзших суток мы попали в тепло.

Меня постоянно бил озноб, и я опять впал в забытие. Мое сознание стало понемногу проясняться через какое-то время от довольно громкого голоса, гремевшего в домике. Оказалось, что на улице уже наступило утро и в домик пришел какой-то железнодорожный начальник и стал распекать женщину за то, что она разместила нас в домике.

У меня все плыло и качалось перед глазами, я плохо понимал, где мы находимся и, что происходит с нами. Я был очень ослаблен болезнью и недостатком в питании. Наконец мое сознание прояснилось, и я сообразил, что ругают женщину из-за нас. У меня хватило сил и рассудка урезонить не в меру ретивого железнодорожного начальника. То ли мои проникновенные слова, то ли мой измученный внешний вид подействовали на него, а скорее всего и то, и другое. Но мало-помалу поток слов его иссяк, и он разрешил наше пребывание в домике. И только сейчас я вдруг понял, что все четыре моих солдата, в том числе и ефрейтор Мамонов, сидят здесь, в домике. А на посту, возле груза, стало быть, никого нет.

Я обратился к Мамонову и спрашиваю его почему он сидит здесь, а не находится на посту. Мамонов мне отвечает: «Товарищ лейтенант, ракету-то выгрузили перед утром и увезли». Я с недоверием посмотрел на него, думая, что парень решил меня разыграть. Но чем больше я смотрел на него, тем яснее до меня стало доходить, что он не шутит, а говорит серьезно. Меня так и шибануло в сторону. Спрашиваю: «Кто выгрузил? Почему? Кто разрешил? Куда увезли? А где документы о приеме нашего совершенно секретного груза теми, кто выгрузил его и увез?»

Нервный озноб пробежал по всему моему телу, когда Мамонов ответил: «Не знаю. Их здесь было много. В основном были полковники. Они попытались вас поднять, но вы опять бредили и ничего ответить им не смогли. Тогда один из полковников сказал, что вас не надо больше тревожить, а утром он пришлет сюда врача, чтобы он помог нам. А сам полковник размещается где-то здесь рядом, за каким-то забором на каком-то заводе или что-то в этом роде. Вот они,

посоветовавшись и приняли решение выгрузить ракету без вас, а документы оформят потом, когда вы поправитесь. Они сказали, что время не терпит, что мы слишком долго везли наш груз.

Меня они уговорили, чтобы я разрешил им выгрузку. Честно говоря, я прилично замерз и понимал, что подменить меня до утра будет некому и я согласился с ними, хотя понимал, что выгрузку они должны были производить в вашем присутствии. Но я тут же подумал, а если вы не придете в сознание и вас увезут в больницу, то все равно придется выгружать ракету без вас».

«Боже мой, — подумал я, — ведь он говорит, совершенно не понимая, что произошло. Ведь эта ситуация грозит мне военным трибуналом. Кто выгрузил, куда увезли, совершенно непонятно. Ну и начальник караула! В общем, Иван, ты попал в пренеприятнейшую историю, и чем она закончится один Бог знает».

Мрачные мысли одна за другой теснились в моей голове, и я все силился по-настоящему осмыслить, что же произошло и какой же из этого следует сделать вывод, и где, каким образом, искать выход из создавшегося положения. И что удивительно, я смотрел на Мамонова и даже не пытался ругать его, почему он нарушил основное правило часового «никого не допускать на свой пост без начальника караула». И чем больше я смотрел на него, тем больше в моей затуманенной болезнью голове стала вырисовываться мысль о том, что мы никому здесь не нужны, что о нас думать здесь никто не будет. Подумаешь, какой-то караул из пяти замерзших, заболевших и голодных, грязных от дыма и пыли солдат и лейтенанта претендует на чье-то внимание. Привезли груз и ладно, не можете его передать, заберем сами, а там видно будет, что и как.

Да! Надо искать какой-то выход, иначе действительно недалеко и до трибунала!

Несмотря на слабость во всем теле, на дрожь в подгибающихся ногах, я, все - таки, поднялся с дивана, набросил на себя помятую шинель и приготовился идти. Потом подумал, что уже наступило утро. Магазины здесь есть и они теперь открываются. В них уже можно купить из еды что-нибудь посущественнее для солдат, чем я покупал в пути следования к Москве.

Следуя этим мыслям, я достал деньги, вручил их Мамонову и приказал ему найти продовольственный магазин и купить в нём что-нибудь из продуктов, чтобы накормить весь отошавший состав ка-

раула. Остальным приказал находиться в этом помещении и никуда кроме туалета не выходить.

Сам же я кое-как поднялся и пошел в неизвестность, искать то, что без моего ведома увезли неизвестно куда. Зла у меня ни на кого не было. Я был в какой-то прострации. Но всё время мою голову сверлила одна мысль: «Надо найти того полковника, который находится, по его словам, где-то поблизости».

5.5. Неизвестный районный инженер

«Но куда же идти? Где искать этого полковника?» Выйдя из домика, я вначале пошёл вдоль забора, недалеко от которого находился домик дежурного по станции. Меня шатало, голова кружилась, знобило, и я едва плелся вдоль забора, часто останавливаясь и цепляясь за него. Стороннему наблюдателю я наверняка казался хорошо подгулявшим накануне офицером, который никак теперь не может отыскать какую-то одному ему известную конечную цель.

Через некоторое время, к своему удивлению, я обнаружил в заборе калитку и решил в нее постучать. На мой стук калитку открыл мужчина. Эта калитка оказалось дверью в проходную, которая открывала доступ на территорию завода или какого-то учреждения. Мужчина оказался контролером на этой проходной. Он расспросил меня, зачем я стою перед ним, что меня привело сюда. Вникнув в суть моего появления, он снял трубку телефона и стал куда-то звонить. Прервав разговор, он спросил, как звучат моя фамилия и инициалы. Передав их по телефону, он повесил трубку и сказал, что сейчас за мною придут. Через некоторое время на проходную пришла женщина, принесла пропуск на мое имя и повела меня с собой. Мы шли по территории, которая была застроена какими-то зданиями, и по которой были проложены рельсовые пути. Женщина была вынуждена поддерживать меня под локоть, чтобы я не упал. Она участливо спросила меня, что со мною и почему я в таком состоянии ищу встречи с районным инженером военного представительства. Я сказал ей, что не ищу районного инженера, а ищу неведомого мне полковника и коротко охарактеризовал ей суть моих дел и моего состояния. Она посочувствовала мне и сказала, что всё должно устроиться так, как должно быть.

Территория, по которой мы шли, была обширная, там и сям на

ней высились какие-то строения и специальные железнодорожные вагоны. Наконец мы пришли к одному из зданий, вошли в него, поднялись на второй этаж и пришли к одному из кабинетов. Женщина постучала в дверь, и мы получили разрешение войти. За большим столом этого кабинета сидел полковник и разговаривал по телефону. Увидев нас, он закончил разговор и обратился к нам. Женщину он поблагодарил за то, что она доставила меня к нему, и отпустил ее. А меня он спросил, как я себя чувствую, как чувствуют себя мои боевые солдаты. Я ответил, что наше самочувствие уже стало лучше настолько, что я вот уже смог добрести до этого кабинета.

А солдаты мои пьют крепкий чай, который им приготовила дежурная по станции, и я надеюсь, что они поправятся в ближайшее время.

Полковник сказал мне, что «он является начальником военной приемки, что здесь расположено хозяйство С.П. Королева и что он в курсе моих дел, что он принимал участие в ночной выгрузке ракеты, что мой ефрейтор молодец, никак не хотел без вас разрешать выгрузку ракеты и что они с трудом уговорили его разрешить им выгрузку, так как время не терпит с открытием выставки, где должна стоять эта ракета. И теперь эта ракета увезена в Москву и, вероятно, уже устанавливается в выставочном зале».

Он извинился передо мною за то, что выгрузку ракеты они проделали без меня, что это было явным нарушением субординации и что они думали об этом, но, увидев, что я был очень плох, все-таки решились на выгрузку, без формальной стороны дела, то есть без оформления приемо-сдаточных документов. И еще, он извинился за то, что пообещал прислать к нам врача, но до сих пор не сделал этого, потому что врач выехал куда-то по вызову.

Я поблагодарил его и сказал по делу, что грузополучателем по документам, находившимся у меня, является академия имени Ф.Э. Дзержинского. Он подтвердил, что грузополучатель именно эта академия и что ночью в выгрузке участвовали представители этой академии, и они же в сопровождении охраны увезли ракету. В связи с этим и приемо-сдаточные документы я должен оформить именно в этой академии, куда мне надлежит явиться. Я высказал опасение, что при выгрузках, а также транспортировке может произойти что угодно, что ракету могут помять или вообще вывести из строя, а кто же будет отвечать за это.

Полковник успокоил меня, сказав, что я «уже ни за что отвечать

не буду, и что если мое состояние позволит мне, то надо сейчас же выехать в академию для оформления приемо-сдаточных документов». После этого он позвонил кому-то в академию, сказал этому лицу обо мне, тот что-то стал возражать, полковник рассердился и потом сказал, что они, все — таки, должны уладить вопрос оформления приемо-сдаточных документов. Положив трубку, он сказал мне, «что я должен поехать в академию имени Ф.Э. Дзержинского и с командованием академии оформить прием-передачу груза и документов на него».

Я сказал ему, что «я впервые в Москве, что Москвы я не знаю, и где находится эта академия, мне неизвестно». Полковник записал мне адрес академии и сказал, что «сегодня туда ехать не надо, потому что я очень плохо выгляжу и что мне надо немного набраться сил, а к тому же сегодня суббота. Отдохните сегодня и завтра, а в понедельник поедете в академию. А вообще держите со мной связь!» — сказал он на прощание и дал мне номер своего телефона. Он тут же добавил, «что пожить нам пока придется в этом же домике, так как этот момент он согласовал с железнодорожниками». Этим он немного успокоил меня. Прощаясь со мной, он остановился, что-то вспомнил и сказал, что «пришлет к нам медработника, чтобы она оказала нам медицинскую помощь».

Глава 6. МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

6.1. Поездка в Академию имени Ф.Э.Дзержинского

Я ушел от полковника успокоенный тем, что все несколько прояснилось, но внутренне меня беспокоил вопрос: как же все - таки случилось, что совершенно секретный груз у меня фактически украли? С кем и каким образом мне теперь придется решать вопрос его приема-передачи в академии? Москвы я не знаю совсем, сам еще болен, вид у меня прокопчённый, запылённый и измятый. С этими невеселыми мыслями я вернулся в домик дежурного по станции.

Мамонов на мои деньги закупил немного продуктов: колбасы, булок, хлеба и конфет. Солдаты позавтракали, попили чаю и немного повеселели. Я рассказал им о положении вещей, что мне надлежит ехать в академию Ф.Э. Дзержинского и там решать вопрос оформления приема и передачи груза. При этом посетовал на то, что Москвы я не знаю. Солдаты успокоили меня, сказав, что все потихоньку утрясется, что главное заключается в том, что мы доставили груз, несмотря на те испытания, которые выпали нам на нашу долю.

«Вот только, товарищ лейтенант, жаль, что груз увезли без вас, да еще нам есть нечего и очень неприятно, что мы вчетвером сидим на вашей шее. Продукты-то вы все время покупаете. Мы вот тут посоветовались и пришли к выводу просить вас отпустить ефрейтора Мамонова на денек домой. Он родом из города Подольска. Тут недалеко. Он съездит, повидает родителей и что-нибудь привезет нам из дома», — от имени всех сказал мне младший сержант.

Мамонов вопросительно посмотрел на меня, а затем в свою очередь сказал, что всё это правда, что его надо отпускать, ибо в этом наше спасение.

Мне было страшновато отпускать его потому, что у меня не было «увольнительной записки», которую по всем правилам воинской службы надлежало выдать ему. Но острота нашего положения сыграла свою роль, и я после небольших колебаний отпустил Мамонова, наказав ему вернуться завтра, то есть в воскресенье, после обеда. Он согласился и тут же отправился садиться в ближайшую электричку, следовавшую до Москвы.

Часа через два к нам прибыла медицинская сестра, присланная полковником (очень жаль, что фамилию его я не запомнил). Она выслушала нас по очереди, затем каждому из нас выдала лекарства: солдатам порошки от расстройства желудка, а мне какие-то таблетки в связи с острым простудным заболеванием. Мы сердечно поблагодарили ее за внимание и заботу и после ее ухода стали лечиться.

В воскресенье утром мы уже чувствовали себя значительно легче. Оставив одного солдата охранять наше оружие и имущество, я с двумя остальными осмелился выйти и посмотреть на окружающий мир. Далеко мы не уходили. По другую сторону железной дороги (относительно домика дежурного по станции) расстилался пустырь, а позади домика возвышались жилые дома, и тянулся длинный забор предприятия, на котором я уже побывал. Мы зашли в магазин, купили продуктов, прошлись немного по одной из ближайших улиц и вернулись снова в домик.

Часам к семнадцати дня вернулся из Подольска Мамонов. Лицо его сияло, когда он рассказывал как внезапно появился он в родной квартире, как потом собрались к ним вся родня и что мать целую ночь стряпала, пекла и готовила для нас продукты, которые он привез аж в двух сумках. Нам сразу стало легче. Мы целый вечер пиروвали, а Мамонов все рассказывал о своей семье.

В понедельник утром я собрался ехать в Москву. Мамонов снова попросился у меня съездить домой, отвезти сумки. Я согласился.

Приказав младшему сержанту присматривать за солдатами и имуществом, забрав сопроводительные для груза документы, мы с Мамоновым выехали на электричке в Москву.

На Ярославском вокзале мы с ним расстались. Я поехал разыскивать академию имени Ф.Э.Дзержинского. С большим трудом, но я добрался до нее. Сказывалась еще моя болезнь, меня иногда пошатывало. Пока я разыскивал академию, пока мне оформляли пропуск на территорию академии, заказанный мне полковником из Подлипков, прошло достаточно много времени. Наконец я прошел на территорию академии. Но сразу же возник вопрос: в какой корпус идти, на какой этаж подниматься, чтобы найти того, кто связан с моим делом?

Одному Богу известно! Кругом сновало столько офицеров и младших и старших, и даже частенько мелькали генералы. Я по своему незнанию обратился к одному, затем другому со своим вопросом, но каждый только пожимал плечами в ответ и отвечали, что ничем помочь лейтенанту не могут.

Наконец я набрался смелости и обратился к проходившему мимо генералу. Он внимательно выслушал меня и затем показал мне на корпус, где, по его мнению, должны быть те, кто конкретно занимался моим грузом. Я поблагодарил его и окрыленный вошел в корпус, где размещалось командование академии. Командовал тогда академией имени Ф.Э. Дзержинского генерал армии Одинцов Г.Ф.

Но и здесь меня ждало разочарование. К кому я ни обращался, никто толком не понимал о чем идет речь, и естественно никто не мог мне ответить, кто же должен оформить мне документы на доставленный груз.

Чувствуя, что напрасно теряю время от таких бесполезных распросов, я сказал, что грузополучателем по моим документам числится академия, груз получили представители академии, а кто из представителей из академии должен со мной взаимодействовать по вопросу оформления приемо-сдаточных документов, никто этого не знает. В связи с этим я должен буду обратиться за разъяснением к начальнику академии.

Это мое заявление возымело свое действие. Те, к кому я обратился с последними словами, стали интенсивно названивать и наконец выяснили, что моим грузом занимался генерал Краснов, но его сегодня в академии нет. В связи с отсутствием генерала, мне надлежит прибыть в академию завтра и решить с генералом все свои вопросы. Я напомнил говорившим со мной, чтобы для меня на завтра заказали пропуск для входа в академию. Они мне пообещали.

6.2. Фрунзенская набережная

Из академии я ушел, как говорят «не солоно хлебавши». Целый день затрачен и безрезультатно.

По своему незнанию я сел на Ярославском вокзале не в ту электричку и в результате проехал станцию Мытищи. Сошел я на следующей станции под названием Строитель. Долго ждал электрички, следовавшей на Москву. На станции Мытищи я сошел, дождался электрички, которая шла через станцию Подлипки и наконец добрался до домика, уставший как собачонка, едва державшийся на ногах. Солдаты мои ожидали меня с вестью, которой я обрадую их в положительном смысле. Но я их не обрадовал.

Мамонова мы не дождались. Вечером он не приехал. Утром тоже.

Я позвонил полковнику, начальнику военной приемки в Подлипках и попросил его оформить на их проходную пропуск для меня. Он это сделал, и я пришел к нему, рассказал о своих злоключениях в Москве. Он не на шутку рассердился и тут же позвонил в академию. С кем-то из представителей академии он интенсивно ругался по телефону, говоря, что они являются заказчиками груза и обязаны оформить мне документы незамедлительно, потому что личный состав караула сидит в ожидании этого момента голодный, больной и отдыхать ему негде и что начальнику караула безрезультатно мотаться в Москву и обратно нет резона. Караулу уже пора возвращаться к себе в часть, ибо оттуда уже идут запросы, куда девался караул.

В конце концов, из академии сказали, чтобы я приехал к ним. Пропуск на меня заказан.

Я поблагодарил полковника за участие и помощь. Он снова сказал мне, чтобы я звонил ему по любому поводу, касающемуся моих документов. С этим напутствием я поехал снова в академию. На этот раз в академию я прибыл довольно быстро. Принял меня генерал Краснов.

Он объяснил мне, что грузополучатели фактически не они, что просто в адрес академии было удобно отправлять этот груз с точки зрения секретности, а фактический грузополучатель вовсе не академия. Грузополучатель находится на Фрунзенской набережной в лице подполковника Шеулова В.И. (будущий генерал- первый заместитель начальника ГУКОС) .

Я объяснил генералу Краснову, что впервые нахожусь в Москве, что мне необыкновенно трудно ориентироваться в ней и что на меня на Фрунзенской набережной наверняка нет пропуска. Он тут же позвонил в бюро пропусков на Фрунзенской набережной, заказал на меня там пропуск и я поехал искать эту набережную. Добрался я и нашел бюро пропусков довольно быстро. Пропуск мне оформили и назвали необходимый для меня корпус, и я пошел искать его. Пока я искал этот злополучный корпус, прошло около пятнадцати минут. Наконец я нашел этот громадный корпус и вошел в него. Солдат-контролер взял мой пропуск, посмотрел на время его выдачи и сказал: « Почему вы так долго где-то гуляете, я не имею возможности пропустить вас!» Вот те, на! Все мои надежды на завершение своего вопроса почти тут же рухнули! Ну, нет! Я добрался сюда не для того, чтобы повернуть назад. А кто мне закажет теперь новый пропуск? Неужели снова ехать в академию, где меня наверняка обзовут растяпой, хотя вины-то моей и нет.

Я посмотрел на солдата и сказал: «Послушайте, я ведь в Москве впервые, мне очень сложно здесь ориентироваться во всем. Я приехал издалека по сложному вопросу и ехал очень долго. Наверное, по моему внешнему виду это очень заметно. Поэтому я очень прошу вас пропустить меня, мне очень нужно решить свои вопросы, потому что меня ждут голодные солдаты, приехавшие со мной».

По - видимому, мои слова и мой далеко не блестящий вид произвели на солдата-контролера должное впечатление и он, посмотрев на меня, вручил мне мой пропуск и сказал: «Проходите, товарищ лейтенант!»

Я спросил контролёра на каком этаже этого огромного многоэтажного здания находится кабинет № 462.

Он сказал мне, что это четвертый этаж. И я пошел к лесенке, чтобы подниматься на четвертый этаж. Солдат крикнул мне вслед: «Товарищ лейтенант, воспользуйтесь лифтом!» Но я его не стал слушать, да и не воспользовался бы я лифтом, так как понятия не имел, как им пользоваться.

Наконец я добрался до четвертого этажа, долго шел по длинному коридору пока нашел кабинет № 462 и к своему разочарованию обнаружил, что этот кабинет закрыт, а подполковник Щеулов в нем отсутствует.

Недалеко от кабинета № 462 в боковом ответвлении коридора стоял деревянный диван. Я присел на него в ожидании появления в кабинете подполковника Щеулова, бдительно наблюдая за дверью его кабинета. По коридору постоянно сновали офицеры, генералы и гражданские лица. На меня никто внимания не обращал. Я просидел часа два. Щеулов не появлялся.

Мною была сделана попытка уточнить в соседнем кабинете будет ли сегодня в своем кабинете подполковник Щеулов. Мне ответили, что он будет в районе шестнадцати часов. Я продолжил свое сидение. Ужасно хотелось есть, так как я утром поехал в Москву попив всего стаканчик чая и съев небольшой бутерброд с колбасой. Сидеть надоело, но надо было ждать.

Я от нечего делать наблюдал за проходившими по коридору офицерами. Одни из них торопливо проходили мимо и заходили в один из кабинетов, другие просто прохаживались по коридору.

Среди прохаживающихся я обратил внимание на двух генералов, которые, беседуя друг с другом, прогуливались по длинному коридору. Они так увлеченно беседовали, обсуждая какую-то пробле-

му, что, казалось, не обращали внимания на окружающих. Но вот их маршрут пролегал мимо меня, а я к этому моменту встал, чтобы немного размяться и отошел от дивана.

5.3. Генерал-майор Н.В. Петрусь и подполковник В.И. Щеулов

Поравнявшись со мной, один из генералов вдруг, извинившись перед собеседником, направился ко мне, говоря: «Похоже, что кто-то из моих воспитанников!» В генерале я узнал бывшего начальника Тамбовского Артиллерийско-технического училища полковника Петруся, который был переведен в Москву, к новому месту службы и уже получил звание генерала. Я вытянулся и отрапортовал: «Так точно, товарищ генерал, ваш воспитанник, лейтенант Терновых!»

«А вы что, здесь служите?» – спросил он меня. «Да нет, товарищ генерал, разве по мне не видно, что я здесь не служу». – «Какая же судьба привела вас сюда?» – спросил меня генерал.

Я рассказал ему о том, где я служу, какими судьбами попал сюда, о всех своих злоключениях.

Он еще раз подтвердил, что узнал во мне бывшего курсанта училища, потому что запомнил моё лицо по спортивным соревнованиям в училище.

Когда я поведал ему о том, что уже несколько часов ожидаю какого-то подполковника Щеулова, он буквально вскинулся, схватил меня за руку и потащил вдоль по коридору. Проходившие офицеры с удивлением смотрели на эту картину: генерал тащит за руку одетого в верхнюю одежду лейтенанта. Так мы с ним проследовали до кабинета, в котором я спрашивал о подполковнике Щеулове. В этом кабинете он подошел к телефону, взял трубку и стал куда-то названивать. На другом конце телефона кто-то ему ответил, и он строго приказал ответившему срочно найти генерал-майора Семенова Анатолия Ивановича (позднее генерал-лейтенант – начальник УНРВ).

Через некоторое время раздался звонок телефона. Звонил генерал-майор Семенов. Генерал Петрусь обрисовал ему вкратце обстановку, связанную со мной, добавил при этом, что солдаты караула который день голодные и что сам начальник караула (то есть я) едва ходит от недоедания. После этого он попросил генерала Семенова прислать к нему подполковника Щеулова, который «неизвестно где бродит».

Минут через десять появился запыхавшийся подполковник Щеулов, браво шелкнул каблуками и отрапортовал, что он прибыл.

Генерал Петрусь объяснил ему ситуацию, приказал взять у меня документы и немедленно оформить их как положено и, кроме этого, решить вопрос с обеспечением личного состава караула питанием. Повернувшись ко мне, он спросил у меня как обстоит дело с командировочным предписанием. Я ответил, что оно уже давно просрочено в связи с моими мытарствами. Он спросил меня на сколько дней мне необходимо продлить командировку.

Я ответил: «Дней на десять-двенадцать». Тут же последовало указание Шеулову о продлении моей командировки на двенадцать дней. Шеулов, взяв мои документы, тут же куда-то исчез.

Я немного успокоился. Петрусь расспрашивал меня, как мне случится, нравится ли мне то, чем я занимаюсь, женился ли я и какие у меня планы на будущее.

Я с удовольствием рассказал ему все о себе. Он поинтересовался, занимаюсь ли я спортом. Я ответил, что спорт не бросаю, но занимаюсь приходится редко в связи с загруженностью работой.

Вскоре появился подполковник Шеулов В.И.. Показав мои документы генералу Петрусю, он вручил их затем мне. На всех документах стояла заверительная подпись генерал-майора Семенова А.И.. Кроме документов, Шеулов В.И. вручил мне небольшую сумму денег, попросив расписаться за них в ведомости. Деньгами была оплачена стоимость питания личного состава караула с учетом продленного срока командировки и стоимость обратного проезда в часть. Я с удовольствием расписался за них в ведомости.

Я готов был расцеловать генерала Петрусю, но субординация не позволяла мне сделать это. Горячо поблагодарив его за душевное и физическое участие в моем деле, я поблагодарил и Шеулова. Генерал Петрусь пожелал мне нормального возвращения в часть, успехов в службе, спорте и личной жизни и крепко пожал мне руку.

Шеулов сделал мне отметку в пропуске, и я как на крыльях покинул Фрунзенскую набережную, в душе продолжая благодарить Бога, что он послал мне навстречу генерала Петрусю. Душа моя буквально пела от сознания того, что наконец я завершил, казалось безнадежное для меня дело, что задание выполнено, что мир все таки прекрасен от того, что в нем есть такие прекрасные, добрые и отзывчивые люди как генерал Петрусь, как районный инженер полковник из Подлипок.

6.4. Ефрейтор Мамонов – житель города Подольска

До Подлипок я ехал в приподнятом настроении, хотя был голоден, как бездомный пес. До домика я добрался уже затемно. Здесь меня ожидала очередная неприятность: не приехал из Подольска ефрейтор Мамонов. Посудив и порядив немного, мы все четверо пришли к выводу, что что-то случилось с Мамоновым и скорее всего его задержала патрульная служба.

В связи с этим завтра утром мне необходимо ехать в Подольск к его родителям и узнавать, почему он не прибыл в Подлипки в назначенное время.

Сказано, ехать! А куда? Адреса, по которому проживают его родители, никто из нас не знает. Знали мы только, что они проживают в городе Подольске. Потом мы стали вспоминать, что говорил Мамонов о своих родителях и вспомнили: отец его работает на одном из заводов города в качестве начальника цеха, а ефрейтора Мамонова по отчеству величают Романович. Стало быть мы уже знаем фамилию, имя и должность отца на заводе. Это уже было кое-что!

На следующий день утром мы посетили продовольственный магазин, закупили продуктов на полученные деньги, позавтракали, и после завтрака я снова покатыл на электричке в Москву.

Сидя в электричке, я невольно размышлял, почему мне так тяжело досталась эта командировка.

Но ничего путного так и не придумал. В Москве я сел на электричку, шедшую до Подольска, и с не очень хорошим настроением, поехал.

Выйдя из вагона на станции Подольск, я обнаружил неказистого вида одноэтажный вокзал. На привокзальную площадь, изрядно занесенную снегом, подошли два автобуса. Я расспросил мужчину, где находятся в Подольске заводы. Меня спросили какой конкретно завод меня интересует. На этот вопрос я ответить не мог, так как не знал на каком заводе работает отец ефрейтора. Мне сказали, что до одного из заводов можно ехать на автобусе, который только что прибыл на привокзальную площадь. Была, не была, товарищ лейтенант! Я сел в этот автобус и отдался в руки судьбы.

Автобус ехал через какое-то поле, потом показались заводские трубы, корпуса и жилые дома.

К моему счастью мы подъехали и остановились недалеко от проходной завода. Я вышел из автобуса и пошел по направлению к про-

ходной. Через проходную интенсивно выходили рабочие. Я посмотрел на свои часы и увидел, что было уже время перерыва на обед.

Остановив у проходной одного из рабочих, я спросил у него, не знает ли он случайно начальника цеха Мамонова Романа. Мне ужасно повезло! Мужчина ответил, что прекрасно знает Мамонова, так как работает в его цехе, и что Мамонов уже ушел домой обедать. Потом мужчина добавил, что каждый раз проходит мимо дома, где живет Мамонов и если меня это интересует, то он доведет меня до этого дома. Вот так удача! Я поблагодарил мужчину, и мы зашагали к интересующему меня дому. По дороге мужчина сообщил мне номер квартиры, в которой живут Мамоновы.

Поднявшись по лестничным пролетам на третий этаж, я позвонил в квартиру с указанным мужчиной номером. Дверь открыла женщина. Увидев меня, она вскрикнула: «Ой! Наверное, что-то с Витей случилось!» Я в свою очередь удивленно произнес: «А разве он не у вас дома?»

Она с дрожью в голосе ответила: «Нет!» — и тут же залилась слезами.

Услышав наш разговор, из комнаты вышел мужчина — отец Виктора. Он успокоил жену и попросил меня зайти в квартиру. Когда я рассказал им, что Виктора отпустил к ним два дня назад, все стало понятно и им, и мне. Виктор дома не появился. Значит, он задержан патрулем.

Но, где? Отец Виктора позвонил своему брату, который имел собственный автомобиль «Победа», сказал ему, чтобы он подготовил автомобиль для поездки в Москву на поиски исчезнувшего Виктора. Затем он позвонил еще кому-то, предупредив его, что после обеда он в цехе присутствовать не будет.

Через некоторое время мы уже катили на «Победе» из Подольска в Москву.

Вначале было решено посетить комендатуры при трех вокзалах: Ярославском, Ленинградском и Казанском. Но уже на Ярославском вокзале военный комендант, которому мы объяснили суть нашего посещения, сказал нам, что мы не там ищем пропавшего Виктора, что для успешного поиска нам надо ехать в центральную комендатуру города Москвы. Мы так и поступили.

В комендатуре города Москвы дежурный по караулам, полковник, внимательно посмотрев на меня, изрек: «Что же вы, лейтенант, плохо за подчиненными присматриваете?»

«Товарищ полковник, да он отстал от моей команды!» — соврал я

во спасение. «Вот, вот, отстал от команды. У нас он, ваш голубчик отставший, но только мы его отправили на гауптвахту в Алешинские казармы. Он, действительно задержан как отставший от команды».

«Надо же, как совпало мое утверждение с заявлением Виктора задержавшему его патрульному наряду, — подумал я, — и он, и я в одни слова попали».

Полковник позвонил в Алешинские казармы и сказал, что за задержанным Мамоновым, отставшим от команды, придет лейтенант Терновых, так вы отпустите с ним ефрейтора Мамонова.

Обрадованные тем, что Виктор нашелся, мы поспешили по направлению к Алешинским казармам. Приехали мы туда не совсем ко времени. Там началась смена караулов. Но я все таки успел заявить дежурному (и тоже полковнику), что прибыл за задержанным ефрейтором Мамоновым. Мне сказали, что надо подождать пока не пройдет развод караулов.

После развода, длившегося довольно долго, Виктора привели без поясного ремня, без шинели и шапки. Все эти вещи были сданы на хранение. Увидев нас, Виктор буквально подбежал ко мне и выпалил: «Товарищ лейтенант, вы знаете, я сидел в камере, которая расположена рядом с камерой, в которой сидел Берия».

«Ладно, Виктор, — сказал я, — твоя история отличается от истории Берии, и поэтому давай-ка получай свои вещи и поедем. Я тебя ищу со вчерашнего дня. Видишь, мы за тобой коллективом приехали».

Получив вещи, Виктор оделся. Отец его сказал, обращаясь ко мне: «Едемте сейчас ко мне домой!»

Я вначале было воспротивился, но потом согласился, потому что надо было успокоить мать Виктора.

По дороге в Подольск Виктор рассказал банальную историю своего задержания. Из Подлипков до Подольска через Москву он доехал благополучно. А, сойдя в Подольске с электрички, попал на глаза военному патрулю. Поскольку «Увольнительной записки» у него не было, то он сказал начальнику патруля, что отстал от команды. Естественно, он был тут же задержан и как отставший от команды был отправлен в комендатуру города Москвы.

Нет смысла расписывать, как нас встретила мать Виктора. Поскольку был уже глубокий вечер, в Подлипки мы с Виктором не поехали. Для нас было организовано солидное домашнее застолье.

6.5. Возвращение в родную команду

Мы просидели до середины ночи, рассказывали как мы в мытарствах, голодные и холодные ехали до Москвы, потом коротко рассказали где и как мы служим. На исходе ночи мы прилегли и немного поспали. Рано утром мать Виктора разбудила нас. Мы позавтракали. Мать наполнила продуктами сумки, вручила их нам и обняла сына на прощание. Мы попрощались с ней, а отец Виктора со своим братом отвезли нас на станцию Подольск к электричке. Попрощавшись с отцом Виктора и его братом, мы сели в электричку и поехали в Подлипки. Наши боевые товарищи уже начали беспокоиться в связи с нашим отсутствием. Встретили они нас радостно.

Мы их накормили тем, что дала нам мать Виктора, и стали собираться в дорогу.

Я позвонил полковнику (начальнику военной приемки), доложил ему о всех своих приключениях, поблагодарил его за содействие и помощь, сообщил, что все вопросы нами решены и что мы уезжаем в родную часть.

Полковник пожелал нам счастливого пути, а мне лично успехов по службе.

На этом наша почти месячная эпопея по доставке ракеты на выставку в Москву благополучно закончилась. «Прощайте, Подлипки!» Кто мог предположить и предсказать мне, что я через двадцать восемь лет уже в чине полковника приеду именно в Подлипки для продолжения службы и на постоянное жительство! Воистину, пути Господни неисповедимы!»

Приехав электричкой в Москву, мы, постояв в очереди, оформили билеты на обратный путь, подкупили на дорогу продуктов к тем, что дала нам мать Виктора, и покатали в родную часть 15644.

До части мы добрались благополучно.

Командование части было обеспокоено нашим долгим отсутствием. Сдав все документы в штаб полигона, и отправив солдат в их подразделения, на следующий день я прибыл в родную часть 31925, доложил обо всем командованию части, сдал документы и оружие и приступил к выполнению своих прямых обязанностей испытателя.

Глава 7. БУДНИ МОЛОДОГО РАКЕТЧИКА

7.1. Моральный удар

Командировочная эпопея запомнилась мне на всю жизнь. Но на этом мои неприятности не кончились. В доме хозяйки, у которой я квартировал, меня ждала очередная неприятность.

За мое месячное отсутствие от Нины пришло несколько писем. Все они были наполнены словами ожидания встречи со мною, легкой грустью и какой-то недоговоренностью. А последнее письмо представляло всего маленький клочок, вырванный из школьной тетради, на котором неровным почерком, рукою Нины была написана роковая для меня фраза: «Может быть, это для тебя неожиданность, но... я выхожу замуж!»

Я не поверил своим глазам, когда читал этот текст на клочке бумаги. «Этого не может быть, это какой-то бред!» — неслось в моей голове. Эти слова на клочке бумаги ударили меня как обухом топора.

Я долго не мог никак вникнуть в смысл этих слов и не мог понять, что же произошло. Наконец осмысление произошло, и невольно возник вопрос: «Почему она так предательски поступила по отношению ко мне?» Мне казалось, что жизнь моя на этом закончилась. Я сидел в своей каморке, и слезы сами собой капали из моих глаз. Сердце сжималось от обиды и злости. Вопросы наслаивались один на другой: «Почему она не дождалась меня? Почему она не поверила моему обещанию приехать за ней в период очередного отпуска?» Множество «Почему?».

Когда я немного успокоился, то первой трезвой мыслью была: «Надо немедленно ехать туда, в Пензу!» А потом, поразмыслив, пришел к выводу, что ехать не надо. Уже поздно. И этот вывод позже нашел подтверждение в его правильности. Из письма самой же Нины, полученного мною спустя четыре года, я узнал, что после моего отъезда из Пензы, соседка Нины по дому, ее же подруга, стала собирать в своей части дома вечеринки, на которые приглашала и Нину. На этих вечеринках один из парней сказал своим друзьям, что он в ближайшее время жениться на Нине и заключил с ними пари. После этого он стал усиленно за нею ухаживать. Вот в чем зак-

лючались те недомолвки, которые бросались мне в глаза в ее письмах и при телефонном разговоре. Восьмого марта 1956 года они распались. А моя жизнь, моя судьба получила пробоину.

Я после этого буквально возненавидел девчат. Мне казалось, что в каждой из них таится такое же коварство, как и в Нине.

Находясь наедине сам с собою, переживая все случившееся, я все больше загружал себя работой, часто оставался на площадке 4Н в качестве дежурного, охотно подменял женатых офицеров на этих дежурствах, которым надо было ехать к своим семьям. Поэтому я редко бывал на квартире, которую снимал. А если и уезжал с площадки 4Н, то заходил к сослуживцам в общежитие или шел в Дом офицеров в кино или в спортивный зал.

7.2. Неудачный «Иван Заикин»

Однажды, в спортивном зале, я застал тренировавшихся борцов под руководством старшего лейтенанта Швецова А. Это был ладно скроенный офицер, мускулистый, среднего роста. Ходил он по - кавалерийски, ставя калачиком изогнутые ноги, так как в детстве переболел рахитом. Но, в целом, это был хороший, как нынче говорят, коммуникабельный парень. Так вот он меня пригласил поучаствовать в тренировках и вступить затем в его секцию. Я вначале отказывался, а потом все-таки поддался на его уговоры. Раздевшись, я надел спортивную форму, немного размялся, и Швецов стал мне показывать борцовские приемы. После объяснений и показов он стал в позу «партер» и сказал мне, чтобы я на нем провел показанный им последний прием. Это был прием «замок». Силой меня Бог не обидел. По команде Швецова я начал проводить на нем прием. Поскольку опыта у меня не было, кроме приобретенной силенки, в процессе выполнения приема рука моя соскользнула с его подбородка на горло, и я так добросовестно надавил на его шею и горло, что он начал отчаянно сопротивляться, а я все сильнее продолжал давить. И вдруг он как-то странно обмяк и повалился набок. Я не поверил своим глазам, разжал свои руки и стоял перед ним на коленях в позе выполнения приема до тех пор, пока он не пришел в себя.

Придя в себя, он неистово обругал меня: «Тумак! Обрадовался, что силы много, а думать не хочешь! Иди отсюда к хренам и больше не подходи ко мне!»

Я извинился, встал, оделся и огорченный ушел из спортивного зала. На этом мои борцовские занятия закончились. Но с Анатолием Швецовым мы все же потом стали хорошими товарищами.

7.3. Ракета Р-5. Обучение ракетных бригад

После моего возвращения из командировки, меня обязали заниматься оборудованием для подготовки и пуска ракеты Р-5 в связи с тем, что отделение наведения ракеты на цель было упразднено, а личный состав моего отделения был включен в состав стартового отделения как расчет наведения ракеты на цель.

Таким образом, я со своим расчетом был включен в отделение майора Кириченко. Но к этому времени он уже подал рапорт по команде о том, что желает поступить в высшее военное учебное заведение для продолжения своего обучения. Рапорт его во всех инстанциях был подписан. Поэтому командование дивизиона обязало меня освоить все премудрости работы стартового отделения. И я, засучив рукава, принял на себя огромный воз забот о личном составе стартового отделения, изучая новые для меня обязанности и новое стартовое оборудование для ракеты Р-5 (8К51)

Не успел я по-настоящему их освоить, как последовал приказ о необходимости подготовки этой техники к приему сформированной в городе Камышине ракетной бригады и проведения с личным составом этой бригады показательного занятия по подготовке технологического оборудования к пуску ракеты Р-5 в соответствии с технологическим графиком.

В принципе я уже знал всю технологию работы с этой ракетой, но на стартовый стол устанавливать ее мне еще не приходилось. И, тем не менее, работать со стартовым оборудованием в назначенный день занятий с камышинской бригадой было приказано мне.

Я волновался, как школьник, не выучивший по-настоящему уроки. Но дело делал не торопясь, обдумывая каждое действие, каждую свою команду.

Мы заранее выехали к месту занятий в степи, где геодезистами была определена точка установки стартового стола. Опробовали работу передвижной электростанции и установщика (а для ракет Р-1 и Р-2 был лафет), с помощью которого на геодезическую точку установили пусковой стол. После установки стола с помощью тросов в

вертикальное положение подняли транспортную тележку с уложенной на ней ракетой. Таким образом ракета устанавливалась на пусковой стол.

К назначенному времени личный состав бригады прибыл к месту проведения показательных занятий, и я приступил к показу технологии установки ракеты на пусковой стол. Кроме личного состава бригады на занятиях присутствовали командование полигона и испытательного управления, а также инженеры испытательного управления, под чьим контролем мы и проводили все технологические операции подготовки и пуска ракеты Р-5М.

Несмотря на то, что я очень переживал и волновался, операции по установке ракеты на пусковой стол были выполнены по моим командам безукоризненно. Занятие прошло на «высоком уровне».

Офицеры бригады подходили ко мне и расспрашивали о различных тонкостях технологии работы. Я с удовольствием рассказывал им все, что уже успел усвоить, объяснял непосредственно на технике, и они благодарили меня за доступное и понятное объяснение.

Это было время формирования и обучения первых ракетных бригад, которые в 1959 году стали основой для создания Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

К тому времени был сформирован ряд таких бригад: бригада полковника Гарбуза была расположена на Государственном центральном полигоне; Камышинская бригада — в городе Камышине; Кременчугская бригада — в городе Кременчуге; Клинцовская бригада — в поселке Клинцы; бригады, расположенные в поселках Медведь и Белокоровичи, и другие.

Эти бригады были сформированы из представителей различных видов и родов войск.

В них были моряки, летчики, танкисты, пехотинцы, связисты, представители инженерных и железнодорожных войск. Все они были далеки от ракетной техники. Не все верили в ее будущее, а многие просто не хотели по-настоящему осваивать неизвестную им доселе, новую технику. Особенно отличались в этом направлении представители Военно-морского флота и летчики. Тем не менее, эти бригады были сформированы, по ходу дела доукомплектовывались, задача на обучение личного состава командованию бригад была поставлена. И бригады, по определенному свыше плану, прибывали к нам на полигон для того, чтобы освоить премудрости подготовки к пуску и пуска новой для них техники — ракет.

Задача по их подготовке и приему зачетов по допуску к самостоятельной работе по подготовке к пуску ракеты офицерского и рядового состава легла на наши плечи, плечи испытателей

Отрабатывая экспериментальные образцы ракетной техники, мы одновременно обучали личный состав сформированных ракетных бригад методом неоднократного показа и объяснения на конкретной технике и затем допускали их к самостоятельной работе с ракетой и ее оборудованием. Самостоятельная работа, как правило, заканчивалась прожигом двигательной установки ракеты.

Объем этой самостоятельной работы для сдавшей зачеты бригаде заключался в подготовке бригадой (под нашим контролем и контролем офицеров испытательного управления) ракеты на технической позиции (в МИКе), вывозе ее на стартовую площадку, установке на пусковой стол, проведении автономных и генеральных проверок системы управления ракетой, заправке баков ракеты КРТ, предстартовых проверках ракеты и наконец включение на пуск всей системы управления ракетой до выхода режима работы двигательной установки на «Предварительную ступень», после чего двигатель ракеты выключался. То есть, ракета не взлетала. Но картина для наблюдателя со стороны получалась фантастической, особенно ночью. Заправленная компонентами топлива ракета стоит на пусковом столе, охваченная пламенем от работающего двигателя, истекающие из камеры сгорания струи создают сплошной рев. И в какой-то момент пламя этого громадного костра вокруг ракеты опадает, тональность рева двигателя снижается и затихает. Вокруг устанавливается звенящая тишина.

Таким образом, мы тренировали личный состав сформированных бригад и вносили свой вклад в дело создания и становления нового вида Вооруженных Сил – Ракетных Войск Стратегического Назначения.

Позже с отдельными офицерами этих бригад мне приходилось встречаться по долгу нашей военной службы. А с одним из представителей Камышинской бригады, тогда капитаном, Туркиным Л.И. мы встретились в стенах Ростовского высшего военно-инженерного училища.

Он присутствовал на тех показательных занятиях, которые мы проводили для его бригады.

При встрече в стенах училища Туркин выразил мне искреннюю признательность за то, что я на том занятии четко донёс до него те

необходимые моменты мер безопасности и правильности выполнения операций, определенных технологией, которые он «запомнил на всю жизнь».

Потом он разрекламировал мои технические и командные способности слушателям курса, и я сразу же обрел определенный авторитет у слушателей и командования курса.

7.4. Испытание ракет

Время шло. Майор Кириченко все больше отдалялся от отделения, готовясь к вступительным экзаменам. И мне приходилось основные заботы отделения взваливать на свои плечи. Работы было много. Мы проводили испытания еще поступавших из арсенала Каряинстроганова ракет Р-1 и Р-2, отработывая на них различные варианты усовершенствования отдельных узлов. Дело в том, что изготовленная на советских заводах ракета Р-1 по сути дела являлась копией ракеты ФАУ-2. Известно, что И.В.Сталин запретил вносить в неё какие-либо изменения, заявив: «Сначала вы воспроизведете ракету, а потом уж будете делать свою». Поэтому ракета Р-1 так же, как и ракета ФАУ-2 имела существенные конструктивные недостатки в виде свободных объемов между топливными баками и наружной оболочкой ракеты, две трети всего объема ракеты занимали топливные баки. Чтобы закрепить баки, отдельно делался корпус ракеты, в который вставлялись и затем закреплялись баки. Это увеличивало сухой вес ракеты и, следовательно, уменьшало дальность полета. Вставал вопрос: почему нельзя бакам быть одновременно корпусом ракеты, то есть быть несущей конструкцией. Здесь был заложен явный выигрыш в весе. Кроме того, ракета ФАУ-2 имела мощные и довольно тяжелые стабилизаторы, представлявшие собою лишний вес. Надо было отказываться от них, а значит должна быть разработана новая система стабилизации полета ракеты. Не все было ясно и с прочностными характеристиками ракеты на различных ступенях ее эксплуатации. На ракету действуют одни нагрузки, когда она уложена на лафет. И совершенно другие нагрузки возникают и действуют на нее, когда ее поставили на пусковой стол, да еще заправили компонентами топлива. И самые большие нагрузки действовали на моноблок ракеты, когда она из стратосферы начинала входить в плотные слои воздуха. Здесь скорость вхождения ракеты в атмосфе-

ру превышала во много раз скорость звука. Была очевидна необходимость повышения прочности корпуса ракеты, иначе ракета с боевым зарядом не дойдет до цели, разрушившись по пути. Упрочнение корпуса — это утяжеление его, а значит сокращение дальности полета ракеты. Значит, необходимо уменьшать полезный груз, который несет на себе ракета. Таким образом, одно цеплялось за другое.

И тут конструкторов во главе с С.П. Королевым озаряет: пусть разрушается ракета! Она уже фактически сделала свое дело — дотащила до определенной точки заряд, то есть головную часть, и теперь в этой точке головную часть надо каким-то образом отделить от ракеты.

Вроде бы сложного здесь ничего нет. Выключается двигатель ракеты, и головная часть в этот момент отбрасывается от корпуса ракеты действием усилия сжатой пружины или порохового заряда. Но на деле это оказалось не так просто.

Надо сказать, что головная часть ракеты ФАУ-2 крепилась к корпусу ракеты сорока двумя болтами, которые вставлялись в отверстия шпангоута головной части и ввинчивались в шпангоут корпуса ракеты торцевыми гаечными ключами. Головки болтов затем замазывались специальной замазкой, а замазка закрывалась специальной лентой. Закручивать такое количество болтов, соблюдая при этом определенную последовательность было очень нудным делом. До цели ракета летела вместе с головной частью. Вопрос отделения головной части от корпуса ракеты конструкторами был проработан, в результате чего вместо сорока двух болтов были предусмотрены четыре разрывных болта, которые устанавливались на шпангоутах корпуса ракеты и головной части в диаметрально противоположных плоскостях попарно. Кроме того, между баком окислителя и головной частью устанавливался пружинный толкатель, пружина которого предварительно сжималась. Процесс отделения головной части заключался в срабатывании разрывных болтов в момент выключения двигателя, освободившаяся от корпуса ракеты головная часть отталкивалась разжимающейся пружинной толкателя.

Ракета, на которой впервые был применен принцип отделения боевого заряда от корпуса ракеты, получила индекс Р-1А. Мы ее называли «Аннушкой».

Однако, оказалось, что это нововведение работает далеко не так, как хотелось бы.

Дело в том, что в процессе выключения двигателя подавалась

команда и на отделение головной части. Головная часть отделялась от корпуса ракеты, и, казалось, дальше она должна была лететь свободно. На деле получалось не совсем так. Дело в том, что горение в камере сгорания двигателя прекращалось не мгновенно, а еще происходило догорание каких-то остатков топлива. В результате образовывался какой-то импульс тяги, и корпус ракеты догонял отделяющуюся головную часть и летел вместе с нею к цели.

Надо было искать другие решения, которые бы позволили полное решение задачи отделения головной части от корпуса ракеты. Вот решением и практической отработкой этих и других задач мы и занимались совместно с конструкторами и представителями завод-изготовителей.

7.5. Немного о ракетах Р-1 и Р-2

Я в совершенстве овладел специальностью начальника стартового отделения, самостоятельно обучал и воспитывал личный состав отделения.

Будучи уже фактическим начальником стартового отделения я принимал непосредственное участие в выполнении стыковки головной части к корпусу ракеты, установке ракеты в вертикальное положение и наведении ее на цель.

Увеличивая дальность полета ракеты, а вернее дальность полёта её отделяющейся части, конструкторы одновременно надеялись достичь возможности увеличения высоты ее вертикального подъема, чем очень скоро заинтересовались физики страны, которые хотели знать, что делается там, на высоте: каков состав газов, какова температура и есть ли там ветер.

Впервые для физических экспериментов стала использоваться «Аннушка», ракета Р-1А. Она поднималась на высоту 110-120 километров, неся на себе контейнеры с научной аппаратурой.

Научные исследования с помощью этой ракеты проводились по 1957 год включительно. Аппаратуру высотных стартов разрабатывали Геофизический институт АН СССР, Государственный оптический институт, Физический институт имени П.Н. Лебедева и другие.

В процессе выполнения научных работ «Аннушка» принимала различные модификации: В-1А, В-1Б, В-1В, В-1Д, В-1Е.

Принятые после «единички» (Р-1) к испытаниям ракеты Р-2, Р-

5, Р-11 имели также много научных модификаций, и мне приходилось достаточно много работать с этими модификациями, кроме модификаций ракеты Р-11.

На смену «единичке» пришла ракета Р-2. Ее мы называли «двойкой». Над ее созданием и изготовлением трудились 24 научно-исследовательских института и 90 промышленных предприятий. Испытания этой ракеты начались в 1949 году. Она имела индекс Р-2Э. Но в целой серии пусков этой ракеты конструкторов и нас испытателей преследовали неудачи из-за постоянных отказов узлов и систем ракеты.

В целом эта ракета существенно отличалась от «единички». Ее сухой вес был всего на 350 килограммов больше сухого веса «единички». Но В.П. Глушко удалось повысить тягу двигателя ракеты на семь тонн, и дальность полета ракеты превысила вдвое дальность полета «единички», достигнув шестисот километров.

Внешне ее конструкция не отличалась от конструкции ракеты Р-1. Но приборный отсек у нее располагался уже непосредственно над двигательной установкой, что облегчало его обслуживание, и необходимость в таком технологическом агрегате, как автовышка, отпала. Головная часть была отделяемой.

7.6. Приведение стрелкового оружия к нормальному бою

Одновременно с выполнением этих работ по испытаниям ракет мне и старшему технику двигательного отделения Фокину А., как бывшим выпускникам Тамбовского артиллерийско-технического училища, специалистам по артиллерийскому вооружению, поручили проверить стрелковое оружие всего дивизиона и при необходимости привести его к нормальному бою.

Надо сказать, что стрелковое вооружение дивизиона состояло из карабинов образца 1944 года, пистолетов ТТ, и «Его императорского величества Тульского оружейного завода» револьверов образца 1895 года. И только позже на вооружение дивизиона поступили автоматы Калашникова (АК), самозарядные карабины Симонова (СКС) и пистолеты конструктора Стечкина, а потом и Макарова. Все они имели гриф секретности и нам их выдавали для стрельбы очень неохотно. Во время стрельбы мы должны были тщательно следить за вылетом гильз, собрать их все до одной и сдать на склад. И

упаси Боже, если одна из них может отлететь и затеряться! Строгого взыскания было не миновать.

Какое это было мучительное мероприятие проверять и приводить к нормальному бою карабины! Дело в том, что карабины образца 1944 года при выстреле обладали мощной отдачей. И через пару-тройку дней пристрелки этих карабинов правое плечо у меня приобрело внушительный синяк и подозрительную припухшую округлость.

Одним словом, пока мы с Фокиным проверили все оружие, пришлось претерпеть нам немало моральной и физической боли. Но, тем не менее, с задачей мы справились, получив по благодарности от командования дивизиона.

Заканчивалась весна, и наступало лето 1956 года. Работы по освоению новых образцов ракет и технологического оборудования к ним шли своим чередом. Майор Кириченко уехал готовиться к экзаменам, а потом и сдавать вступительные экзамены.

Глава 8. НЕСЧАСТЬЕ ОДНО НЕ ПРИХОДИТ

8.1. Доброволец

Меня приказом по части назначили начальником стартового отделения. Я продолжал работать, совмещая в одном лице две должности: начальника стартового отделения и техника по наведению ракеты на цель. Однако, вскоре начальник строевого отделения части старший лейтенант Качан В. сообщил мне, что меня не утверждают на должность начальника стартового отделения из-за отсутствия у меня высшего образования. Это известие меня сильно огорчило.

Ведь я всегда работал не считаясь с затратой времени, душевных и физических сил. С работой, по оценкам командиров, справлялся отлично, с воспитанием личного состава тоже. Но утверждать меня в этой должности не хотели — нельзя было нарушать букву закона: должно было быть высшее образование.

Командование части пошло мне навстречу и отдало меня приказом как лицо, временно исполняющее должность начальника стартового отделения, чтобы я мог за свой труд, за свою работу хотя бы получать соответствующее должности денежное довольствие.

Так в работе и заботах пролетело лето. Мою работу на стартовой площадке постоянно контролировал офицер испытательного управления старший инженер-лейтенант Гринь А. Из офицеров испытательного управления для контроля работ войсковой части 31925 по пускам ракет приезжали генерал Алпаидзе Г.Е., полковник Курушин А.А. (будущий начальник космодрома «Байконур»), генерал Шлыков Н.Ф., полковник Калашников А.С., подполковник Меньшиков В.И., подполковник Катеринич М.М., майор Сапсай П.Д., майор Мухинский Д.Н., подполковник Тимошенко М.М., подполковник Яцюта П.П., подполковник Баврин В.А., майор Байков В.Д. и другие, выросшие к тому времени в должностях и воинских званиях.

В ноябре этого года Англия, Франция и Израиль осуществили агрессию против Египта. Движимый патриотическими чувствами и желая чем-то помочь египтянам, я написал рапорт на имя командования полигона с просьбой зачислить меня добровольцем и отправить в Египет для оказания помощи его населению в отражении аг-

рессии. По поводу рапорта я был незамедлительно вызван в политический отдел полигона, где начальник политотдела и сотрудник КГБ провели со мной серьезную разъяснительную беседу, суть которой свелась к тому, что добровольцев и без меня будет достаточно в Египте, если в этом возникнет необходимость, пока же такой необходимости нет и мои знания и мои деловые качества очень нужны здесь, на полигоне. Этой беседой мой добровольческий порыв был погашен.

8.2. Начальник отделения В.Кузнецов. Домашний арест

Осенью этого года на должность начальника стартового отделения прибыл молодой офицер, выпускник Ростовского высшего инженерного училища лейтенант-инженер Кузнецов В.

Вступив в должность начальника стартового отделения, он не мог им полноценно руководить, так как практические навыки работы и с ракетной техникой и с личным составом у него отсутствовали. Я же был снова отдан приказом по части в качестве техника по наведению ракеты на цель. Однако руководством отделения и выполнением основных операций при работе с ракетой приходилось выполнять мне и с меня же со всей строгостью учиняли спрос за моральный климат в отделении и за качество выполняемых работ. Мне это не очень нравилось.

Кузнецов жил более вольготно, чем я. Он получал приличное по отношению ко мне денежное довольствие, имел в перспективе капитанское звание (должность начальника отделения соответствовала званию инженер-капитан), фактически ни за что не отвечая. Спрос был с меня.

Однажды утром мы приехали автобусом на свою площадку 4Н. После построения дивизиона перед казармой и постановки задачи на предстоящую работу с ракетой, мы должны были выехать автобусом на стартовый комплекс. После команды командира дивизиона: «Разойдись!», мы, офицеры-холостяки, бегом ринулись в столовую, чтобы позавтракать перед работой.

В столовой, как всегда, из-за наплыва представителей конструкторских бюро и заводов-изготовителей пришлось выстоять очередь. После поспешного приема пищи мы вышли на улицу, чтобы сесть в автобус и ехать к месту работы. Однако увидели, что автобус уже выезжает из ворот площадки в сторону стартового комплекса. Нас ждать не стали!

Но не идти же нам туда пешком, ведь расстояние составляет около пяти километров. Выразив свое недоумение по поводу отъезда автобуса без нас, мы остались ждать возле столовой.

Через некоторое время показался автобус. Его срочно прислали за нами.

Прибыв на стартовую площадку, мы присоединились к построившимся там своим отделениям. Начальник команды капитан Будкин как обычно скомандовал: «Равняйся! Смирно!» — и потом добавил: «Начнем по старшинству! Лейтенанту Терновых за опоздание на построение команды на стартовой позиции объявляю трое суток домашнего ареста! Инженер-лейтенанту Кузнецову как молодому еще офицеру объявляю выговор!»

Ответив капитану Будкину: «Слушаюсь, трое суток домашнего ареста», я остался в строю. Мы выслушали постановку задачи, и после команды: «Разойдись!» — я отправился к месту для курения, сел на скамейку и закурил, размышляя о несправедливом наказании меня старшим начальником. Вокруг стартового стола и ракеты начались какие-то работы, а я все сидел и курил.

Через некоторое время за мной пришел командир моего отделения, которого послал капитан Будкин, но я вежливо отправил его назад. Вскоре к месту для курения пожаловал и сам капитан Будкин.

«Лейтенант Терновых, что вы здесь раскуриваете, надо же ракету ставить на пусковой стол!»

Я невозмутимо ответил: «Я не имею права ее устанавливать, так как я арестован вами и нахожусь под арестом!»

Будкин вскипел, но потом понял абсурдность создавшегося положения и стал меня уговаривать: «Ладно, Иван, я погорячился. Снимаю с тебя арест. Забудем об этом. Надо срочно устанавливать ракету на стол».

Тут невольно вспылил и я: «Вы считаете, что я голодным, без должного денежного довольствия за исполняемую мной работу, без перспективы выдвижения, должен исполнять работу за того, кто всем этим пользуется и ни за что не отвечает. Вдобавок ко всему вы ни за что, ни про что унизили меня перед строем, наложив на меня незаслуженный арест. Я отказываюсь от такого стиля работы. За мной закреплен определенный участок работы — наведение ракеты на цель. Эту операцию я выполняю, а остального ничего делать не собираюсь».

Будкин не ожидал такого поворота дела. Он стал извиняться, говоря, что погорячился, что не подумал и вынес это наказание сгоря-

ча перед строем, что впредь он учтет этот факт и не допустит такого промаха никогда.

Мне стало жаль бывшего фронтовика. Выдержав еще некоторое время, я встал со скамейки и зашагал к ракете, лежавшей на грунтовой тележке возле пускового стола.

Подозвав лейтенанта Кузнецова, я попросил его построить отделение, затем проинструктировал личный состав, после чего мы приступили к выполнению ставшей уже привычной для меня работы с ракетой.

8.3. «Гаси чехол!»

Домашний арест не состоялся. Да и не за что было его налагать.

Мы переложили с помощью крана ракету с грунтовой тележки на лафет и усилиями всего личного состава команды пристыковали лафет к пусковому столу, после чего стали расчехлять ракету. Ракета всегда перевозилась из МИКа до стартовой площадки на грунтовой тележке в зачехленном виде. В процессе перекладки ракеты с грунтовой тележки на лафет небольшая часть чехла попала между клином бандажа и ложементом лафета и была зажата.

Обнаружили мы этот момент с опозданием при расчехлении ракеты. Кран, с помощью которого мы перекладывали ракету на лафет, был уже отведен в сторону, и приподнять ракету на небольшую высоту над лафетом уже было нечем, и вытащить зажатую часть чехла не представлялось возможным. И я принимаю решение поднимать стрелу лафета вместе с до конца не расчехленной ракетой в вертикальное положение для установки ее на пусковой стол. Мое решение было основано на том, что после подъема ракеты в вертикальное положение мы подведем под ее опоры опорные пяты поворотной части пускового стола, а затем штатным образом снимем бандаж, и освободившийся от зажатия чехол упадет сам вниз, где мы его и подберем.

Я доложил эту идею капитану Будкину, и он ее одобрил.

Подъем ракеты мы начали как обычно. Вначале все шло хорошо. Но я не учел одного момента. Дул довольно сильный ветер, но его сила соответствовала норме, оговоренной в технических условиях, при которой можно было устанавливать ракету в вертикальное положение. Ракету к вертикальному положению мы подвели нормаль-

но. Подняв с помощью подъёмных механизмов поворотную часть пускового стола с опорными тарелями стола и, подведя опорные тарели под опоры ракеты, я дал команду на открытие верхнего захвата лафета и снятие бандажа с ракеты.

По мере открытия верхнего захвата чехол начал постепенно сползать вниз по телу ракеты. Раскрыв бандаж и освободив его клинья от лафета, мы стали отводить стрелу лафета от ракеты.

И когда стрела отошла от ракеты на какое-то расстояние, порыв ветра мгновенно наддул верхнюю часть чехла, выбив ее несколько в сторону между ракетой и стрелой лафета. Образовался мощный парус, который с большой силой надавил на корпус ракеты. Две ее опоры приподнялись над опорными тарелями пускового стола и ракета на двух других опорах стала крениться по направлению от стрелы лафета. А надо заметить, что головная часть ракеты была заполнена тротилом весом в 970 килограммов.

Все, кто в это время был на стартовой площадке в роли зевак, а таких, несмотря на усилия подполковника Меньшикова В. было всегда достаточно, ринулись бежать в разные стороны по степи.

На какое-то мгновение я буквально оцепенел, волосы на моей голове встали дыбом. Но это было всего лишь мгновение! В следующее мгновение я диким голосом заорал непредусмотренную документацией команду: «Гаси чехол!» Расчет отделения, да и я сам вцепились в чехол и рванули его изо всех сил вниз. И надо же! Чехол под нашим дружным усилием, послушно избавившись от попавшего в него порыва шального ветра, скользнул вниз.

Ракета, шатнувшись в сторону стрелы лафета, потом в противоположную сторону, как маятник сделала два-три колебания туда-сюда, и успокоилась. Я схватился за голову, лоб был мокрым от холодного пота. Я на миг представил себе, что бы случилось на стартовой площадке, упала ракета на ее бетонное покрытие под напором импровизированного паруса. Ведь ее головная часть была снабжена парой инерционных взрывателей.

Потихоньку все стали возвращаться на стартовую площадку, а мы продолжили свою работу по отводу стрелы лафета, а затем и самого лафета, а также по ее вертикализации и креплению к поворотной части пускового стола стяжками ветрового крепления.

Позже капитан Будкин не один раз напоминал мне о моей неуставной команде: «Гаси чехол!»

Напоминал он ее потому, что она была действительно необычной,

неуставной, не предусмотренной документацией, неотработанной. И, тем не менее, когда она прозвучала в нужный момент, в нужное мгновение, она была немедленно воспринята теми, кто находился рядом и кто мгновенно оценил серьезность сложившейся ситуации.

Эта необычная ситуация запомнилась, я думаю, не только мне на всю жизнь.

8.4. Порошкообразные БРВ («Герань»)

В нашей практической деятельности испытателей ракетной, а затем ракетно-космической техники было немало разного рода критических случаев. И каждый раз испытатели в лице офицерского и рядового состава трезво оценивали создавшуюся ситуацию, находили правильное решение и немедленно действовали, выправляя критическое положение в нормально текущую ситуацию.

Мне вспоминается такой случай. В процессе подготовки к пуску ракеты Р-2, которая была снабжена специальной головной частью, во внутрь которой должны были помещаться порошкообразные, сыпучие боевые радиоактивные вещества. Юбка этой головной части была снабжена откидывающимися под определенным углом к оси головной части щитками. Они прикрывали люки в головной части, через которые должны были высыпаться порошкообразные БРВ, и выполняли роль стабилизаторов головной части в процессе ее полета после отделения от корпуса ракеты. При подготовке на стартовой площадке этой ракеты, стоявшей вертикально на пусковом столе, произошел какой-то сбой в системе управления ракеты, то ли в результате ошибки оператора, то ли по причине скрытой в самой системе управления. Во всяком случае, внезапно раздался щелчок (сработали пироболты) и головная часть под действием пружины толкателя поползла вверх относительно корпуса ракеты. Щитки-стабилизаторы на юбке головной части слегка приоткрылись. Переместившись на 3-4 сантиметра относительно корпуса ракеты, головная часть остановилась и замерла. Все присутствовавшие на стартовой площадке буквально оцепенели от увиденного. Потом многие было ринулись в бегство прочь с площадки, но, увидев, что головная часть остановилась и не падает вниз, остановились.

Командование части эвакуировало всех со стартовой площадки,

и незамедлительно начался процесс обсуждения создавшейся ситуации и поиска решения по выходу из нее.

В конце концов, было найдено «соломоново решение». Поскольку головная часть осталась над корпусом ракеты, то какую-то связь с корпусом она еще имеет. Следовательно, ее нужно дополнительно прикрепить к корпусу ракеты, но чем и как? Остановились на обыкновенной веревке. Решили, что надо несколько раз обмотать прочную веревку над щитками головной части в виде пояса и затем от этого пояса спустить концы к корпусу ракеты и накрепко привязать их на корпусе ракеты. Эту операцию поручили выполнить майору Кириченко и ефрейтору Рязанову. Веревку нужной прочности вскоре привезли, и Кириченко, подогнав к ракете автовышку, вместе с ефрейтором Рязановым отправились наверх к злополучной головной части. Вдвоем они успешно выполнили то, что им было предписано.

После того, как они оба спустились вниз, и автовышка была отведена от ракеты, к ракете подвели стрелу лафета, верхний захват которого обхватил закрепленную головную часть, на ракете закрепили штатный бандаж, опустили из-под ракеты поворотную часть стола и медленными движениями стали наклонять, а затем опускать ракету стрелой лафета. И на этот раз все закончилось благополучно. Головная часть была заполнена порошком-имитатором БРВ.

Майор Кириченко был награжден денежной премией, а ефрейтор Рязанов был отпущен в отпуск с поездкой на родину.

8.5. Весна в Капустином Яре. Мошки и комары

Так в постоянных трудах и заботах мы встретили весну 1956 года. Началось интенсивное таяние снега, которого в астраханской степи выпал изрядное количество. Образовавшаяся от таяния снега вода разливалась по горизонтальной поверхности степи и на отдельных участках достигала слоя 25–30 сантиметров. Вокруг села Капустин Яр бушевал разлив от рукава реки Волги, именуемого Ахтубой, и речушки местного значения, именуемой Подстепкой. Насколько хватало глаз, степная поверхность виделась как сверкающее зеркальной поверхностью море.

Это водное пространство чрезвычайно затрудняло передвижение по степной равнине на автомобильном транспорте, так как грунто-

вые дороги, а в основном только они обеспечивали движение, были здорово разбиты и залиты водой.

Вспоминается мой вояж весной 1957 года по такого же рода залитой степи, на станцию Сайхин для встречи командира нашей части полковника Тюрменко, возвращавшегося из очередного отпуска с семьей. Из-за залитых водою дорог мы с водителем как ни старались прибыть на станцию вовремя, все же к прибытию поезда опоздали. Полковнику Тюрменко (очередное звание он получил недавно) пришлось понервничать, ожидая нас. Но потом, когда на обратном пути он сам лично убедился в том, что весенние дороги в степи далеко не аналог шоссежных дорог, он смягчился и всю дорогу шутил и каламбурил. Покрытые толстым слоем воды, грунтовые дороги в степи имели свойство играть в прятки с едущим по ним автомобилем, и сама поездка по ним в автомобиле походила на плавание по водной поверхности. Ориентирами в этом плавании служили степные кочки, остатки бывших хуторов, отдельные деревья, телефонные столбы. А иногда и сады брошенных людьми на когда-то обработанных участках, в связи с отчуждением земель в пользу полигона.

В безграничной равнинной поверхности степи, этого забытого богом края, все же имелись отдельные понижения, куда вода сбегала и накапливалась в большом количестве, образуя так называемые «лиманы», и держалась в них, несмотря на ужасную жару летом, позволяя расти в этих местах камышу, который своей высотой 2,5-3 метра и толщиной ствола скорее напоминал тростник.

Весной в этих «лиманах» скапливалось огромное количество перелетных птиц, которые, улетаая на север, делали здесь промежуточные остановки, а отдельные из них оставались здесь же и образовывали гнездовые колонии. Летом вода в «лиманах» большей частью испарялась, но оставшиеся здесь птицы успевали вывести свое потомство, и к осени оно вполне успевало вырасти, окрепнуть и встать на крыло. В основном это были различных видов утки.

В других частях степи водились и довольно часто встречались дикие курочки-стрепеты, лисы и разновидность рыжих лис — корсаки, зайцы, степные орлы, тушканчики, суслики и стада сайгаков.

В процессе своей службы я приобрел некоторую тягу к охоте на степную дичь. Но выбраться на охоту было пределом мечтаний из-за загруженности работой и несением нарядов.

С развитием весны наступает потепление и вода частью испаря-

ется, частью впитывается в грунт. Воздух становится чистым и свежим. Пригревает весеннее солнышко, земля подсыхает, и сразу же появляются всякие ползающие твари, среди которых гадюки, ящерицы, скорпионы и мохнатые рыжие фаланги. В небе звенят жаворонки, на ряде телефонных столбов вдоль дороги сидят степные орлы, высматривая свою добычу — сусликов и тушканчиков. Суслики, радуясь солнцу, вылезают из своих нор и, деловито посвистывая, стоят на задних лапах. Воздух насыщается будоражащим запахом степных трав. Кругом насколько можно было увидеть невооруженным глазом, тянется приковывающая к себе бесхитростной красотой взгляд, бескрайняя степь. И там, где степной простор сливается с горизонтом в теплом мареве, идущем от земли, возникают миражи, отображавшие прекрасные сады, водные просторы, окаймленные зеленью деревьев. Большинство первых весенних дней бывают тихими, безветренными. Кажется, что нас окружает безмятежный покой, и мы являемся разрушителями этого покоя, вторгаясь в него грохотом стартующих ракет, рычаньем тягачей и урчаньем двигателей автомобилей. Весна в степи — самое лучшее время года. Степь преобразается на короткое время. На ее зеленом ковре в апреле можно было увидеть прекрасно расцвеченные тюльпанами островки. Но красота этих островков и очарование степью бывает слишком краткосрочна. Уже к двадцатым числам апреля цветы тюльпанов исчезают, и степь быстро выгорает под действием солнечных лучей, приобретая рыжую окраску.

Наступает жаркая пора, а с нею на нас, людей, на местный скот и диких животных обрушивается божья кара. Этой карой оказываются обыкновенная мошка — гнус, комары, ужасная жара и пыль. Мошка, вылупляясь из личинок, появляется из мелководных водоемов, которыми изобилуют поймы Волги и Ахтубы в результате их бескрайнего весеннего разлива.

От мошек и комаров оказывается невозможным скрыться и спрятаться куда-нибудь. Они проникают всюду: в дома, в палатки, а тем более донимают на открытом воздухе на улице.

Дома за день накалялись под солнечными лучами и за ночь не успевали остывать. От духоты и мошек с комарами ночью невозможно было уснуть. А каково нам было работать на стартовых площадках в таких невыносимых условиях!

Жители села Капустин Яр, умудренные воздействием этих кар,

строили свои дома либо деревянными, но дерево в тех краях было на вес золота, либо в большей степени глинобитными, с постоянно закрытыми ставнями на окнах. Это были в основном лачужки и одноэтажные домики. Их вид был в большинстве своем удручающим.

Мошка же для человека и скота тех краев, действительно, была бичом божьим. Если от жары в какой-то степени можно было избавиться ночью, обмотавшись смоченной водою простыней и улегшись в кровать или на пол, как-то отдохнуть. То от мошки спастись было невозможно. Она залезала в малейшую щелочку и кусала безжалостно. И не просто кусала, а грызла кожу, от чего кожа в месте укуса вспухала и чесалась немилосердно. Мошка лезла в глаза, нос, рот, в уши и превращала жизнь человека в настоящую муку в течение двух-двух с половиной месяцев.

Какой-то защитой для лица от мошки были сетки, которые местные девчата-мастерицы вязали из ниток мулине. Сетка, одетая на голову в какой-то степени защищала лицо и голову, а на руки приходилось одевать перчатки.

Когда лавина мошки начинала идти на убыль, появлялась в массовом количестве другая напасть — комары. Но комары днем не очень досаждали. Они набрасывались на человека и на все живое с наступлением сумерек и особенно издевались над ним в ночное время.

Все дома в селе, в городке, а также на испытательных и стартовых площадках закрывались в период появления мошки и комаров. Закрывались не в том смысле, что с их появлением прекращались работы, а в том смысле, что закрывались окна и двери. Но это мало помогало.

Ночные часы, когда человек должен был отдыхать от дневного труда, восстанавливать затраченную энергию, эти часы зачастую превращались в пытку, а пытка многократно усиливалась при работе с ракетой на стартовой площадке в ночное время.

Кроме этого на все окружающее отрицательно действовал еще один фактор.

Палящее солнце своими лучами все интенсивнее сжигает ставшую уже жиденькой траву, и ветер начинает интенсивно переносить тучи мельчайших, как пудра, частичек грунта, поднимая целые облака пыли. Нетрудно представить себе какая пылевая завеса образовывалась вслед за идущим по грунтовой степной дороге автомобилем или за тяжелым артиллерийским тягачом. Некоторые остро-

слова тогда называли наш полигон «пылегоном». Тончайшая пыль проникала всюду. Порою было очень трудно дышать воздухом, который был насыщен мельчайшими частицами пыли. Пыль сказывалась и на работе механизмов, имевших трущиеся поверхности, вызывая их преждевременный износ.

И только человек терпел и выносил все эти испытания во имя и на благо Родины.

Короче говоря, условия работы и жизни на полигоне в Капустинском Яре были трудными и требовали от нас, испытателей, большого мужества и стойкости. Несмотря на это, многие из испытателей прошли славный путь от начальных «детских» шагов при создании и отработке первых ракет до отработки космических аппаратов и космической техники во «взрослом» состоянии, а наши испытательные подразделения стали первой начальной школой для большинства ракетчиков Советской Армии.

8.6. Комиссия Министра обороны. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков

Весной 1956 года на полигон прибыл с комиссией Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза Жуков Г.К.. Командование полигона усиленно готовилось к его встрече. Достаточно сказать, что напротив площадки № 2 солдаты под руководством офицеров мыли бетонную дорогу, чтобы ее грязный вид не портил настроение Маршала. Министру Обороны показали технический комплекс и стартовые площадки, провели мы пуски ракеты Р-2, и он, оставшись довольным увиденным, вручил отдельным офицерам нашей части и испытательного управления охотничьи ружья, полученные по репарации из поверженной во время Великой Отечественной войны Германии, и благополучно вместе с сопровождающей его свитой улетел самолетом в Москву.

Одно из ружей было вручено Министром Обороны и представителю офицерской когорты нашей пятой команды. Этим счастливымчиком был начальник двигательного отделения старший лейтенант Сергеев. Но Сергеев не был охотником по своей натуре. При нашей очередной встрече я осмотрел подаренное Сергееву ружье. Это было ружье фирмы «Зауэр» с тремя кольцами. Оно мне очень понравилось.

лось и я попросил у Сергеева разрешения некоторое время поохотиться с его ружьем на дичь. В это время я уже проживал в селе Капустин Яр у тети Тани. На охоту с ружьем Сергеева мне удалось сходить несколько раз в выходные дни. Охотился я в окрестностях села и успел добыть пару зайчишек и одну лису.

В процессе этих вылазок на охоту я познакомился с одним из сельских охотников. На одном из привалов он внимательно осмотрел ружье Сергеева, и оно ему тоже очень понравилось. Он попросил меня продать ему это ружье. Я объяснил ему, что ружье не мое, и что я спрошу у хозяина будет ли он продавать его и тогда сообщу об этом сельскому охотнику. На этом мы с охотником расстались, а вскоре и сезон охоты был закрыт, так как все вокруг поплыло под лучами весеннего солнца.

Глава 9. Я – НАРУШИТЕЛЬ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ!

9.1. Суд чести

Как всегда растаявший снег обнажает массу всякого мусора и хлама, накопившегося за зиму.

Командование дивизиона решило в один из выходных дней организовать субботник по очистке территории площадки 4Н.

Весь личный состав дивизиона трудился на субботнике, наводя порядок в казарме, в сооружениях и на территории площадки. Часам к пятнадцати субботник был успешно завершён и мы, свободные от несения нарядов, поехали на «десятую» площадку. В «вибростенде» я ехал вместе с Фокиным, Сергеевым, Борисовым и Михайловым, которые пригласили меня зайти к ним в общежитие. В общежитии мы сообща решили пообедать, так как уехали с площадки 4Н без обеда. Михайлов и Борисов вызвались сходить на рынок для закупки чего-нибудь съестного, а Фокина мы отправили в универмаг, находившийся недалеко от общежития. Через некоторое время все откомандированные за покупками вернулись. Михайлов и Борисов кроме продуктов принесли с собою три бутылки пятидесятишестиградусной водки. Мы дружно накрыли стол, подготовили немудреную закуску и сели обедать, а фактически, ужинать. Застолье свое мы прерывали на короткое время для перекура и импровизированных танцев под музыку старенького радиоприемника с проигрывателем, на который мы ставили новую тогда пластинку «За фабричной заставой». Танцевали мы друг с другом. Под конец нашего застолья, я в процессе танца с Сергеевым, сказал ему, что его ружье заинтересовало местного сельского охотника, который готов его купить, если Сергеев намерен его продать.

И чёрт меня дернул сказать это Сергееву в такой обстановке! В процессе танца Сергеев держал в зубах горящую папиросу «Беломор». Произнесенные мной слова о ружье привели почему-то Сергеева в ярость. Он приостановился в своем танце, взял папиросу в правую руку и, глядя на меня помутневшим от выпитой водки взором, процедил: «Ты почему моим имуществом торгуешь?» С этими

словами он вскинул руку с горящей папироской к моему лицу и прижал папироску к моей щеке.

Я не ожидал такого дикого выпада от Сергеева, острая боль от ожога папиросой мгновенно взвинтила мои нервы и я, резким выпадом в сторону Сергеева, правой рукой нанес в подбородок Сергееву сильнейший удар, от чего он улетел к стене, где стояла одна из кроватей, и упал на нее.

Фокин, Михайлов и Борисов дружно набросились на меня, схватили меня за руки, пытаясь удержать от следующих выпадов с моей стороны. Я стал громко взывать к ним, чтобы они отстали от меня, что меня незаслуженно обидели и пригнали мне щеку, что я не позволю никому относиться ко мне подобным образом. Но мои слова не действовали на моих сотрапезников. Они попытались заломить мне руки за спину. Я расвирепел окончательно, раскидал их и вlepил хорошую затрещину Михайлову. Схватив тут же Борисова, я прокричал ему в лицо, что если они сговорились почему-то против меня, то я их всех сейчас измолочу из-за такой несправедливости. Отшвырнув от себя Борисова в сторону двери, я повернулся в сторону кровати, где лежал Сергеев, Фокин уже поднял Сергеева, и они уже благополучно сбежали из комнаты. Получив от меня затрещины, Михайлов и Борисов тоже бросились вон из комнаты.

Взбудораженный происшедшим, оглушенный приемом водки, я ринулся вслед за ними. Все они выбежали из общежития и спрятались за зданием. Был уже глубокий вечер на улице. Вдоль тротуара на улице были посажены довольно высокие акации, ветви которых создавали довольно густую тень над тротуаром. Освещения не было. Выбежав на тротуар, я поодаль от общежития увидел на тротуаре две фигуры, плохо различимые в полутьме. Мой разгоряченный мозг воспринял их как две фигуры обидчиков. Я рванулся к ним. Подбежав к фигурам, я схватил одного из них и рванул ее к себе. Одновременно я услышал мгновенно отрезвивший меня женский крик и возглас мужчины: «Ого!» Я опешил от неожиданности. Мужчина схватил меня за руку и сказал: «Спокойно, сынок! Что случилось?» Женщина что-то запричитала. Мужчина сказал ей: «Успокойся, дорогая, и иди одна, мы сейчас разберемся!» Я до сих пор не произнес ни одного слова, так как был буквально шокирован тем, что мужчина, которого я так грубо схватил в полутьме, оказался начальником полигона. Передо мной стоял генерал-лейтенант Вознюк В.И. Он прогуливался перед сном вместе с женой и в полутьме попал в мое за-

туманенное водкой и происшедшим поле зрения. Отпустив мою руку, он сказал мне : «Пройдемте в общежитие!» Я беззвучно повиновался ему. Придя в общежитие, он позвонил в комендатуру и приказал патрульной службе приехать и забрать меня. Приказав это, генерал ушел. Приехавший по его звонку комендантский патруль, что называется «взял меня под белые руки» и доставил в комендатуру. Вы представляете, как я влип, ни за что, ни про что! Конечно же меня немедленно определили в камеру.

Утром за мной приехал начальник штаба нашей части подполковник Шишкин. По дороге в часть он упорно молчал, думая о чем-то своем. Я терзался воспоминанием о происшедшем и думал, что же теперь со мной будет. Мы прибыли в штаб части, где уже находилось все командование части во главе с полковником Тюрменко С.Я. Началось усиленное на высоких тонах разбирательство случившегося.

Дело в том, что до весны 1956 года в отношении офицеров, принявших спиртное во внеслужебное время не применялось никаких жестких мер. Мне в этом отношении не повезло! Как раз где-то в начале года вышел приказ Министра Обороны об ужесточении борьбы с пьянством, разгильдяйством и прочими безобразиями со стороны офицерского состава.

Начался, как мы потом его назвали, этап «аракчеевщины». В процессе этого этапа офицера, прибывшего на службу с запахом употребленного спиртного, могли арестовать на трое суток домашнего ареста.

Решением командования по моему «делу» был назначен дознаватель, а я по приказу командира части полковника Тюрменко был предан суду офицерской чести.

Мне было очень стыдно перед товарищами, перед коллективом дивизиона и команды. Капитан Будкин Л.Ф. был просто шокирован тем, что «главным действующим лицом» был всем понравившийся до сих пор, веселый, общительный, трудолюбивый и исполнительный офицер, лейтенант Терновых.

Мне казалось, что после всего происшедшего судьба моя, моя военная карьера пойдут наперекосяк, что все окружающие смотрят на меня как на разгильдяя, как на человека, совершившего нечто ужасное, поднявшего руку на самого высокого, самого уважаемого командира в гарнизоне.

Хотелось куда-то сбежать, скрыться от всего окружающего. Разбирала и злость на Сергеева, на Фокина, Михайлова и Борисова. И в то же время я понимал, что они в моем происшествии мало виновны. Виноват я сам и никто другой. Меньше болтай языком, меньше доверяй, будь осторожен в любом коллективе. Этот урок я запомнил на всю жизнь!

Дознаватель беспокоил меня своими допросами в течение недели. Наконец материал был оформлен и суд офицерской чести состоялся. Я прошел через очередную ступень унижения.

Дознаватель (ему, видимо, было приказано) в своих материалах изложил, что я докатился до такой степени, что поднял руку на заслуженного человека, фронтовика, генерала, начальника полигона. Поэтому в будущем от меня ждать хорошего не приходится и, следовательно, от меня требуется избавиться путем увольнения из рядов Советской Армии.

Послушал я выступления дознавателя и сердце мучительно жалось от обиды. Ну, в чем же моя вина? В том, что по приглашению своих товарищей, своих сослуживцев выпил водки, в том, что они физически обидели меня и теперь я стою перед лицом офицерского корпуса как злостный нарушитель дисциплины, от которого нужно избавиться. Какая вопиющая несправедливость!

Но после выступления дознавателя стали выступать офицеры нашего дивизиона и других дивизионов, которые уже успели узнать меня с лучшей стороны.

В их выступлениях говорилось о том, что они согласны с тем, что проступок лейтенанта достоин порицания, что он допустил такие действия, которые порочат офицерскую честь и достоинство.

Вместе с тем, мы за время его пребывания в части и на полигоне узнали его как человека технически грамотного, волевого, добросовестного, легко сходящегося с людьми, уважаемого со стороны личного состава команды и дивизиона, справедливого, умеющего находить правильные решения в сложной обстановке. Разве можно разбрасываться такими кадрами!

Его проступок — это ошибка, которую он исправит!

Суд длился довольно долго. В конце концов, решением суда офицерской чести было: «Вынести общественное порицание». Я облегченно вздохнул. Служить в рядах Советской Армии оставили! И на минуту представил себе, какой бы позор окружал меня, если бы ре-

шение было другим. Ну что ж, лейтенант, порицание, так порицание! Исправляй его!

К сожалению, подорванный или испачканный авторитет исправлять довольно трудно. Но, необходимо!

9.2. Младший лейтенант В. Васильев

Это происшествие и состоявшийся суд показали, что вроде бы у тебя хорошие, надежные товарищи, но, оказывается, на проверку они ни с того, ни с сего могут подвести тебя, как говорится, «под монастырь» тогда, когда ты этого не ожидаешь и даже не предполагаешь.

Я не стал упрекать и демонстрировать отрицательное отношение к своим сослуживцам: Сергееву, Фокину, Михайлову, Борисову и другим.

Сергееву я принес и отдал в целости и сохранности его злополучное ружье и вскоре купил себе ружье шестнадцатого калибра Тульского оружейного завода.

В остальном же я, конечно, остался в обиде на своих товарищей. Обида была существенной.

Благодаря им я был выставлен на осуждение всем офицерским составом части и ни за что, ни про что получил грязное пятно в своей судьбе.

А жизнь наша и наша работа продолжались своим чередом. Вскоре произошло событие в четвертой команде нашего дивизиона, которой командовал капитан Кубасов А. В его команде служил лейтенант Васильев, родом из Курской области (с. Коренево). Учился Васильев одновременно со мной в Тамбовском артиллерийско-техническом училище, но только не в нашем, а в другом дивизионе. В Капустин Яр он получил назначение прямо из училища, куда и приехал одновременно с лейтенантом Фокиным. В четвертой команде он был назначен на должность техника по заправке ракет. В его ведении частенько имелось изрядное количество этилового спирта, которым он позволял себе распоряжаться вольготно. Однажды он прямо на стартовой площадке вручил двадцатилитровую канистру со спиртом полковнику, приехавшему из Москвы. Один из политработников полигона увидел это и немедленно «принял меры». Канистру у полковника отобрали, а лейтенанта Васильева немедленно

предали суду офицерской чести, который вынес вердикт о его разжаловании на одну ступень. Командование полигона незамедлительно приняло решение о разжаловании нарушителя дисциплины, и Васильев был разжалован до чина «младшего лейтенанта». Какое решение из этого момента приняли в Москве по поводу полковника, принявшего от Васильева канистру, осталось неизвестным. Но в Капустин Яр этот полковник больше не приезжал.

Васильев после этого «куролесил» неоднократно. Проживал он в общежитии офицеров-холостяков, куда самостоятельно вселился с семьей, которая состояла из него самого, жены и маленькой дочки. Жену Васильев частенько, по его выражению, «гонял». Дежурным по общежитию приходилось вмешиваться и докладывать командованию части о его поведении. Было принято решение выселить семью Васильева из общежития, так как он не давал покоя и жившим там офицерам. Однажды комендант гарнизона прислал наряд патрулей вместе с машиной, чтобы вывезти семью Васильева из общежития. Но Васильев забаррикадировался в занимаемой им комнате, и патрульный наряд так и уехал ни с чем.

Спустя несколько лет Васильев покинул полигон, поступив в Ростовское высшее инженерное училище, которое закончил и по окончании получил назначение в ЦНИИКС-50. Здесь он защитил кандидатскую диссертацию. Говорят, что во всех его делах большую роль играл старший брат, полковник по званию, служивший в Управлении кадрами Министерства Обороны. После защиты диссертации Васильев почти сразу же уволился и поступил на курсы гитаристов в музыкальном училище, закончив которые, он вскоре стал руководителем ансамбля гитаристов, который под его руководством, спустя некоторое время, получил звание народного.

Вот так из «разгильдяя» вырос и образовался прекрасный, грамотный человек, принесший немало пользы для Родины.

9.3. Ракетные бригады и испытания ракет Р-1 и Р-2

Поскольку тень «разгильдяя» легла и на мое имя, мне надо было сбросить эту тень, и чем быстрее, тем лучше для меня. Я старался, полностью отдавался работе по пускам ракет, воспитанию своих подчиненных и обучению личного состава формировавшихся в то время ракетных бригад. Выше я уже упоминал о том, что одна из

бригад была сформирована непосредственно на полигоне. Командиром этой бригады был полковник Гарбуз Л.С. Это в его бригаду для прохождения дальнейшей службы был назначен, учившийся со мной в ТАТУ, а затем и в ЦАТКУОС, брат моей будущей жены лейтенант Никитичев И. Г.

Бригада полковника Гарбуза Л.С. располагалась непосредственно в городке, на «десятой» площадке, и довольно часто выезжала к нам на стартовые площадки для проведения комплексных занятий.

Под комплексным занятием понимался комплекс мероприятий, проводимых с ракетой и ее наземным технологическим оборудованием на технической позиции и стартовой площадке, заканчивавшихся, как правило, прожигом двигательной установки ракеты, то есть заправкой баков ракеты компонентами ракетного топлива, включением схемы ракеты на пуск, выводом тяги двигателя на предварительную ступень и выключением двигателя. Таков был объем комплексных занятий.

Прежде чем допустить личный состав к выполнению определенных операций, мы самым скрупулезным образом объясняли каждому как должна выполняться та или иная операция, что при этом должно произойти в схеме управления ракеты или в схемах технологического оборудования, какие меры безопасности необходимо соблюдать при выполнении операции.

После этого нами принимались зачеты от личного состава с оформлением документа о допуске его к работе под нашим контролем. Завершалась наша совместная работа прожигом двигателя ракеты.

Работы нам хватало через край. Каждая из сформированных бригад приезжала к нам на полигон и проходила обучение, после чего получала допуск к самостоятельной работе с ракетой.

Трудность в обучении личного состава этих бригад заключалась в том, что офицерский состав, как уже упоминалось выше, был скомплектован из представителей различных видов и родов войск, которые в большинстве своем на первых порах отрицательно относились к освоению ракетной техники.

В процессе этих занятий у меня со многими из офицеров бригад установились теплые товарищеские отношения. Особенно мы подружились с начальником стартового отделения старшим лейтенантом Соколовым Е. из бригады полковника Гарбуза. Мы оба были начальниками стартовых отделений. Тяжелейшая работа, особенно по стыковке лафета с пусковым столом с уложенной на него раке-

той, очень сблизила нас. Я рассказывал и показывал Соколову все тонкости и хитрости выполнения этого мероприятия. И он быстро их освоил.

Потом наши военные судьбы, много лет спустя, снова свели нас сначала в городе Ростове-на-Дону, в стенах РВКИУ, а затем в городе Мирном Архангельской области, где мы не раз вспоминали о том, с каким трудом нам приходилось стыковать лафет с пусковым столом и выполнять другие операции.

Время было напряженное. Мы испытывали модернизированную ракету Р-2, а вернее Р-2Э. Она появилась как бы сама собою, благодаря непрерывной пульсации мыслей у конструкторов во главе с С.П. Королевым.

Ведь ракета Р-1 возникла после того, как на полигоне Королев и его специалисты пустили около десятка вывезенных из Германии и собранных из составляющих в Советском Союзе ракет ФАУ-2.

Так в 1947 году на полигоне было проведено 11 пусков ракет ФАУ-2 и только пять из них в то время достигли цели.

И тогда было принято решение делать на наших заводах из наших материалов свои ракеты по имеющимся немецким чертежам. С.П.Королёв, имея личное указание И.В.Сталина создать точную копию ракеты Фау-2, одновременно начал разработку копии ракеты ФАУ-2 и новую ракету, которые получили обозначения Р-1 и Р-2. Лётные испытания первой ракеты Р-1 начались в 1948 году, первый её пуск на Государственном центральном полигоне был произведен 10 октября 1948 года. Так появилась ракета Р-1.

За период с октября 1948 года по октябрь 1949 года было произведено 20 пусков ракет Р-1, которые подтвердили, что ракета летает хорошо.

28 ноября 1950 года Постановлением Правительства СССР ракетный комплекс Р-1 был принят на вооружение. Вот с этого момента и начался срочный процесс формирования первых ракетных бригад, вооруженных этими ракетами.

Однако принятая на вооружение ракета Р-1 не устраивала во многом и военных, и конструкторов во главе с С. П. Королевым.

Она имела, как уже было сказано выше, лишний вес в виде мощных стабилизаторов, подвесных баков, и корпус ракеты летел к цели вместе с головной частью. Нужно было отказываться от этих излишеств для увеличения дальности полета ракеты.

Отделяющаяся головная часть уже была применена на ракете Р-1

в мае 1949 года, когда серия из пяти ракет использовалась для баллистических пусков и одна — для научных исследований путем пуска ракеты вертикально на высоту 110 километров и более. Позже эта ракета использовалась для научных исследований в течение восьми лет. И я участвовал в пусках этих ракет в 1955- 1957 годах. Это были модификации ракеты Р-1А. Они обозначались в зависимости от «начинки» головной части.

Несмотря на успешные пуски ракеты Р-1 С.П. Королев со своим ОКБ работает над её совершенствованием, создавая новую модель ракеты Р-2 с дальностью полёта 600 километров.

Эта ракета имела цельнонесущие баки окислителя и горючего, отделяющуюся головную часть и приборный отсек, расположенный в межбаковом пространстве.

Экспериментальные испытания ракеты Р-2 первой серии велись с осени 1949 года по 1951 год. Вторая серия испытаний этой ракеты была проведена в 1951 году и в этом же году ракета Р-2 была принята на вооружение.

С 1952 года работу по выпуску ракет Р-1 и Р-2 начал Днепропетровский тракторный завод, и на нем в 1954 году было создано Днепропетровское ОКБ, которое затем было переименовано в КБЮ. Ее главным конструктором стал Михаил Кузьмич Янгель.

9.4. Ракета Р-5

Параллельно с отработкой и принятием на вооружение ракеты Р-2 в ОКБ Королева велись интенсивные работы по созданию одноступенчатой ракеты, которая была бы свободна от тех главных недостатков, которые были присущи ракетам Р-1 и Р-2.

Эта ракета была рассчитана на дальность полета до 1200 километров и имела индекс Р-5. Уже в 1951 году Академией наук СССР было предложено некоторым НИИ подготовиться и провести ряд экспериментов с помощью создаваемой ракеты Р-5. Эти эксперименты проводились путем пуска модификаций ракеты Р-5, о которых было сказано выше.

Головная часть этих ракет наполнялась научными приборами для исследования космического излучения, состава атмосферы на больших высотах, солнечной радиации, ионных потоков, жизнедеятельности и поведения живых организмов.

Пуски модифицированных ракет проводились на высоту 110 километров, а затем на высоту до 250 километров.

За период с 1951 года по 1955 год было проведено 15 пусков этих ракет. Конечно, были и не совсем успешные пуски, и некоторые животные, взлетавшие на этих ракетах, погибли из-за возникших технических неполадок.

При этом продолжались работы по пускам ракеты Р-2. В мою бытность на полигоне я успел поучаствовать в пусках не одного десятка этой ракеты. Это были, в основном, пуски ракет для научных исследований.

Лётные испытания ракеты Р-5 были начаты на полигоне в конце февраля 1953 года.

В марте 1953 года на полигон Капустин Яр прибыла первая партия ракет Р-5 для проведения испытаний в качестве носителя более серьезного оружия. Уже 13 марта первая ракета Р-5 успешно стартовала к цели. Но последующие пуски показали, что ракета имеет строптивый характер: происходит взрыв в хвостовом отсеке, ни с того, ни с сего в полёте выключается двигатель, ракета систематически даёт в полёте очень большое отклонение головной части от цели. Стропивость характера выразилась и в возникновении автоколебаний на ракете. Конструкторам и испытателям полигона пришлось немало повозиться пока удалось укротить буйство новой ракеты и она стала летать.

Поскольку эта ракета имела большую дальность полета, а средств доставки атомной бомбы, испытанной в 1949 году, на территорию потенциального противника не было, атомщики страны ухватились за идею использования для этой цели ракеты Р-5.

Однако, по мнению конструкторов, ракета Р-5 была не совсем пригодна для того, чтобы нести к цели атомный заряд. Требовалась доработка имеющейся ракеты. Стараниями конструкторов возникла модификация ракеты Р-5М. Она значительно отличалась от ракеты Р-5 системой управления, в которой было применено дублирование самых ответственных подсистем.

Выше я уже говорил, что мое назначение на Государственный Центральный полигон после курсов в городе Пензе совпало с началом испытаний на полигоне ракеты Р-5М, которые начались в середине 1955 года.

В конце 1955 года закончилось строительство площадки 4Н. Километрах в пяти от нее были построены две дополнительных пло-

щадки В1 и В2, расположенные в непосредственной близости друг от друга. Эти площадки предназначались для атомщиков. Здесь они работали с атомными зарядами и зарядами из боевых радиоактивных веществ (БРВ). О существовании этих площадок и чем там занимаются люди мало кто знал. Эти площадки охраняло особое подразделение, не подчинявшееся командованию полигона.

Испытанием этой ракеты довелось заниматься вплотную и мне. До запуска ракеты Р-5М с ядерным зарядом на полигоне было отправлено в полёт двадцать восемь ракет. Почему так много? Да потому, что шла отработка сложного механизма управления ракетой и ее полетом. График проведения испытаний был очень плотный. Но всяких помех на пути испытаний было предостаточно. Помехи преподносили и природные условия. Например, в день вывоза первой подготовленной ракеты на стартовую позицию, находившуюся на значительном расстоянии от технической, разразился сильный буря. Дорогу занесло снегом настолько, что даже использование тяжёлых артиллерийских гусеничных тягачей АТТ, колонна застряла на дороге. На преодоление занесенного участка дороги расстоянием 20 километров ушли целые сутки.

Одна из ракет, двигатель которой отключился, когда она шла вертикально вверх и еще не легла на траекторию полета, упала недалеко от пускового стола и взорвалась. Перед пуском этой ракеты мы (боевой расчет), представители промышленности, военных приемок и полигона, эвакуировались в бункер. А как только заревел двигатель ракеты, и она с грохотом ринулась ввысь, многие из нас выскочили из бункера и стали наблюдать за полетом ракеты. День стоял солнечный. Ракета, сияя белизной окраски, быстро уходила в синеву неба. Вдруг рокот двигателя прекратился, раздался хлопок и наступила тишина. Ракета на мгновение прекратила свое движение вперед и вдруг ринулась вниз к пусковому столу. Казалось, что она летит прямо на нас.

Мы все буквально ошалели от увиденного, и ринулись к входу в бункер. Что здесь происходило, трудно описать. Невзирая на чины и ранги, толпа любителей поглазеть на чудо, катилась вниз по ступенькам бункера. Несколько человек упали и по ним покатались те, кто в числе последних вбежал во вход бункера. Через какие-то секунды грохнул взрыв, стены бункера вздрогнули, и всё стихло.

Подождав некоторое время, мы потихоньку начали выбираться из бункера на улицу. Ракета упала недалеко от пускового стола. На

месте падения образовалась приличных габаритов воронка, в которой продолжалось горение остатков компонентов топлива. Повсюду валялись куски от упавшей и взорвавшейся ракеты.

Специалисты быстро разобрались с причиной отказа. Испытания были продолжены. Но почему-то часто повторялись недолеты ракеты до цели. Конструкторам приходилось отыскивать эти причины и устранять их на последующих ракетах, готовившихся к пускам. Таким образом, были произведены пуски двадцати восьми ракет. Непосредственно подготовкой баллистических ракет к пуску занимались офицеры 1-го управления полигона во главе уже с полковником Калашниковым А.С. и подчинённая этому управлению испытательная войсковая часть 31925. В составе управления работали: В.И.Меньшиков, Г. И. Иоффе, М.М.Катеринич, В.А. Боков, Б.А.Комиссаров, В.В.Кастальев, В.А. Баврин, П.П.Яцюта и др.

Тогда всё ещё было просто - не было тяжёлых катастроф с гибелью людей, мы могли всё время находиться возле ракеты, а представители управления и другие контролирующие люди прослеживать правильность выполнения операций.

Второй этап работ с ракетой Р-5 состоялся в конце того же года. Программа была выполнена с положительными результатами, но ракета на вооружение всё ещё не принималась. Официальной причиной считалась недостаточная эффективность этого комплекса: при полученной точности стрельбы на заданной дальности 1200 километров боевой заряд головной части в одну тонну тротила не мог иметь большого значения.

11 января 1956 года был проведен зачетный пуск ракеты Р-5М. Несмотря на то, что в это время стояли сильные морозы, пуск прошел без замечаний.

9.5. Ракета Р-5М

Мы, офицеры пятой команды, прекрасно понимали, что зачетный пуск ракеты Р-5М, это не окончание работы с ней, а только прелюдия к какой-то более серьезной работе. Мы догадывались, что идет какая-то серьезная подготовка на полигоне. Но к чему?

Было много представителей промышленности. Среди них мы видели высоких военных чинов.

Они частенько стали наведываться к нам на площадку 4Н. Зате-

валось что-то грандиозное. Нас постоянно дергало командование дивизиона, чтобы мы держали в боевой готовности исправную вверенную нам технику. Наряду с этим ажиотажем мы продолжали заниматься испытаниями модернизированной ракеты Р-2 и академической В-1Е.

Второй стартовый дивизион под командованием подполковника Золотенкова, расположенный на площадке 4С, испытывал в это время оперативно-тактическую ракету Р-11 и ее морской вариант Р-11МФ на высококипящих компонентах топлива. Пуски ракеты Р-11 с пускового стола начались с 18 апреля 1953 года. Пуски ракеты Р-11МФ осуществлялся с качающегося стенда, представляющего собой макет рубки подводной лодки, который моделировал качку морского корабля на волнах бушующего моря. Ее испытания начали проводиться с сентября 1954 года

В июле 1955 года разработанная конструкторским бюро В.П. Макеева ракета Р-11, летавшая на расстояние 140-150 километров была принята на вооружение как оперативно-тактическая.

В 1956 году ракета Р-11МФ была отработана пусками непосредственно с подводных лодок и так же принята на вооружение.

Работы велись по всем направлениям. Они буквально захлестывали нас.

У нас, стартовиков, кто работал на стартовых площадках, по сравнению с теми, кто работал на технической позиции и, тем более в штабах, не хватало ни времени, а порою и сил что-нибудь сделать для себя. Дорога на стартовые площадки занимала каждый день около 1,5 часа и столько же в обратном направлении. Выше мною уже упоминалось, что дорога наша была далеко не комфортабельной. Каждый стык дорожных плит и наличие выбоин на дороге ежедневно проверяли нас на прочность. А на стартовых площадках нам по двое, а иногда и по трое суток приходилось готовить ракету к пуску. Из неё, как из рога изобилия, сыпались отказы («бобики»). Скажем, отказал какой-то прибор на её борту, а под руками запасного прибора для замены вышедшего из строя нет. Значит, надо ехать на техническую позицию или на склад за этим прибором, получив его, надо ещё проверить на функционирование, а потом вести на стартовую площадку. А ведь иногда приходилось ждать этого прибора с завода-изготовителя, не отлучаясь со стартовой площадки два, три дня.

Каждую ракету нам приходилось выныривать: мы её тщательно осматривали, проверяли её приборы автономно и в составе комп-

лекса, выслушивали, копались в её нутре, укладывали, перекладывали поднимали, ставили, наполняли и ещё раз проверив в ней всё, разрешали ей выполнить свою задачу - унести к цели, навстречу своей гибели.

Второй стартовый дивизион одновременно испытывал и крылатые ракеты 10ХН. Мы называли их «самолеты-снаряды». Но эти ракеты, имевшие вид самолетов, летали плохо. Частенько при пусках они сразу валились за забор стартовой площадки или, улетев с направляющих пускового устройства, двигались довольно медленно и, пролетев небольшое расстояние, валились на землю.

Вскоре прояснилась истинная причина, которая не позволяла принять ракету Р-5 на вооружение. Эта причина требовала проведения модернизации ракеты. Одновременно с проведением модернизации было принято решение об установке на ракете Р-5 боевой части с ядерным зарядом. Это уже существенно повышало значение такого оружия, дальность которого позволяла от наших дальних западных границ держать под прицелом всю Европу.

В короткий срок ракета Р-5 была модернизирована. Её новый вариант окончательно утвердился под индексом Р-5М.

В январе 1955 года начались её лётные испытания. Государственную комиссию по её испытаниям возглавил генерал-лейтенант П.А.-Дегтярёв.

Для завершения испытаний был подготовлен специальный пуск ракеты, в головной части которой был установлен штатный ядерный заряд (до этого все пуски проводились с макетами боевого снаряжения). Подрыв заряда должен был осуществиться в воздухе над расчётной точкой прицеливания. Подготовка этого пуска производилась в условиях особо строгого режима. Ракета была заблаговременно установлена на стартовый стол, а пуск был назначен на утро 2 февраля 1956 года.

После некоторых сомнений, связанных с длительным нахождением ракеты на морозном воздухе, пуск был успешно осуществлён, головная часть точно достигла заданного квадрата и автоматика осуществила подрыв заряда.

Это был первый реальный пуск ракеты средней дальности с боевым атомным зарядом. Он означал создание в нашей стране мощного ракетно-ядерного оружия.

К моему великому сожалению я в этом историческом пуске не участвовал, хотя принимал активное участие в его подготовке.

В конце января 1956 года я был направлен в командировку в город Москву, целью которой была доставка на ВДНХ геофизической ракеты. Две трети февраля заняла у меня эта командировка, а советское ракетно-ядерное оружие, испытание которого я готовил с самого начала, было произведено 2 февраля 1956 года.

Вернувшись из командировки, я узнал об этом и был очень огорчен тем, что не участвовал в этом мероприятии. Столько уже было, на мой взгляд, мною сделано, многократно я замерзал от сильных морозов, делая все, что от меня зависело. И такое серьезное событие – пуск ракеты Р-5М с ядерным зарядом на борту – без меня! Было, отчего огорчиться!

Этот пуск был обусловлен благодаря установившимся тесным связям между Королевым С.П. и Курчатовым И.В.

9.6. Испытание ракет и воспитание личного состава

Меня несколько утешал тот факт, что в этом пуске участвовали мои подчиненные, обученные мною. Обижаться мне было нельзя, так как я понимал, что сам я все-таки поработал недостаточно много времени в дивизионе, чтобы со мной по-настоящему считались. Да и, в конце концов, кому-то надо было выполнять другие, сопутствующие задачи.

А чем не ответственная задача – доставить совершенно секретный груз за тысячу километров, в тяжелейших условиях, в назначенный пункт, в целости и сохранности! Я эту задачу выполнил с честью, несмотря ни на что!

А потом, кроме этого первого пуска ракеты с ядерным зарядом, на мою долю выпало немало других задач, в решении которых лежало то же самое ядерное оружие, исполненное в других вариантах.

Ну, а ракета Р-5М была принята на вооружение 21 июня 1956 года, и ею были вооружены ракетные бригады, расквартированные в Прибалтике и на Дальнем Востоке.

В общем, 1956 год прошел для меня как год начала взлета и жестокого падения. После падения мне пришлось очень тяжело карабкаться вверх, порой на четвереньках, преодолевая тот психологический климат, который сложился вокруг моей фамилии.

Но я упорно двигался вперед, порою до боли сжав зубы.

Ушел из пятой команды М. Кириченко. Я стал полноправным

командиром стартового отделения. Личный состав отделения понимал меня и беспрекословно выполнял мои указания. Я сам всегда был рядом с ним, вникая во все нужды и запросы.

Характерен был один из эпизодов моей жизни того времени.

После командировки я часто стал оставаться на площадке 4Н, не выезжая на «десятую» площадку, то есть в жилой городок. Семейные офицеры, жившие на «десятой» площадке, которым выпадала очередь заступать дежурным по площадке 4Н, часто обращались ко мне и просили заступить на дежурство вместо них по согласованию с начальником штаба дивизиона майором Макушевым Н.Г.

Я соглашался и оставался дежурить. В результате этого я прекрасно знал все тонкости жизни площадки, знал, чем занимается личный состав всех трех команд и хозяйственного взвода дивизиона, знал всех потенциальных нарушителей дисциплины в дивизионе. В общем, был в курсе всего, что происходило на площадке в отсутствие офицеров.

Однажды я просто не поехал на десятую площадку, а остался ночевать в гостинице площадки 4Н. Уезжая домой на «вибростенде», капитан Будкин Л.Ф. попросил меня остаться ответственным по команде и утром, до общего подъема, объявить личному составу команды подъем по тревоге и проверить, как и за какое время солдаты соберутся по тревоге. После этого в мою задачу входило вывести всю нашу 5-ю команду за пределы площадки 4Н, в степь, и там поставить личному составу команды какую-нибудь вводную для проверки, как личный состав будет действовать по этой вводной.

В четыре часа ночи я прибыл в казарму и через дежурного по команде, предварительно согласовав вопрос подъема по тревоге с дежурным по площадке 4Н, объявил пятой команде тревогу. Надо сказать, что личный состав команды собрался довольно быстро, разобрался с принадлежавшим каждому солдату имуществом и оружием. Через некоторое время я вывел команду на улицу. В принципе уже наступил воскресный день, день отдыха у всех. А тут — тревога! Да плюс ко всему с вечера прошел довольно сильный дождь и на бетонной дороге стояли лужи. Солдаты неохотно передвигались, с замедлением строились, всеми своими движениями показывая, что действия лейтенанта им не очень нравятся.

Тем не менее, я вывел команду за пределы площадки 4Н и, когда мы отошли от площадки метров на триста, скомандовал: «Танки справа, к бою!»

Солдаты уверенно повернулись вправо с бетонной дороги и, кучно сгруппировавшись вокруг бывшего каптенармуса москвича ефрейтора Чиркова В., попавшего в мое отделение на перевоспитание после пьянки, побежали в степь. Я услышал, как кто-то громко спросил Чиркова: «Васька, а что нужно делать по этой команде?» На что последовал ответ Чиркова, как непререкаемого авторитета: «Надо рассредоточиваться и ложиться, занимать оборону. Да ведь роба-то (обмундирование солдата) чистая, постирана». (Накануне, в субботу, большинство солдат стирало свое обмундирование и выгладило.)

И команда продолжала бежать, группируясь вокруг Чиркова, который не советовал всем ложиться на мокрую поверхность земли.

Видя бесполезность своей вводной, я остановил бег команды, повернул ее лицом к бетонной дороге и, выйдя на дорогу, скомандовал: «Становись!» После построения и выполнения команд «Равняйся! Смирно!» — я скомандовал: «Ефрейтор Чирков, выйти из строя на три шага!» Чирков ровным голосом ответил: «Слушаюсь!» — четким шагом вышел из строя. По моей команде он повернулся направо и замер. В напряженном внимании замерла вся команда.

Чуть помедлив, я подал команду: «Ефрейтор Чирков, шагом марш!» Как положено, строевым шагом, с правой ноги, ефрейтор Чирков начал движение по дороге вдоль строя. Вся команда напряженно следила, что же будет дальше, что-то лейтенант задумал на виду у всех. Ведь ефрейтор Чирков был непререкаемым авторитетом у всей команды.

Однако, вернемся к движению Чиркова по дороге. Он миновал строй команды, и на его пути возникла довольно большая лужа, и перед ней Чирков несколько замедлил движение, видимо ожидая, что я подам команду на остановку движения. Но её с моей стороны не последовало, и Чирков решительно шагнул в лужу. Когда он достиг середины лужи, я подал ему команду: «Стой!» Чирков остановился, но карабина с плеча не снял и не приставил его к ноге, как этого требовал «Строевой Устав ВС СССР»

Я подал новую команду, которую никто из солдат, я уверен в этом, не ожидал: «Ефрейтор Чирков, ложись!» Чирков передернулся, словно отмахиваясь от такой неожиданной команды и остался стоять. Я понял, что на виду у всего личного состава, какие бы я команды ни подавал, Чирков их не выполнит, потому что, выполнив мою команду, он навсегда потеряет свой авторитет у личного состава. Я по-

нимал, что, почти в таком же положении относительно личного состава команды нахожусь и я.

Поэтому я вызвал из строя двух самых сильных и довольно независимых солдат, в которых я был уже уверен, что они выполняют мою команду и скомандовал им: «Положить ефрейтора Чиркова!» Один из них ефрейтор Зуев, подошел к Чиркову и сказал: «Ложись, Васька, мы ведь все равно тебя положим, и будет хуже!» Чирков, поиграв желваками, взял карабин в правую руку и как-то боком стал наклоняться и затем плюхнулся в лужу, раскинул ноги и выставил карабин для ведения огня из положения лежа.

Команда стояла пораженная происшедшим. Я подал команду Чиркову встать и стать на свое место в строю. Весь строй команды молча и с некоторым сочувствием смотрели на следовавшего в строй Чиркова. После того, как ефрейтор Чирков занял свое место в строю, я подробно объяснил солдатам, что сегодняшняя вводная, это не игрушка и не просто выдумка лейтенанта, что к этим командам надо относиться серьезно, что не дай бог, это в действительности случится во время ведения настоящего боя. Вся команда была бы немедленно истреблена прицельным огнем противника. И что вина ефрейтора Чиркова состояла в том, что он, зная, как нужно действовать по моей вводной, не подал примера остальным, а наоборот, удерживал всех от правильных действий.

После этого я приказал старшине команды вести команду в расположение казармы и там заменить обмундирование и обувь ефрейтору Чиркову.

На душе было гадко. Я знал, что был прав, но по отношению к Чиркову, я чувствовал несправедливость своих команд. Однако на ефрейтора Чиркова этот случай повлиял самым положительным образом. Позже, чтобы я ни поручал ему или группе солдат, из которой я назначал его старшим, все делалось вовремя и как нельзя лучше, с немедленным докладом о выполнении. И после того как ефрейтор Чирков был демобилизован из рядов Вооруженных Сил, он, проживая в Москве, в течение двух лет писал мне письма. В одном из них он признался, что тогда, на бетонной дороге площадки 4Н, я сломал его упрямый характер, за что он благодарен мне. И еще он поведал мне, что мой авторитет среди солдатской массы после этого вырос неизмеримо. Я это чувствовал и сам по тому, как ко мне относились солдаты не только нашей пятой команды, но и других команд. По вечерам солдаты звонили на узел связи дивизиона и уточ-

няли, кто заступил дежурным по площадке. И если слышали в ответ от связистов, что дежурным по площадке заступил лейтенант Терновых, то по командам и на территории площадки становилось относительно спокойно, потому что солдаты знали, что я не любил особых разгуливаний по территории площадки в свободное время и тем более по казарме во время отбоя.

Таким образом, жизнь шла своим чередом, внося в наше бытие определенные коррективы.

9.7. Первый рапорт по поводу учёбы в ВВУЗе

К концу 1956 года я, чувствуя, что меня не утверждают на должность начальника стартового отделения, из-за моего средне-технического образования, подал рапорт командованию части с просьбой направить меня в следующем 1957 году на учебу в высшее военно-учебное заведение.

Командир части подполковник Тюрменко кратко написал на моем рапорте: «Молод!» Видимо, основой для такой резолюции послужило решение офицерского суда чести по моему поступку.

Ну что ж, молод, так молод! Я продолжал усердно трудиться. К концу 1956 года мне предложили место в офицерском общежитии. Я был поселен туда, где проживали офицеры нашего дивизиона и более того офицеры нашей команды Фокин, Михайлов, Борисов. К ним четвертым поселили меня. Предыдущий четвертый товарищ, живший до меня в этой комнате, перевелся в другое место для продолжения службы. Выехав из общежития, он оставил нам, редкую по тем временам радиолу, на которой мы позже крутили модные по тому времени пластинки. В общежитии мы были поселены в квартиру, состоящую из двух комнат с кухней и санузлом. В большой комнате мы проживали вчетвером, а в малой комнате размещался лейтенант Скидоненко Е. из четвертой команды нашего дивизиона и упоминавшийся выше старший лейтенант Швецов – начальник физической подготовки нашей родной войсковой части 31925. Это был тот самый Швецов, которого я едва не задушил при проведении борцовского приема в процессе моей неудавшейся тренировки на борцовском ковре.

Уголок, снимавшийся мною в домике у тети Тани Шелудько, я покинул со щемящим сердце чувством. Мне очень нравилась эта

измученная невзгодами пожилая женщина, которая относилась ко мне как мать заботливо и с участием. Она очень переживала, когда у меня образовалась неприятность в связи с выходом замуж Нины, в мои отношения с которой она была посвящена.

Мне было больно смотреть на их бедность и стремление как-то свести концы с концами. И когда я, приехав из отпуска, привез тете Тане в качестве подарка от моей мамы шерстяной отрез зеленого цвета ей на платье, она расплакалась, благодаря меня за подарок.

И, тем не менее, меня перевели в офицерское общежитие по улице Островского, в дом № 3. Поселили меня с теми, кто меня не так давно незаслуженно обидел. Я об этой обиде ни с кем не говорил. Мы уже вместе проработали достаточно времени, чтобы обиду эту помнить вслух. Внутри, конечно, осталось мучительное ощущение от той неприятной процедуры, которую мне пришлось пройти в связи с судом чести.

9.8. Короткое время отдыха

С переходом в общежитие жизнь моя потекла несколько по-другому. Раньше от дома тети Тани до КПП городка я ходил в болотных резиновых сапогах, потому что улицы села Капустин Яр имели обычные грунтовые глинистые дороги. И в непогоду, а особенно весной и осенью эти дороги представляли собою непролазную грязь, по которой в туфлях, ботинках, да и в офицерских сапогах было пройти невыносимо. А если и пройдешь, то очистить глину просто уже невозможно, так как надо идти к «вибростенду», садиться в него и ехать на службу.

Когда я теперь приезжал на «десятую» площадку, то шел либо в спортивный зал Дома офицеров, либо в библиотеку. Иногда я выбирался на танцы, но там я больше стоял и наблюдал за окружающими, чем танцевал. После Пензы меня танцы не очень интересовали. Иногда я выбирался на природу. Рыбачил на реке Ахтубе или в местной речушке Подстепке, а также в озерах, которыми изобилвала пойма реки. Надо сказать, что рыбы в тех местах тогда было очень много. Однажды офицеры нашей части откомандировали меня к рыбакам, хозяйство которых располагалось на реке Ахтубе, чтобы я купил для их семей хорошей рыбы. Снабдили они меня автомобилем и определенным количеством спирта, на который я без особого

труда выменял у рыбаков огромную рыбину — белугу. Мы ее с трудом погрузили в машину и, приехав в городок, отрубили от нее каждую, кто желал, круглый ломоть изрядного диаметра.

Запомнилась мне и озерная рыбалка. Познакомился я с пареньком казахом, проживавшим в нашем городке, так как его отец был директором средней школы. Звали паренька Слава. Так вот Слава пригласил меня поехать с ним на одно из озер в пойме реки Ахтубы с ночевкой. Он взял с собою небольшую сетку длиной метров двенадцать. Набрали мы с собой запас продуктов, взяли два полога (марлевая палатка для защиты от комаров), сели на велосипеды уже под вечер и покатали к озеру. Приехав к месту, мы, прежде всего, раскинули пологи. После этого Слава попросил помочь ему поставить сетку. Поставив первый колышек, к которому привязали один конец сетки, мы стали расправлять сетку в воде. Пока расправили метра три сетки, возле того колышка, что мы только что воткнули в дно озера, уже попалась какая-то рыба. Это мы определили по колебанию расправленного края сетки. Утром из этой маленькой сетки мы извлекли достаточное для нас количество рыбы. Это были окуни, красноперка, плотва и подлещики. Здесь же я попробовал ловить рыбу на удочку, используя в качестве наживки раковую шейку. Раков мы тут же доставали из нор в береге озера. На эту наживку великолепно клевал линь. Мы со Славой возвратились домой с уловом, часть его досталась мне, из которой я приготовил в общежитии прекрасную уху и угостил ею своих товарищей.

Я привел этот эпизод для того, чтобы показать, что рыбы в тех местах водилось довольно много.

За каких-нибудь сорок минут в реке Ахтубе «на живца», пойманного здесь же, можно было выловить пару-тройку приличных судачков.

Так я иногда снабжал холостяцкую братву-офицеров свежей рыбой. Это было весной и летом. Осенью по редким выходным дням случалось, что я выходил на охоту, приносил уток, а иногда степных курочек-стрепетов. Бывали в моей добыче и зайцы. Из добытой мною дичи мы готовили жаркое, которое особенно любил покушать старший лейтенант Швецов. Но это бывало редко. Обычно добытые на охоте трофеи, я отдавал дежурной по общежитию.

Дни рыбалки и охоты в моей жизни были редкими. В основном, наше время, наши мысли, наши руки поглощала работа. Работы было много. В конце апреля и начале мая четвертая команда нашего

дивизиона начала подготовку к работам по пуску новой стратегической ракеты Р-12 (8К63) на высококипящих компонентах топлива, разработанной в ОКБ-586 (гор. Днепропетровск) под руководством М.К.Янгеля. 15 мая 1957 года команда осуществила первый успешный пуск этой ракеты.

Я уже говорил о том, что часто оставался на площадке 4Н, не выезжая на «десятую» площадку. Оставаясь на площадке, я проводил время в казарме или в гостинице, а по вечерам часто выходил на бетонную дорогу и совершал длительные прогулки. Однажды, в конце августа, во время одной из таких прогулок я разговорился с представителем промышленности, который так же, как и я вышел из гостиницы «люкс» прогуляться. К моему удивлению, этот представитель промышленности оказался сыном Н.С. Хрущева. Мы познакомились. Звали его Сергей. Он сказал, что работает конструктором в одном из конструкторских бюро и приехал на полигон посмотреть конкретные практические работы с ракетной техникой. Меня это очень удивило.

Глава 10. ОФИЦЕРАМ-ХОЛОСТЯКАМ ПРИХОДИЛОСЬ ИСПЫТЫВАТЬ МНОГОЕ

10.1 Испытательная работа натошак

В сентябре 1958 года мне пришлось принять участие в подготовке к показу ракетной техники руководству страны во главе с Н.С. Хрущевым и высшему командному составу Вооруженных Сил. Из всего арсенала ракет в то время были на полигоне и проходили испытания ракеты средней дальности 8Ж38 (Р-2,) 8К51 (Р-5) и 8К63 (Р-12). Но кроме этого на полигон поездами со всей страны везли всё, что только можно было. На демонстрационной площадке были размещены самые разные образцы вооружения. Демонстрировались пушки, глубинные морские мины и, конечно первые образцы ракет. Личный состав полигона постоянно что-то убирал, что-то подправлял, подметал дороги, белил бордюры и был постоянно до невозможности загружен.

На стартовой площадке был установлен строгий порядок нахождения номеров боевого расчёта и его убытия строго по графику. Стартовую площадку оцепили вооружённой охраной. Раньше при пусках ракет такого никогда не было. Была введена жетонная система контроля за составом боевого расчёта, находившегося на стартовой площадке у ракеты, а также эвакуация номеров расчёта, отработавших свои операции по подготовке ракеты по определённой готовности.

На каждой стартовой площадке готовили к пуску по две ракеты — одна основная, а вторая — резервная (на непредвиденный случай).

Накануне приезда Н.С.Хрущёва на полигон прибыл Главный маршал артиллерии М.И.Неделин, чтобы проконтролировать ход подготовки выставки к показу. Прибыв на площадку 4Н в сопровождении начальника полигона генерал-лейтенанта Вознюка В.И., он обнаружил перед входом на площадку большущую лужу, которую было нелегко обойти. М. И. Неделин на полном серьёзе потребовал, чтобы ему принесли лопату, которую с большим трудом отыскали в хозяйстве командира роты охраны капитана Собакина. Потрудившись с лопатой возле лужи, М.И.Неделин вручил её капитану Собакину и молча пошёл к автомобилю. Территорию выставки

он осматривать не пошёл, уехал на местный аэродром и тут же вылетел в Москву. А с начальником полигона генерал - лейтенантом Вознюком В.И. тут же случился инфаркт.

Прибывшее руководство страны во главе с Н.С.Хрущёвым в течение трех дней находилось на полигоне. Надо было показать командующим округами, что на вооружении Советской Армии имеются уже ракеты, которых они в своём большинстве не видели. В качестве показа для них были проведены три пуска ракет Р- 5, Р-2 и Р-12. Демонстрация удалась. Пуски ракет проводились с интервалом в 20 минут. Я участвовал в пуске ракеты 8Ж38. Пуск произошёл в назначенное время.

В конце третьего дня в гарнизонном Доме офицеров был проведен разбор этого показа, на котором с длинной речью выступил Н.С. Хрущев. В своей речи он высказал мысль о том, что в будущей войне главную роль будет играть ракетно-ядерное оружие, в связи с его явным преимуществом над другими средствами поражения.

А мне, испытателю, отрабатывающему это оружие, часто не было смысла выезжать на «десятую» площадку. Наши работы по пуску ракет заканчивались, как правило, либо поздно вечером, либо ранним утром, что было связано с работой немецких кинофототеодолитов КТн - 41. Для их нормальной работы обязательным условием было совершенно чистое небо или на нем должны быть чистые, без облаков, «окна» и в крайнем случае допускалась небольшая облачность. Это позволяло делать более или менее приемлемые по качеству снимки ракеты на траектории полёта и производить засечку мест падения головной части ракеты с помощью приборов ТЗК или обычными артиллерийскими стереотрубами.

Точность определения места падения головной части и параметров полёта ракеты были, конечно, очень низкими. Приемлемые по качеству снимки получались только при безоблачном небе, когда хорошо был виден инверсионный след от работы двигателя. Поэтому пуски ракет и производились нами тогда, когда в районе стартовой площадки и районе падения головной части была хорошая видимость. А это большей частью совпадало с утренним или вечерним временем.

Так несовершенная техника измерений заставляла нас работать ночи напролёт, а в случае непогоды ожидать небесного просветления.

А каково было личному составу девятой команды нашего дивизи-

она. Надо сказать, что эта команда была наиболее многочисленной в дивизионе. Её личный состав был размещён на кинотеодолитных станциях («точках») вдоль трассы полёта ракет от Капустина Яра до Урала. Кинотеодолитные станции имели на вооружении упомянутые выше кинофототеодолиты КТн-41, приборы ТЗК и обычные артиллерийские стереотрубы. Каждая «точка» имела задачу сопровождения летящей по траектории ракеты с фиксацией параметров её полёта и засечки места падения её головной части. Поэтому номерам расчёта этой команды приходилось находиться в постоянной готовности к задействованию своей техники при наступившем просветлении небесной сферы для сопровождения взлетевшей ракеты. Офицеры этой команды месяцами не имели непосредственной связи с остальным контингентом дивизиона, а женатые со своими семьями, кроме телефонной.

В нашей практике очень часто бывали случаи, когда к моменту полной готовности ракеты к пуску, «окна» в небе пропадали, и всё вокруг затягивало облаками, тёмной тучей или снежной мглой. И тогда всем приходилось долго ждать появления пресловутых «окон». Эти ожидания просто выматывали нервы у всех, находившихся на стартовой площадке и тем более у номеров расчётов, дежуривших у кинотеодолитов.

Но самые утомительные и напряженные моменты возникали при выскакивании всякого рода «бобиков», непредсказуемых отказов приборов в системе управления ракеты, вероятность которых на первых порах была очень велика. На поиски этих «бобиков» терялось огромное количество времени. Время тянулось ужасно медленно, и при получении сообщений об их устранении и готовности к пуску все вздыхали с облегчением, и дальше все двигалось успешно. В случае, если «бобик» был серьезным и требовал каких-то доработок, следовала операция слива компонентов топлива из баков ракеты.

Операция не из приятных!

Но вот работа заканчивается, так или иначе, и ты едешь поздно вечером в «вибростенде» на «десятую» площадку все шестьдесят километров (а едешь в большинстве случаев стоя) более часа. А магазины в городке и единственная столовая «Шестёрка» уже давно закрыты. Купить что-либо съестное уже невозможно. В общезитии начинается процесс хождения в поисках куска хлеба в комнатах холостяков. Нашел кусок хлеба — хорошо, немного пожуешь. Ну а если

не нашел ничего, то ложишься спать натошак: и без обеда, и без ужина. А завтра рано утром, тоже без завтрака надо ехать на работу. Приехав на площадку 4Н, в столовой можешь не успеть позавтракать. Ну а в обед солдатам привезут на стартовую площадку обед, а тебе - офицер поест где-нибудь, так как на стартовой площадке нет ни столовой, ни простенького буфета.

И такая ситуация остаться голодным случалась с нами, холостяками, очень часто.

Мы уже потихоньку начинали роптать. Но нам, в конце концов, фортуна улыбнулась.

10.2. Встреча с С.П.Королёвым

Успев позавтракать как-то утром в столовой площадки 4Н, мы, группа холостяков из четырёх человек, стояли у входа в столовую, ожидая когда выйдут остальные офицеры, чтобы вместе ехать на стартовую площадку. Вдруг из гостиницы «люкс» вышла группа гражданских лиц и направилась к столовой.

Подойдя к столовой, эта группа приостановилась, от нее отделился невысокого роста, коренастый мужчина с приятным мужественным лицом и направился к нам. Кто-то из остальных трех, стоявших рядом со мной, тихо произнес: «Королев!»

Признаться, я до сих пор Королева не видел, хотя шел разговор о том, что он уже не однажды приезжал к нам на полигон.

Подойдя к нам, Сергей Павлович поздоровался с каждым из нас и спросил: «Ну, молодежь, как дела?» Мы почти хором ответили что-то типа: «Да ничего, все нормально!»

«А как, ребята, не здорово угнетает вас та работа, которой вы загружены?» – снова спросил он.

Мы опять дружно ответили, что все нормально, холодновато только зимой.

«Да, холодно зимой, – сказал он, – а вот летом будет невыносимо жарко, да плюс комары и мошка будут досаждают. Но, что поделаешь, Родине нужен наш труд. И во имя Родины приходится терпеть всё». Мы дружно закивали ему, соглашаясь с его словами.

«А как кормят вас здесь?» – вдруг спросил он, глядя на меня. Я несколько смутился, а потом думаю: была, не была – взял и изложил ему всё о мытарствах холостяков в смысле кормежки, когда идет

работа на старте, когда она поздно заканчивается, и когда приезжаем в жилой городок после работы. Он внимательно выслушал и сказал: «Так, понятно, я предполагал, что дело обстоит приблизительно таким образом. Подумаем, что можно сделать в этом направлении», - потом добавил: «Не падать духом, молодежь! Безвыходных положений не бывает! Мы это исправим!» – и пошел к группе гражданских лиц, которые стояли, дожидаясь его у входа в столовую.

В этот же день, во время обеда на стартовую площадку привезли чай, кофе, булочки, печенье, сахар, конфеты, колбасу и прочее. Холостяки были спасены. Да и многие женатые офицеры, а так же представители промышленности обедали здесь, в этом импровизированном буфете. Позже нашли и постоянное место для буфета. Работа буфета была узаконена, и его торговый ассортимент постоянно стал совершенствоваться. А нам офицерам-холостякам стало значительно легче. Мы не раз, правда, заочно, говорили своё «спасибо» С.П. Королеву за внимание и заботу о нас.

Осенью прибыли на службу в нашу часть молодые лейтенанты из Ростовского высшего инженерного училища. Среди них были лейтенанты Разживин, Деньга, Скидоненко, Кузнецов, Тамкович, пришедшие в наш дивизион. Лейтенант Кузнецов был назначен на должность начальника стартового отделения, а Разживин в подчинение к капитану Сергееву. Лейтенанты Деньга, Скидоненко и Тамкович были направлены в четвертую команду.

Зима 1957 года была очень тяжелая. Декабрь, январь и часть февраля стояла свирепая стужа, постоянно мели метели и крутились бураны. Морозы достигали тридцати пяти градусов по Цельсию. В таких условиях приходилось выполнять задачи, стоящие перед нами.

10.3. Биологические исследования

Мы по-прежнему продолжали биологические исследовательские пуски, проводили летные испытания ракет. Биологические исследования, как отмечалось выше, начались на полигоне еще в 1951 году, когда впервые были запущены сразу две собаки: Дезик и Цыган. Это событие произошло 22 июня. Собаки были запущены на высоту около ста километров. Их полет длился несколько минут. Приземлились они живыми на парашюте недалеко от стартовой площадки.

В этот день была решена судьба пилотируемой космонавтики!

Впоследствии Дезик был запущен вторично в паре с другой собакой. Но они погибли из-за неисправности парашютной системы.

В процессе последующих запусков при моем участии бывали случаи неполадок и подопытные биологические объекты погибали. Чтобы позже состоялся знаменитый полет собачек Белка и Стрелка, было загублено восемнадцать собачьих жизней. Всего с июля 1951 года по сентябрь 1962 года состоялось двадцать девять собачьих полетов на высоте 100-150 километров. Всех интересовал вопрос: как живое существо перенесет полет на ракете? Поэтому в качестве подопытных животных взяли собак. 25 марта 1962 года нормально стартовала в космос и затем приземлилась последняя собака-космонавт Звездочка. Собаки свое отработали.

До старта человека в космос оставалось 18 дней!

Наряду с собаками в биологических экспериментах были использованы крысы, мыши, морские свинки, какие-то мухи и другая мелочь. В экспериментах участвовали семена злаков и ряда растений. Над всем этим колдовали маститые ученые. А наша задача заключалась в своевременной и четкой подготовке и проверке технологического оборудования, системы управления ракеты и точно в назначенное время провести пуск ракеты.

Я как-то спросил одного из ученых, который постоянно возился со своими биологическими объектами, зачем мы пускаем на ракете все это хозяйство, с какой целью. Он внимательно выслушал, посмотрел на меня и сказал: «Молодой человек, уже известно, что со временем человечество не останется на Земле, постепенно оно завоеует околоземное и околосолнечное пространство и двинется дальше в просторы Вселенной.

Но пути движения человечества в Космос неизвестны, так как неизвестен сам Космос. Что там ждет человека? Неизвестно. И вот мы с вами начинаем делать первые шаги в изучении космического пространства, прокладываем сейчас узенькую тропиночку в Космос. Будьте уверены, что вслед за этими собаками, крысами и мышами двинется в неизведанное человек и со временем образуется широкая дорога в Космос.

Кстати, вы сами не желали бы в ближайшем будущем слетать, скажем, вокруг земного шара?»

Я вначале принял его слова в качестве шутки, потому и ответил шутя: «Почему же, охотно полетел бы. Да только на такой ракете

места еще нет для человека и надежность ее еще недостаточно велика. А впрочем, если и погибну в процессе полета, то по мне кроме матери плакать некому, поэтому полетел бы».

Вот этот небольшой диалог очень четко определил весь смысл работ с биологическими объектами. Вначале я не придавал особого значения смыслу сказанного ученым. Но со временем мысль о тропинке, которую мы прокладываем в Космос, о будущих полетах человека в Космос постоянно преследовала меня, пока в Космос не слетал Ю.А. Гагарин.

10.4. Жидкие БРВ

Основной работой в 1957 году наряду с пусками ракет Р-1 и Р-2 и их модификаций, была дальнейшая отработка ракеты Р-5М. Если головная часть ракеты Р-2 в отдельных эпизодах нашей работы заполнялась порошкообразными боевыми радиоактивными веществами (БРВ), то теперь, отрабатывая тематику максимального поражения вероятного противника, конструкторы разработали вариант заполнения головной части ракеты Р-5М жидкими БРВ.

С этой целью на стартовой площадке «4Н — правой», была проведена триангуляционная привязка небольшого куса бетонной дороги, которую строители в скором времени изготовили. Этот кусок дороги располагался в непосредственной близости от пускового стола, на который я со своим отделением установил ракету Р-5М.

На бетонную дорогу, проложенную возле пускового стола, заезжал тягач ЗИС, имевший вместо кузова на себе танковую башню, снабженную перископом и манипулятором. В башню же было выведено дублированное рулевое управление автомобилем.

Позади тягача, на прицепе, размещалась подвезенная тягачом тяжеленная цистерна с жидким БРВ. Тяжеленной она была потому, что внутри была выстлана слоем свинца. Весь этот поезд управлялся одним человеком из кабины автомобиля. Въехав на кусок бетонной дороги и, сориентировав поезд относительно ракеты, водитель, не заглушая двигателя, выходил из кабины автомобиля и занимал место в танковой башне. Ведя наблюдение в перископ, он включал манипулятор, затем поворачивал танковую башню так, чтобы видеть в перископ цистерну. Подведя манипулятор к цистерне, он брал им разъем, которым оканчивался заправочный шланг, подсоединенный к цистерне, и поворотом башни с манипулятором подносил этот

разъем к ответной части на трубопроводе, проложенном вдоль корпуса ракеты и идущим к ее головной части, затем стыковал шланг к трубопроводу. Далее водитель подводил манипулятор к вентилям на цистерне, открывал их, и содержимое цистерны выдавливалось в головную часть ракеты сжатым газом, подаваемым в цистерну из газовых баллонов, расположенных на цистерне.

Но прежде чем наполнить головную часть, все операции с подъездом к ракете и управлением манипулятором многократно повторялись. Тот человек, который должен был заправить головную часть жидким БРВ, долго и упорно тренировался. Что-то у него на первых порах не получалось, и коллектив представителей промышленности, присутствовавший на стартовой площадке, «колдовали» над манипулятором и другими приборами управления и вносили какие-то коррективы. В конце концов, заправка головной части была проведена. К тому времени я был переведен к новому месту службы и заправка головной части проводилась в мое отсутствие. Но в какой-то момент проводившегося процесса был допущен пролив БРВ. Произошел облив борта ракеты, пускового стола, частично установщика ракеты. Была облита и подстольная плита. После этого работы с жидким БРВ были прекращены. А мне через некоторое время пришлось возвращаться к облитой ракете и снимать ее с пускового стола. Но об этом ниже.

10.5. Служба в девятой команде – тяжелейшая повинность!

Много факторов влияло на нашу интересную испытательную работу, порою превращая её в тяжелейшую повинность. Нам, перемещавшимся между «десятой» площадкой и стартовой площадкой приходилось испытывать определённые трудности в работе, быту, в нашей неустроенности. Я снова хочу сказать о том, каково было личному составу девятой команды нашего дивизиона, который проходил службу на «точках». Офицеры этой команды жили на «точках» в землянках или в палатках и «избушках», вдалеке от семей, кто был женат, от центров цивилизации, порою даже не имея возможности переписки с родными и близкими.

На нашу практическую деятельность накладывал отпечаток и строжайший режим секретности. Несмотря на то, что наш Государственный центральный полигон располагался на расстоянии 90-100

километров от Сталинграда, место же его дислокации имело шифр «Москва-400». И мы все без исключения обязаны были пользоваться этим шифром при переписке.

Начальнику девятой команды капитану Вязовову приходилось неделями находиться в пути, объезжая участки расположения своих подчинённых, решая различные служебные и житейские вопросы, а порой и сугубо личного поведения отдельных офицеров.

Не сладко служилось и ему, и его подчинённым.

Очень многое зависело и от прогноза погоды, от того, как её преподносили нам наши полигонные метеорологи, которых местные острословы называли «ветродуями». Среди них наиболее правдивые прогнозы погоды выдавал метеоролог Я.М.Метелица.

Из-за несовершенства техники и даже от качества прогноза погоды, преподносимого нашими полигонными метеорологами (местные острословы называли их «ветродуями») им особенно трудно было определять и тем более находить место падения головной части ракеты. Поэтому командованию полигона часто приходилось выделять специальные расчеты людей и машины для оказания им помощи в поисках места падения головной части.

В результате одного из таких поисков зимой 1956 года на реке Сагиз, в районе города Макат Гурьевской области погибли четыре наших человека, провалившись под лед реки на артиллерийском тяжелом тягаче.

В конце 1957 года мне пришлось навестить одну из «точек», на которой располагались несколько офицеров и солдат девятой команды. Мы должны были отвезти на эту «точку» продукты, белье, бензин, дизтопливо и другое имущество. Снаряжая нас в дорогу, командование части снабдило нас каким-то образом доставшейся ему лицензией на отстрел сайгаков. В соответствии с лицензией мы должны были на обратном пути отстрелять и привезти для солдатского котла несколько сайгаков. Собрались мы в путь где-то в первой декаде декабря.

Глава 11. ДОСТАВКА НЕОБХОДИМЫХ СРЕДСТВ НА «ТОЧКУ» 90-Й КОМАНДЫ

11.1. Проводник Ураз. Город Урда

Все имущество было погружено на две грузовые машины ЗИС-150 и ГАЗ-63, а впереди этих двух машин следовала легковая машина ГАЗ-67.

Возглавлял нашу экспедицию помощник начальника штаба нашего дивизиона майор Скляр. Из других участников нашей экспедиции помню старшину сверхсрочной службы Комарова. Фамилии остальных запомнил. Выехали мы с десятой площадки сразу после обеда, проехали озеро Баткуль и к вечеру прибыли в поселок Сайхин, который одновременно является и железнодорожной станцией. В Сайхине к нам в машины попросились попутчики, которые добирались до районного центра Урда.

По преданию районный центр Урда имел название от старинного татаро-монгольского города Орда, который был основан ханом Батыем и имел в свое время большое значение как торговый центр и как столица татаро-монгольского государства того времени. Но со временем, с потерей татаро-монгольского влияния на завоеванное пространство город захирел и превратился в конце концов в один из многочисленных подобного рода рядовых районных центров Казахской ССР.

Пока мы следовали от Сайхина до Урды, наши попутчики рассказали мне многое из истории этого города. Очень подробно рассказывал о городе постоянный житель этого города казах Ураз. Познакомившись с ним поближе, я узнал, что Ураз работает в одной из организаций города Урды бухгалтером, что в городе у него свой дом и что сейчас он находится в отпуске, и в связи с отпуском ездил в Сайхин навестить своих родственников. Мы с майором Скляром уговорили его быть нашим проводником при нашей поездке от Урды до места назначения, так как в бескрайней казахской степи мы ориентировались плохо, а карты, которые нам выдали в штабе, не соответствовали действительности. В степи оказалось столько дорог, не указанных на карте, что мы порою не могли определиться, по какой же из них следует ехать.

Нужен был проводник.

Вначале Ураз отказывался, а затем поддался на наши уговоры и согласился. Под вечер следующего дня мы прибыли в город Урду. Я представлял себе, что этот город состоит из прямых улиц, застроенных кирпичными домами, с посаженными вдоль улиц деревьями и кустарниками. Каково же было мое удивление, когда нашим взорам представился городишко, пустынные улицы которого были занесены снегом и обозначались преимущественно глинобитными избушками. Лишь кое-где виднелись дома, которые соответствовали виду не городских, а деревенских домов, скажем Воронежской или Курской областей.

Ураз пригласил нас к себе в дом, и мы на трех машинах вскоре подкатили к его вполне приличному деревянному дому. Территория вокруг его дома была очерчена забором из плетня, что меня очень удивило, потому что на протяжении всей дороги, которую мы проехали до Урды, нам не встретились ни кусты, ни тем более деревья. На мой вопрос, откуда Ураз привозил материал для плетня, он ответил, что ездит за хворостом в барханы. Этот ответ меня в свою очередь удивил, потому что из школьных учебников я знал, что барханы — это возвышения из песка, часто перемещающиеся по поверхности земли под действием ветра.

Во дворе дома Ураза я обнаружил две незамысловатых глинобитных постройки, в одной из которых находился верблюд. Значит, оно служило помещением для верблюда. Верблюд, свысока поглядывая на нас, жуя свою нескончаемую жвачку.

Второе помещение предназначалось для размещения корма для верблюда и топлива. Топливом являлся вышеупомянутый хворост, который Ураз привозил из бархан на верблюде. С этой целью у Ураза во дворе размещались телега, занесенная снегом, и небольшие сани.

Во дворе нас встретила жена Ураза. Это была невысокого роста, миловидная женщина-казашка. Она очень хорошо, почти без акцента говорила по-русски. Как оказалось потом, она работала в местной школе преподавателем математики в начальных классах.

Внутри дома нас встретила еще одна, пожилая женщина, которая оказалась матерью Ураза.

Кроме нее в доме присутствовал трехлетний малыш — сын Ураза.

Внутри дом состоял из четырех комнат. Две комнаты были небольшие, а две другие несколько больших размеров. В центре дома, от пола до потолка стояла круглая, одетая в железо печка, которая

определённой своей частью выходила в каждую комнату обогревая их. Меня очень удивило отсутствие какой-либо мебели во всех комнатах. Я спросил Ураза, почему в таком чистом и аккуратном изнутри доме нет мебели. Он молча кивнул в сторону матери и тихо произнес: «Старые не позволяют, таков их закон! Вот уйдет она в мир иной, и мы с женой приобретем себе необходимую мебель».

Ужинали мы на чисто вымытом деревянном полу, разместившись на постеленном красивом ковре, который в свою очередь был накрыт белоснежной скатертью — дастарханом, и каждому из нас Ураз принес из соседней комнаты и положил под левую руку подушку.

На ночлег нам отвели дальнюю комнату, в которой, возле одной из стен от пола и почти до потолка были сложены одеяла и подушки, а вдоль другой стены стояли свернутые в рулоны ковры и лежали матрацы и перины.

Я опять не утерпел и спросил Ураза, зачем им столько этих постельных принадлежностей. Ураз, не задумываясь, сказал, что их обычаи отличаются от обычаев русских тем, что в случае появления гостя, они делают всё, чтобы гость остался доволен хозяевами. А у русских, по его мнению, даже иногда гостя уложить на ночлег негде и одеть (в смысле постели) нечем.

На пол для ночлега нам постелили небольшой толщины перины и укрыли теплыми, по-моему, пуховыми одеялами. Спали мы, блаженствуя в тепле и уюте.

Утром проснулись рано, умылись, позавтракали и тронулись в путь. Минут через сорок дорога привела нас к тем барханам, куда Ураз со своим верблюдом частенько навещает за хворостом. Барханы оказались невысокими холмами, засыпанными снегом, на которых кое-где торчали ветви кустарника. Ураз сказал, что кустарник здесь нещадно вырубается, потому что с топливом в Урде очень большие трудности. Основным видом топлива является кизяк и этот кустарник.

11.2. Кошара. «Точка» - пункт назначения

Наша дорога пролегла по кромке барханов. Они у нас постоянно оставались с левой стороны, а справа вскоре появились огромные заросли камыша. Камыш достигал высоты около двух-трех метров. Заросли камыша прерывались открытыми гладкими полями — со-

лончаками. Ураз отметил, что в этих камышах водятся дикие кабаны и пригласил меня приехать к нему во время отпуска, чтобы вместе поохотиться на кабанов. Я поблагодарил его за приглашение и сказал, что вероятнее всего не смогу приехать из-за болезни матери.

Ураз выразил сожаление о том, что я ему сказал, и, помолчав немного, рассказал, как они здесь охотятся на сайгаков. Сайгаки в открытой степи развивают большую скорость, и за ними на коне не угнаться, и подойти на расстояние выстрела практически невозможно. Но человеческая мысль работает постоянно, и местные охотники придумали, как добывать сайгаков. То место, по которому мы сейчас ехали, представляло собою узкую полосу метров в пятьдесят между барханами и стеною камыша. Казахи на охоту собирались группой в пять-шесть человек. Не менее двух человек должны быть на конях. Их задача, обнаружив сайгаков, гнать стадо в эту горловину, остальные казахи распределялись по номерам с охотничьими ружьями и замаскировавшись залегали в ожидании стада. Оказывается сайгаки, попав в этот коридор, бежали только по этому коридору, не сворачивая ни влево, в барханы, ни вправо — в камыши, так как в барханах и в камышах обитали их злейшие враги — волки. Загнанное в этот коридор стадо, встречали ружейным огнем залегшие охотники. И что удивительно, выстрелы из ружей не останавливали стадо. Оно продолжало свое стремительное движение вперед несмотря ни на что. И охотники всегда возвращались с добычей.

После барханов и камышовых зарослей дорога вывела нас на привычный ровный степной пейзаж. С правой стороны мы увидели небольшое стадо бегущих сайгаков. Мы обратили внимание, что стадо бежит параллельно с нашим движением по дороге. Ураз объяснил нам, что стадо обязательно пересечет нашу дорогу, как только в своем движении обгонит наши машины.

И действительно, как только стадо, ведомое крупным самцом-рогале, обогнало нас в своем параллельном движении с нами метров на сто, вожак повернул стадо под некоторым углом к нашему движению и повел его через дорогу. Когда последний сайгак этого стада перебежал дорогу, наша передовая машина была от него метрах в тридцати. Ураз сказал, что по непонятной причине стадо сайгаков ведет себя именно так по отношению к идущей по дороге автомашине и это губит их, так как браконьеры пользуются этим поведением сайгаков и бьют их прямо с автомобиля.

Надо сказать, что сайгаки бегут очень красиво, низко пригнув голову и как бы распластываясь над поверхностью земли.

Поздно вечером в свет фар передней машины попался раненый сайгак, который вставал, делал несколько шагов, волоча правую заднюю ногу, и падал. Мы остановились метрах в пятидесяти от него и, посоветовавшись, решили прекратить его мучения. Выстрелом из карабина майор Скляр оборвал его жизнь. Выпустив внутренности и отделив голову от туловища сайгака, мы принесли его тушку к грузовой машине и подняли на борт. Осветив еще раз место, где только что лежала тушка сайгака, мы увидели, что внутренностями уже завладели и пируют над ними два корсака (степные лисицы, небольших размеров). Ураз сказал, что корсаков в степи довольно много и что эти два, вероятно, шли вслед за раненым сайгаком, дожидаясь, когда он окончательно упадет.

По пути к месту назначения мы еще дважды встречали небольшие группки сайгаков, которые быстро уходили в сторону. Среди ночи мы остановились. Было несколько дорог, и даже Ураз засомневался, по какой же из них нужно нам ехать. Небо было затянуто тучами, и сквозь них не было видно ни одной звезды. Ураз молча отошел от наших машин, походил взад-вперед и решительно направился к нам. «Едем вот по этой дороге, — сказал он, — она приведет нас к кошаре, где мы немного передохнем, а утром двинемся дальше в путь».

Каким образом он определил, что нам нужно ехать именно по этой дороге, для нас осталось загадкой. Через некоторое время мы увидели перед собой две глинобитные избушки и загородку из хвороста, в которой располагалось стадо овец. Это действительно была казахская кошара. Неподалеку от нее паслись два верблюда и стреноженная лошадь. Как они отыскивали свой корм из-под снега, не знаю, но то, что они паслись рядом с кошарой, это было точным.

Несмотря на ночной час, хозяева кошары встретили нас радушно. В глинобитной избушке с низким потолком, сплетенным из хвороста и обмазанным глиной, находились преклонных лет старик со старушкой, женщина средних лет и ее муж. Посредине этой избушки располагался домашний очаг, в котором еще тлели остатки не до конца сгоревшего кизяка. У противоположной к входу в избушку стены была расстелена кошма, и на ней вповалку лежали четверо малышей. Избушка едва освещалась керосиновой лампой.

Молодая женщина разожгла очаг и поставила на него довольно

обширную бадью, наполнив ее водой, и занялась приготовлением какой-то еды. Ее муж перевел нас во вторую избушку и стал расспрашивать нашего проводника о том, куда мы едем и откуда. Наш проводник Ураз по-казахски объяснил ему, что мы военные и что мы едем в сторону Урала. Повидимому, хозяин кошары удовлетворился объяснениями Ураза.

В избушке, в которую нас перевели, в углу на импровизированной постели спал молодой парень-казах. Это был сын того казаха, который привел нас в эту избушку. Оказалось, что парень только день назад вернулся к своим родным, отслужив три года в армии. На стене избушки висела его шинель, у стены стояли армейские сапоги.

Вскоре в нашу избушку принесли и расстелили на полу кошму, а на нее расстелили клеенку.

Мы достали свои запасы, состоявшие из консервов, хлеба, сала и спирта, и разместили их на клеенке. Проснувшийся от нашего вторжения парень с отцом принесли таз с дымящейся в ней бараниной, и ночь встречи «нечаянных друзей» началась.

Во главе нашего застолья восседал старый казах. Придя в нашу избушку, он принес с собою какой-то холщовый мешочек и, сев на кошму, скрестил свои ноги и положил на них этот мешочек. Парень принес большой металлический и маленький фарфоровый чайники, а пожилая женщина противень с раскаленными углями. Поставив противень на глинянный пол, она установила на угли большой чайник, а маленький поставила рядом вне углей.

Когда мы все уселись по краю кошмы, старик засунул руку в мешочек и достал из него горсть каких-то желтых шариков и бросил их на клеенку в сторону майора Скляра, а затем последовали очередные горсти старика с этими шариками, которые были брошены под каждого из нас. Меня разобрало любопытство и вопрос: что же это такое? Я взял один из шариков, брошенных ко мне. Рассматривать его было неудобно. Я увидел как майор Скляр и старшина Комаров отправили по одному шарик в рот и сосредоточенно начали двигать челюстями. В свою очередь я решил проверить вкусовые качества того шарика, который держал в своей руке и, открыв рот, положил его на язык. К своему удивлению, я ощутил во рту присутствие волоса и солености, исходившую от шарика, сопровождавшуюся неприятным вкусом. Мне тут же захотелось выплюнуть этот желтенький шарик. Но по правилам этикета этого делать было нельзя, так как этим я мог обидеть хозяев кошары, оказавшим нам свое гос-

теприимство. Подержав шарик во рту, я незаметным движением руки по губам извлек злополучный шарик изо рта, а потом тихонько засунул под кошму.

Позже я спросил у нашего старшины, что за гадость была предоставлена нам в этих шариках, да еще с шерстью. Старшина объяснил мне, что казахи, загнав в кошару овец после пастбища, доят тех из них, у которых есть маленькие ягнята. Из полученного молока овец они затем делают массу подобную сыру и сушат эту массу на солнце, предварительно оформив её в виде шариков. Поскольку вымя овцы они не обмывают, то в молоко, а потом и в шарики попадают мусор и шерсть овцы. Но, тем не менее, ужин или ночь встречи под стаканчик разведенного спирта прошли удачно. Старик тоже выпил с нами маленький стаканчик и затем принялся за разделку принесенной в тазу вареной баранины. В знак почтения к нашему старшему, майору Склярю, старик подал ему сваренную голову барана. Скляр поблагодарил его, но голову так и не начал есть, предпочитая консервированное мясо. Остальное мясо старик отделял от костей и кости складывал рядом на пол, а мясо оставлял в тазу. После разделывания таз с мясом был подвинут на середину клеенки, и мы приступили к основной трапезе. При этом женщины в нашей трапезе участия не принимали. Они либо приносили что-то, либо поддерживали тлеющий на противне огонь, подогревая чайник.

Пужинав и попив чаю, мы улеглись на полу, на расстеленной кошме и быстро уснули.

Утром я проснулся от того, что кто-то уже встал и двигался, создавая негромкий шум. Оказалось, что встал сын наших гостеприимных хозяев. Он, по армейской привычке, встал рано и занялся подготовкой к физической зарядке. Его движения и разбудили меня. Увидев, что нечаянно разбудил меня, он заторопился к выходу. Я встал и последовал за ним. Он, не обращая на меня внимания, направился к коню, пасшемуся недалеко от избушки. Подойдя к коню, он набросил на него уздечку, снял с передних ног путы и, заученным движением, вскочил на круп коня без седла и, ударив по его бокам ногами, обутыми в армейские сапоги, направил бег коня вглубь бесконечной степи. В моем сознании замелькали лавины кочевых орд Чингиз Хана и Хана Батыя, которые, вероятно, состояли из далеких предков этого, уже в какой-то степени окультуренного парня. Но связь времен осталась. Она сказалась в действиях этого парня, возвратившегося из одного века в другой, в свой уклад жизни, далекий

еще от того движения вперед, которое делала страна в целом в это время. Проскакав какое-то расстояние, парень повернул коня к избушкам и, подскакав, резво соскочил с коня, мигом стреножил его и, сняв уздечку, подошел ко мне. «Соскучился я по всему этому», — произнес он и пошел в избушку.

Я прекрасно понимал его состояние. Быть целых три года в отрыве от того, что ты с малых детских лет впитывал с молоком матери, где рос и развивался в родных тебе условиях, пусть и в какой-то степи худших, чем те, в которых ты был три года, но привычных тебе. Я очень понимал этого парня, понимал и сочувствовал ему. Как-то дальше сложится его судьба в этой степи!

Умывшись, позавтракав, мы поблагодарили хозяев за их доброе отношение к нам и тронулись в путь. Дальнейшее наше движение по степи прошло без происшествий. По пути мы снова встречали стада сайгаков и, пользуясь тем, что имеем на руках лицензию, произвели отстрел пяти сайгаков. К вечеру мы, наконец, добрались до «точки». Так называлось место дислокации наших офицеров — измерителей траекторий полета, пускаемых нами ракет.

Местом дислокации была та же необозримая степь, в которой стояли несколько специальных машин с кузовами типа «Кунг». В этих кузовах была смонтирована необходимая аппаратура. А основной достопримечательностью «точки» было маленькое строение, в котором размещался кинотеодолит КТн-41, и рядом с ним на боковых растяжках возвышалась радиантенна.

К моему удивлению, рядом с военной «точкой» располагались четыре глинобитные избушки.

В одной из них помещался медицинский пункт, обслуживавший разбросанных по степи пастухов овечьих отар, которые имели в степи такие же кошары и одну или две глинобитные избушки, как та, в которой мы переночевали ночь. Этот же медицинский пункт обслуживал и наших военных на «точке».

Одну из избушек занимали наши ребята. Две другие избушки занимали пастухи-казахи, пасшие отары овец.

Медицинский пункт возглавляла в единственном числе находившаяся в нем выпускница медицинского учебного заведения, медицинская сестра прошлогоднего выпуска. Симпатичная, милая девушка. Я невольно подумал: «Милая красавица, как же судьба забросила тебя в такую бескрайнюю степь, где вокруг на сотни километров нет никого, где вся твоя краса, все твои знания почти никому

не нужны, если, вдруг, одному из этих наших офицеров ты не приглянешься по-настоящему, что же с тобой станется потом!»

Действительно мне было очень жаль эту симпатичную девушку.

Передав все то, что мы привезли для этой «точки», которой командовал старший лейтенант нашей девятой команды, мы подарили им трех отстрелянных нами сайгаков и в ночь мы выехали в обратный путь, так как поджимало время, и мы должны были уложиться в определенный отведенный срок.

Особых приключений на обратном пути у нас не было. Имея лицензию, мы должны были отстрелять определенное количество сайгаков и привезти их для солдатских котлов к наступавшему Новому году.

11.3. Обратный путь. Сайгаки. Такыр

Следуя ночью обратным путем, мы взобрались на один из холмов, и перед нами вдруг возник целый город огней, которые перемещались в пространстве с одного места на другое. Великолепное зрелище! Оказалось, что перед нами в низине находилось огромное стадо сайгаков. Их было очень много. Под светом фар наших машин их глаза фосфоресцировали, а поскольку сайгаки перебежали с места на место, создавалось впечатление, что перед нами огромный город со своими огнями. Стадо под действием света фар вело себя беспокойно и, в конце концов, управляемое вожаками (рогалями) оно ринулось бежать. Из этого стада нам пришлось добыть десятка полтора сайгаков, которых мы затем привезли в гарнизон для солдат. Тогда я добыл рога самца-рогаля, которые хранятся у меня до сих пор.

При дальнейшем следовании мы одной машиной залетели в такыр. Это солончак, на поверхности которого нет никакой растительности. Поэтому создается впечатление того, что перед вами большое мелководное озеро, поверхность которого замерзла и выдержит большие нагрузки. Однако, когда наша передовая машина влетела на эту гладкую поверхность, она тут же стала погружаться колесами, пока не легла задним мостом на эту гладкую поверхность.

Это называлось одним словом: «Приехали!» Все наши попытки извлечь машину из плена не увенчались успехом. Мы провозились вокруг машины до утра, но так и не смогли вызволить машину из этой липкой трясины.

Утром Ураз сказал, что он сейчас поедет на нашей легковой машине и постарается привести сюда трактор. Только с помощью трактора мы сможем извлечь нашу машину. Мы с недоумением переглянулись и потом задали Уразу вопрос: «Откуда же возьмется здесь в этой глуши трактор, когда вокруг на десятки километров нет ни одной живой души?» Ураз ухмыльнулся, сел в машину, и солдат-шофер повез его куда-то в сторону от нашей дороги. Мы долго ждали его возвращения, совершенно не надеясь, что в этой безлюдной степи что-то можно найти, а тем более трактор. Однако во второй половине дня мы услышали отдаленный шум мотора, и каково было наше удивление, когда вслед за показавшейся на горизонте нашей машиной двигался трактор, и не какой-нибудь, а гусеничный. Ай да Ураз! Это наш ангел-хранитель! Оказывается, Ураз знал, что где-то в этой округе располагается бригада геологов со своим оборудованием.

Вот этих геологов и нашел Ураз и выпросил у них трактор для оказания помощи нам. С помощью трактора мы вытащили увязшую в такыре машину, расплатились с трактористом определенным количеством спирта и двинулись дальше в путь. До Урды, а затем и до Капустина Яра мы добрались без приключений. В Урде мы расстались с Уразом, сердечно поблагодарили его и попрощались с этим добрым, умным человеком. Он еще раз пригласил меня приехать к нему в период отпуска, но судьба не позволила мне навестить этого прекрасного человека.

Глава 12. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ

12.1. Служба ракетного вооружения.

Подполковник Д.Г. Михальчук

По прибытии на полигон, мы снова включились в ритм его жизни. Снова для нас явью был «вибростенд», ночные и дневные бдения возле готовящейся нами к пуску ракеты с какими-то новшествами и частыми «бобами», которые отыскивали и устраняли порою в течение многих часов, несмотря на морозы, снег, недоедания и недосыпания.

Правда, для меня еще в августе этого года произошли изменения в служебном положении. Я уже говорил выше, что осенью 1956 года начальником стартового отделения вместо Кириченко и меня стал прибывший из Ростовского училища лейтенант Кузнецов. Это был грамотный в теоретическом отношении офицер, но в работе с техникой, а тем более с личным составом он «хромал на обе ноги». Но, тем не менее, я был отдан приказом по части к нему в отделение как техник по наведению ракеты на цель.

Фактически всей воспитательной работой с отделением и работой отделения на технике при подготовке к пуску и после пуска ракеты заниматься приходилось мне. Я работал за двоих, а Кузнецов мило улыбался и говорил, что у него еще нет должного опыта. И денежное содержание он получал большее, чем я. Так продолжалось до лета следующего года. Я негодовал и стал открыто выговаривать Кузнецову: «Ты — начальник отделения! Так решай же задачи, стоящие перед отделением как начальник! Хватит прятаться за меня! Если будет в этом необходимость, я всегда приду тебе на помощь и словом и делом!»

С этого момента Кузнецов стал как-то больше вникать в те вопросы, которые возникали перед нашим отделением. И мне стало немного легче.

Однажды в выходной день мы, холостяки: я, Фокин, Борисов и Михайлов решили прогуляться в село Капустин Яр. По пути мы зашли на местный рынок, который располагался недалеко от КПП. Зай-

дя на рынок, мы были буквально загипнотизированы энергичным призывом уже немолодого грузина, который громогласно приглашал всех желающих отведать грузинского вина. «Заходы, дарагой, ест грузинский бинаградный бино на лду!» Ну как тут не отведать «бина на лду!». Мы, конечно, отведали по стаканчику «бина», но оно нам ужасно не понравилось, так как было теплым и не вкусным.

Выходя с рынка, мы встретили заместителя командира нашей части по специальному вооружению подполковника Михальчука, который ходил по рынку вместе с женой. Увидев нас, он поздоровался с нами, и мы поприветствовали его. Он остановился и подождал меня к себе.

«Слушай, Терновых, — сказал он мне, — как тебе служится в дивизионе Терещенко?»

Я ответил, что на службу не жалуюсь. И тогда он предложил мне перейти к нему в службу специального вооружения, так как в его службе не хватает офицеров. Я сказал ему, что в принципе не возражаю против перехода в службу под начало подполковника, но у меня есть непосредственные начальники в дивизионе, есть в подчинении личный состав, есть закрепленная за мной техника. Как быть со всем этим хозяйством?

Михальчук сказал, что все вопросы по моим служебным делам на площадке 4Н он уладит.

«В общем, — в заключение сказал он, — завтра же выходи на работу ко мне в службу». Я ответил: «Слушаюсь!» — и на этом мы расстались. Мои товарищи с любопытством стали расспрашивать меня, о чем это Михальчук довольно долго разговаривал со мной. Я рассказал им содержание нашего с Михальчуком разговора, и они одобрили мое решение перейти в «службу Михальчука».

С одной стороны я был доволен, что такой начальник, как Михальчук, который имел заслуженный авторитет фронтовика у личного состава нашей части и командования полигона, предложил мне перейти к нему в непосредственное подчинение, а с другой стороны меня грызло сомнение в том, что я уйду от боевой работы, от личного состава, с которым столько уже было сделано совместных хороших дел. Но решение уже было принято и раскаиваться было поздно.

12.2. Моя работа в службе Д.Г. Михальчука

На следующий день я прибыл в «службу Михальчука». Она располагалась в штабе нашей части 31925 на второй площадке. Подполковник Михальчук представил меня офицерам своей службы. Это были: майор Бердов А. (неофициальный заместитель Михальчука), старший лейтенант Селиверстов А., старший лейтенант Советов В., капитан Васильев В. и только что прибывший из Ростовского инженерного училища лейтенант Скерис.

Михальчук назначил меня на должность старшего техника по комплектации ракет, соответствовавшую званию «старший лейтенант», на которую я тут же был отдан приказом по части. Я должен был в соответствии с этой должностью ведать всеми комплектующими элементами, которые поступали вместе с каждой ракетой, элементами ЗИП, которые хранились на складе части. Этот склад «службы» тоже оказался в моем ведении.

Склад «службы Михальчука» представлял собою довольно большое кирпичное здание, в котором элементы ЗИП были свалены, как попало, часть их находилась в ящиках. Порядка на складе не было никакого. Пришлось мне с первых дней, засучив рукава, наводить во всем этом хозяйстве порядок.

Я раздобыл деревянные бруски, из которых скотил стеллажи, и покрыл их досками от ящиков из-под ЗИПа, разложил всё на стеллажах и переписал в специально заведенный мною журнал учета. Теперь я знал, где и что у меня лежит, на какой полке, в каком ящике. Работать стало легко и просто. Все, что прибывало ко мне или что я сам привозил по заявкам с центрального склада, я тут же фиксировал в этом журнале. Завел я и журнал выдачи имущества и ЗИП со склада. Порядок я навел. Михальчук стал ставить меня в пример другим.

Потом я поднял документы в «службе» и обнаружил, что за «службой» числится очень много всего, чего и в помине на складе, да и в подразделениях части давно нет, так как давно либо израсходовано, либо утеряно, либо украдено. Я доложил об этом Михальчуку. Он был обескуражен состоянием дел и попросил меня составить акт на списание всего того, что числилось за «службой», но отсутствовало в наличии.

Акт я составил, Михальчук его подписал, подписали и члены импровизированной комиссии части, и теперь мне надо было его

представить на утверждение в службу специального вооружения полигона. Акт получился довольно объемным, и было сомнительно, что мне его утвердят, так как в нем были представлены и довольно солидные вещи, не подлежащие списанию по срокам эксплуатации, которые еще для них не истекли.

Но, тем не менее, я поехал в службу специального вооружения полигона. Как я и ожидал, начальник службы подполковник Козлов В. А., просмотрев акт, сказал, что утверждать его нельзя по вышеуказанной причине. Я взял свой акт из рук Козлова и с тяжелым сердцем вышел из его кабинета. В коридоре я остановился, закурил и стал размышлять, как же поступать дальше с этим актом. В это время из кабинета подполковника Козлова вышел сержант, работавший писарем в службе у Козлова. Подойдя ко мне, он попросил у меня папироску. Я дал ему.

В процессе перекура мы разговорились. Сержант оказался моим земляком родом из города Воронежа. Выяснив, что мы земляки, наш разговор перешел к судьбе акта и его содержания.

Сержант внимательно посмотрел содержание акта и сказал мне, что акт действительно слишком большой, что его надо разделить на три части, то есть изготовить три акта и привезти их к нему, а он постепенно будет подавать их на подпись Козлову и таким образом все спишет.

Я обрадовался мудрой мысли земляка и воспользовался его советом, и через некоторое время всё, что было представлено в акте первой редакции, было списано.

Михальчук был на седьмом небе от того, что все так уладилось.

А мое отсутствие в родной мне пятой команде было сразу замечено. На второй же день моего пребывания в «службе» раздался звонок с площадки 4Н. Звонил начальник команды капитан Будкин. Я поднял трубку, назвал себя и в ответ услышал такую нелестную тираду, в которой меня Будкин мешал с грязью, грозя всевозможными карами. Я тут же передал трубку подполковнику Михальчуку. Михальчук выслушав Будкина, грозно цыкнул на него, затем промолвил: «Со вчерашнего дня лейтенант Терновых проходит службу в моем подчинении, в моей службе, приказ о его назначении на новую должность уже подписан командиром части. Пожалуйста, подготовьте всё, чтобы Терновых передал свой личный состав и закрепленную за ним технику лейтенанту Кузнецову. Срок передачи через неделю».

Через неделю я поехал на площадку 4Н, и всё, что было закрепле-

но за мной, передал по акту лейтенанту Кузнецову. Солдаты моего отделения высказали мне свое сожаление о том, что я так внезапно ушел от них, как бы бросил их. Пришлось им объяснить, что и как произошло.

Мое объяснение успокоило их, и мы на хорошей ноте попрощались.

Теперь моим новым местом службы была «служба Михальчука». За комплектующими элементами, а это были, в основном, гироприборы, мне часто приходилось ездить на центральный склад полигона и получать их там по накладной, грузить в грузовой автомобиль и везти на свой склад, а потом выдавать их по документам для испытаний и установки на ракеты.

Кроме приборов, мне часто приходилось на других складах получать попутно краски, смазки и т. п. Бывало так, получил я бочку краски емкостью в двести литров, а грузить ее надо в кузов грузового автомобиля. А нас всего двое: я и водитель автомобиля. Вот и корячимся мы с ним вдвоем над такими бочками, закатывая их по наклонным брусам в кузов. Деревянный бруски я специально возил с собой в грузовой машине. Силенка была, сказывались занятия тяжелой атлетикой, и я, слава Богу, справлялся с этой задачей. Но внешний вид мой часто страдал от того, что на моем обмундировании появлялись пятна любых оттенков, а на чистку сапог не всегда хватало крема.

В душе я не очень был доволен тем, чем я занимался в службе. Я выполнял много того, чего не должен был выполнять по своей должности. Я пошел на эту должность потому, что она соответствовала званию старшего лейтенанта. Склад же был явно не мой. По штатному расписанию в службе должен был быть заведующий складом старшина сверхсрочной службы. Но его не было, и мне приходилось работать за двоих. Правда, через некоторое время мне Михальчук выделил в качестве помощника солдата. Солдат был слабенького телосложения, и поднять из тех тяжестей, которые поднимал я, он не мог и половины. Но я научил его оформлять документы по выдаче со склада различного имущества, и он в мое отсутствие неплохо справлялся с этой задачей.

Мы часто ездили втроем на центральный склад за комплектующими элементами и другим имуществом: я, мой помощник и водитель автомобиля. Из-за позднего выхода автомобиля из автопарка (не по нашей вине), мы много раз приезжали на центральный склад

к обеденному перерыву, когда кладовщик, старшина сверхсрочной службы, уходил на обед и нам либо долго приходилось ждать его, либо мы вынуждены были ехать к офицерской столовой (Шестерке), и там я кормил двух солдат за счет своего небольшого денежного довольствия, что было для меня накладно.

Однажды мы должны были срочно привезти на техническую позицию второй площадки гироскопические приборы. Но как всегда, автомобиль не был готов, и мы опять приехали на центральный склад во время обеденного перерыва. Ждать кладовщика надо было долго, и я принял решение вернуться на вторую площадку, накормить обедом солдат и пообедать самому, а потом быстренько смотаться на склад и привезти гироскопы.

Сказано – сделано. Мы лихо прикатили на вторую площадку, я отправил солдат в солдатскую столовую на обед, который организовал для них через дежурного по части и дежурного по столовой. Сам же я забежал в «службу», где носом к носу встретился с Михальчуком.

Михальчук с удивлением оглядел меня и спросил: «Ты что уже привез гироскопы?» Я объяснил ему положение вещей, он рассвирепел, что я еще не привез срочно очень нужных гироскопов, а разгуливаю по территории части. Громко хлопнув дверью, он вышел из кабинета и пошел на обед в столовую. Мне ужасно стало обидно за то, что вокруг царит несправедливость. Никто не хочет вникнуть и устранить те неудобства и те препоны, которые мешают нам выполнять нормально наши задачи. И даже трезво мыслящий и деятельный Михальчук не хочет понять те трудности, с которыми я сталкиваюсь ежедневно, выполняя многочисленные задачи, не свойственные моей должности. Обидно за то, что я бьюсь, стараясь сделать все как можно лучше, терплю неудобства, часто остаюсь без обеда, расходую свои деньги на солдат и я же виноват в том, что проявляю нерасторопность или неисполнительность.

Чувствуя, как внутри меня закипела злость на эту несправедливость, я почти бегом помчался в солдатскую столовую, где прервал трапезу своих солдат, и мы снова ринулись на центральный склад. Вначале мы было отправились непосредственно на склад, но по пути сообразили, что на складе кладовщика еще нет, так как он еще не пришел с обеда. Поэтому мы немедленно покатали за ним домой. И действительно, мы застали его дома, уже пообедавшим. Я упрямил его поехать на склад сейчас же и выдать нам гироскопы. Он согла-

сился. Забрав его с собой, мы прикатили к складу, быстро получили и загрузили все необходимое и помчались в обратный путь. Подъехали мы к штабу части тогда, когда Михальчук выходил из офицерской столовой. Я подошел к нему и доложил, что гиросприборы привезены. Он опять удивленно остановил на мне свой взгляд и произнес: «Не понял! Когда же ты успел привезти! Ну, ты даешь!»

Сдав гиросприборы на техническую позицию, я пришел в кабинет «службы» и тут же сел писать рапорт на имя Михальчука.

Смысл рапорта сводился к следующему: в своей служебной деятельности я занимаюсь не тем, чем должен заниматься в соответствии с занимаемой должностью, работаю за двоих, заведу складом, к которому имею отдаленное отношение, грузю бочки и коробка с красками, смазками и еще много чего в этом духе, расходую свои деньги на питание солдат, автотранспорт в мое распоряжение выделяется несвоевременно и т. д.

В связи с такой несправедливостью прошу командование части освободить меня от занимаемой должности и перевести на другую, где я буду заниматься тем, чем будет положено по должности.

Этот рапорт я тут же вручил Михальчуку. Прочитав его, он побабранил пальцами по столу, повернулся ко мне и произнес: «Вот что, Иван, ты меня кровно обижаешь, собравшись уходить от меня! Думаешь, что я не вижу, что ты работаешь как вол, за двоих, работаешь добросовестно. И я прошу тебя извинить меня за мою давешнюю несправедливую горячность по отношению к тебе. В свою очередь я прошу потерпеть до весны следующего года, а весной я постараюсь определить тебя на должность категорией выше. Ты заслуживаешь этого! Понятно!». Ответив ему, что мне все понятно, я вышел от него успокоенный.

12.3. Съём ракеты Р-5М

Работать я продолжал и дальше так же добросовестно. С офицерами «службы» у меня сложились хорошие товарищеские отношения. Несмотря на ощутимую разницу в возрасте по сравнению с другими офицерами, мы в «службе» были на равных. Только лейтенант Скерис держал себя особняком. Он был неплохо играл в баскетбол и кичился этим, хотя в служебных вопросах он на первых порах не очень тянул, за что ему частенько влетало от Михальчука, который

требовал четких докладов о выполнении задач, связанных со служебными обязанностями и его личными поручениями. И как правило, он не получал такого доклада от лейтенанта Скериса, в результате чего часто звучала одна и та же фраза: «Опять вы, Скерис, не выполнили то, что от вас требовалось! Я буду вынужден отправить вас на гауптвахту!» Но на гауптвахту он его ни разу так и не отправил.

Через некоторое время мне позвонил капитан Будкин и сказал, что я должен приехать на площадку 4Н и снять поставленную на стартовый стол ракету Р-5М, которую в процессе отработки экспериментов облили жидким БРВ. Я ответил Будкину, что у меня есть начальник — подполковник Михальчук. Все вопросы необходимо решать только через него. Прикажет он мне выехать на 4Н, и я обязан буду сделать это. А самостоятельно выезжать я не имею права.

Вскоре меня вызвал к себе Михальчук и сказал, что эксперименты на той ракете Р-5М, которую ты ставил на пусковой стол, закончились. Есть решение свыше снять ее с пускового стола, и поэтому тебе надлежит выехать на площадку 4Н и произвести съем ракеты. Я было попытался что-то возразить, типа «там ведь есть начальник стартового отделения лейтенант Кузнецов».

Но Михальчук сразу же отверг мой довод, сказав: «Ты начинал эту работу, ты ее и закончишь! Понятно!» Я ответил утвердительно и на следующий день выехал на площадку 4Н.

Оказалось, что по поводу снятия с пускового стола ракеты Р-5М, на которой проводили серию экспериментов, собралось довольно много представителей промышленности и наших военных из состава дивизиона Терещенко, из испытательного управления и командования полигона.

Погрузившись в автобус вместе со своим бывшим стартовым отделением, мы выехали на правую стартовую площадку, где стояла ракета.

Прибыв туда, я обнаружил, что перед входом на стартовую площадку развернут целый комплекс, состоявший из трёх палаток, ряда столов с приборами, нескольких машин. Возле них сновали медицинские работники в военной форме и в гражданской одежде. Через некоторое время нас, то есть меня и моё бывшее отделение построили и командир дивизиона майор Терещенко начал нас инструктировать. Его инструктаж заключался в объяснении того, как нам необходимо вести себя в процессе работы по съему ракеты с пускового стола.

Собственно операции съема ракеты для меня и моего отделения были давно освоены, но особенность этого съема заключалась в том, что ракета и оборудование были облиты БРВ.

Нам указали, с какой стороны была облита собственно ракета и какие места были облиты на пусковом столе, установщике, подстойной и околостойной бетонной площадке.

После инструктажа Терещенко к нам подошли два полковника и сказали нам, что мы все должны зайти в палатку, чтобы переодеться в защитную специальную одежду, одеть противогазы, и после того, как на нас все это проверят, можно будет идти к ракете и выполнять операции по ее съему.

Нас завели в палатку, где мы переоделись в так называемое импрегнированное белье, под промежности прямо на одежду подвязали свинцовые пластины. После этого мы надели защитную одежду, чулки химической защиты, взяли противогазы и, выйдя из палатки, построились.

Нас еще раз внимательно и придирчиво осмотрела толпа медицинских работников, что-то кое-где подправили и наконец дали «добро» на работу с ракетой. Я скомандовал личному составу отделения: «Одеть противогазы!» — повернул их направо и повел к входу на стартовую площадку. У входа отделение остановилось, и командир отделения сержант Зуев заявил мне, что дальше никто не пойдет, потому что всем хочется жить и не хочется каждому подвергать себя опасности. Я не ожидал такого поворота событий, хотя чувствовал, что солдаты правы, что мы идем в неизвестное и что будет потом с нами никто не знает. Может статься так, что с каждым из нас случится непоправимое, и мы никому не будем нужны. Я в душе понимал это, но вида не подавал.

Сказав отделению, что же вы там перед начальниками не заявили об этом, а теперь заявляете это мне. Не желаете идти, боитесь, в таком случае я пойду один, и буду готовить ракету к съему. Одев на себя противогаз, я зашагал к ракете.

Подойдя к установщику, я подал на него питание и стал готовить оборудование к съему. В первую очередь я стал снимать ветровое крепление ракеты. Смотрю, от КПП ко мне идет командир отделения сержант Зуев. Я отправил его на сторону, где по имевшимся данным не было пролива БРВ, и он тоже стал готовить оборудование. Через пару минут к нам присоединилось все отделение, мой личный пример подействовал на всех и мы дружно принялись за работу.

Сняли мы ракету довольно быстро, без приключений, закрепили ее на грунтовой тележке и покинули территорию стартовой площадки. Нас по одному подводили к гражданскому лицу – дозиметристу, который обследовал нас с помощью приборов. Когда водили прибором по моей спецодежде и чулкам, то от их поверхностей шло такое излучение, что стоял сплошной треск в приборе. А что было зафиксировано на приборах, какое количество распадов в минуту или миллирентген в час, нам об этом не сообщили. С нас сняли спецодежду, поблагодарили за хорошую слаженную работу. Майор Терещенко спросил меня, почему от КПП я пошел один, а не вместе с отделением. Я ответил, что мне надо было осмотреться на месте, чтобы долго не держать личный состав отделения на зараженном месте. Терещенко хмыкнул и замолчал. Нас усадили в автобус и отвезли на площадку 4Н. По дороге я поблагодарил отделение за то, что не подвели меня и преодолели свой страх.

Я потом спрашивал о судьбе снятой ракеты и облитого стола. Мне сказали, что недалеко от стартовой площадки с помощью бульдозера и экскаватора вырыли котлован, поместили туда ракету вместе со столом и засыпали землей. А стартовую площадку закрыли надолго.

12.4. Повышение по службе.

Занимаясь приборной комплектацией ракет, я был вынужден по приказу командования полигона летать в город Саратов за гироприборами, которые изготавливал саратовский завод имени Н.С. Хрущева. В мое распоряжение выделялся самолет АН-2, на котором мы взлетали с полигонного аэродрома «Конституция». Сам же аэродром представлял собою небольшую взлетно-посадочную полосу и один домик при ней, на котором на мачте болталась полосатая коническая «колбаса». Взлетая с аэродрома, мы видели расстилающуюся бескрайнюю степь, в которой иногда попадались островки брошенных садов, а потом появлялась серебряная лента Матушки-Волги, и мы до самого Саратова летели над ней. Самолет бросало и трясло всякий раз на воздушных ямах, и наш полет представлялся поездкой по рытвинам и ухабам на плохой деревенской телеге.

В «службе Михальчука» я прослужил до мая 1958 года. Михальчук свое слово сдержал. В середине мая он, по согласованию с командиром первого технического дивизиона майором Сяйлевым и

командиром части полковником Тюрменко, назначил меня начальником монтажно-такелажного отделения в команду майора Шаронова П. Пятого июня я был отдан приказом и вступил в исполнение этой должности. Эта должность не была инженерной, но соответствовала званию капитана. Вскоре меня утвердили в этой должности.

Приняв монтажно-такелажное отделение, я обрел определенную перспективу в служебной деятельности в смысле роста, а наряду с ней на меня свалилась огромнейшая гора забот и обязанностей. Во-первых, мое отделение насчитывало тридцать человек личного состава по штатному расписанию. Здесь были и повара, и каптенармус, и кто только не числился в моем отделении. А вот боевой расчет отделения составлял всего одиннадцать человек. При этом за отделением было закреплено столько технологического оборудования, что оно занимало половину автопарка части. Здесь были автокраны разных модификаций, грунтовые тележки для различных ракет, тягачи, автомобили грузовые, траверсы и т. п. За всем этим я должен был смотреть в оба, своевременно обслуживать, поддерживая всю эту массу техники в исправном состоянии, и готовить ее для участия в испытательных работах. Правда, в качестве моего помощника в отделении был еще сержант сверхсрочной службы Пурахин А. Отдавая ему должное, хочу сказать, что это был русский умелец-самоходок, в руках которого спорилось все, за что он брался.

Личный состав отделения, кроме сержанта Собакарёва, имевшего среднее образование, имел за плечами 6-7 классов образования. Но в своей основе это были выходцы из трудовых семей колхозников и рабочих, знавшие, что такое труд и что стоит кусок хлеба насущного.

Вот с ними мне и предстояло шагать дальше по пути совершенствования ракетной техники.

Задача моего нового отделения заключалась в следующем: выгрузить из специального вагона прибывшую с завода-изготовителя ракету, уложить её на транспортную тележку и подать в монтажно-испытательный корпус для проведения испытаний. После проведения испытаний пристыковать к ней головную часть, если это была ракета Р-1 или Р-2, на ракету одеть чехол и составом боевого расчёта отделения, в сопровождении двух машин прикрытия, транспортировать ракету, уложенную на грунтовую тележку до стартовой площадки. Если же прошедшая испытания ракета была одной из моди-

фикаций ракеты Р-5 или Р-12, то её мы доставляли на стартовую площадку без головной части, после чего я с частью отделения должен был проехать на стыковочной машине (специальная машина для стыковки головной части к корпусу ракеты) на площадку В-2, где головные части специально готовились представителями промышленности, пройти там неременный контроль, и с разрешения руководства представителей промышленности погрузить головную часть на стыковочную машину, доставить её на стартовую площадку и пристыковать к корпусу ракеты. После этого ракета устанавливалась на пусковой стол боевым расчетом стартового отделения, с ней проводились все предпусковые проверки (автономные и генеральные), наведение на цель, заправка компонентами топлива и пуск.

12.5. Монтажно-такелажные работы

Выгрузка ракеты из специального вагона всегда начиналась с подготовки к выгрузке. Для выгрузки ракеты на площадку, где производилась выгрузка, автомобилем доставлялась транспортная тележка и устанавливалась параллельно специальному вагону, на котором номерами расчёта отделения прежде всего развинчивались болтовые соединения, крепящие секции крыши к боковым панелям вагона. Затем рядом с вагоном устанавливался соответствующий автокран: если выгружалась ракета Р-1 или Р-2, то устанавливался автокран 8Т22 на шасси автомобиля ЗИС; если выгружалась ракета Р-5 или Р-12, то применялся автокран 8Т25, установленный на специальном шасси по типу порталного крана и оснащённый двигателем ЯАЗ-204. Применение того или другого вида крана для выгрузки ракеты было обусловлено габаритами выгружаемой ракеты и высотой ее подъема над вагоном. (Первоначально ракеты Р-1 и Р-2 выгружались с помощью козлового крана немецкой конструкции, стационарно развернутого над участком железнодорожного пути в районе площадки для выгрузки, под который и устанавливался специальный вагон для выгрузки.)

Автокран устанавливался на таком расстоянии от грунтовой тележки, чтобы длина стрелы и высота подъема крюка крана оказались достаточными для подъема ракеты на крюке за пределы боковых стенок вагона.

Вначале снимались секции крыши вагона и укладывались на зем-

лю рядом с вагоном. После этого поднималась специальная траверса и устанавливалась на корпус ракеты. Четыре троса, закрепленные одним концом на траверсе, другим концом стыковались к ракете специальными рым-болтами.

Ракета, застрахованная от раскачивания с помощью чалок, медленно поднималась до необходимой высоты над вагоном и укладывалась на грунтовую тележку.

Весь технологический процесс выгрузки был нами отработан с необходимым соблюдением мер безопасности. Но меня и моих подчинённых, входивших в состав боевого расчёта, всегда беспокоила траверса, конструкция которой была далека от требуемого совершенства, в том смысле, что она постоянно качалась в продольном направлении на своих опорах. И когда мы устанавливали её на корпус ракеты, то всегда было опасение, что при её качке вдоль своей оси петля траверсы, одетая на крюк крана, может соскочить с крюка крана (а петля была довольно тяжелой) и ударить по корпусу ракеты.

Весной 1959 года при выгрузке очередной ракеты такое происшествие всё же случилось. Солдат, контролировавший правильность установки траверсы на корпус ракеты и поддерживавший траверсу на крюке крана при её установке, не смог удержать траверсу от продольного колебания, петля траверсы соскочила с крюка, ударила солдата по ногам (солдат при этом перемещался по корпусу ракеты в тапочках), а затем и по корпусу ракеты, образовав на нём вмятину. А это — чрезвычайное происшествие!

Мне срочно пришлось докладывать командованию части о случившемся. Доложено было и представителям промышленности. Солдат отделался синяками на ногах, а вот с ракетой дело осложнилось. Была срочно создана комиссия, которую возглавил один из московских генералов, присутствовавших на полигоне.

Нас стали расспрашивать о том, как все произошло. Причём, вокруг нас собралась довольно большая группа всевозможных представителей. Они попросили нас продемонстрировать при каких обстоятельствах петля траверсы смогла соскользнуть с крюка крана. По их просьбе мы поставили траверсу на ровную площадку на земле, и я объяснил, как мы устанавливали траверсу на корпус ракеты строго по инструкции. Одновременно с моим объяснением мы показали комиссии, что траверса имеет конструктивный недостаток, заключающийся в большой качке на своих опорах в продольном направле-

нии. Приподняв краном траверсу над землей, мы снова опустили ее на землю, имитируя ее установку на корпус ракеты в вагоне. При выполнении одной из операций с траверсой, траверса качнулась в продольном направлении на своих опорах и петля траверсы на глазах у всей комиссии соскочила с крюка крана. При выполнении этой операции траверсу и её петлю поддерживал представитель комиссии, гражданский человек, оказавшийся конструктором этой траверсы. Мы были реабилитированы. Председатель комиссии, московский генерал, воочию убедился, что траверса далека от совершенства. Он даже поблагодарил нас за то, что мы до сих пор работали по выполнению операции выгрузки ракет из вагонов с помощью «такой рухляди» без происшествий, и тут же приказал конструктору траверсы немедленно отправляться в Москву, в недельный срок спроектировать, изготовить и поставить на полигон новую надежную траверсу.

Через десять дней новая траверса была доставлена на полигон и со всеми необходимыми документами была вручена мне для работы. Эта траверса выгодно отличалась от той, качающейся. Она представляла собой моноблок небольшой длины (а первая была ферменного типа длиной почти в длину всей ракеты), с подвижными блоками на концах траверсы, по которым перемещались тросы крепления к ракете. В теле траверсы были проделаны отверстия, позволявшие регулировать установку траверсы относительно корпуса ракеты при её выгрузке. Этой траверсой вскоре были укомплектованы все новые грузоподъемные краны 8Т26, входившие в состав наземного технологического оборудования.

Глава 13. «ХУДОЖЕСТВА» ЛИЧНОГО СОСТАВА

13.1. *Нарушитель воинской дисциплины ефрейтор Винокуров*

Исполнение обязанностей в новой должности было связано с многими трудностями. Несмотря на то, что в отделении было по штату тридцать человек, как только предстояла очередная штатная работа с ракетой, так полный боевой расчет из одиннадцати человек я очень редко имел. Кто-то был в наряде, кто-то заболел и т.п. В составе отделения были, к примеру, такие кадры, как некто рядовой Ермилов П., родом из Москвы, ростом «два вершка с кепкой», шупленький, одна нога короче другой на два сантиметра, и с легкими не все в порядке.

В беседе с ним я выяснил, каким образом его могли призвать в армию с такими отрицательными данными. Он мне объяснил, что очень хотелось ему пойти служить в армии, а жил он поблизости от военного комиссариата. И вот, идя куда-нибудь, он непременно заходил в военный комиссариат и упрашивал начальство, чтобы оно призвало его в армию. В конце концов, он так надоел всем, что его действительно призвали и направили служить к нам на полигон. И попал он ко мне в отделение. Ну не мог же я брать его в боевой расчет и возить на стартовую площадку в холод, в снег и дождь. Мы его определили истопником в котельную части на второй площадке.. Там всегда было тепло.

Однажды, будучи дежурным по части, я ночью вышел на крыльцо штаба и закурил. Вдруг слышу, из пристройки к котельной доносится собачий визг. «Чтобы это значило?» — задал я себе вопрос и направился к котельной. Открыв дверь в пристройку к котельной, я увидел такую картину: в пристройке находился рядовой Ермилов и две дворовые собаки. На полу пристройки были расставлены четыре чурбака. Я спросил Ермилова, что он делает с собаками и почему они так визжат. А он мне с задором отвечает: «Товарищ старший лейтенант, я их дрессирую. Отдрессировав, я буду с ними выступать в художественной самодеятельности части!»

Ну что ему скажешь на это! Ребенок, да и только!

Собак мы с ним все же отпустили на свободу. Кое-как я угово-

рил его все же больше не «дрессировать», то есть не мучить бедных дворняжек.

А другой москвич, ефрейтор Винокуров, оказывается, по ночам уезжал в самоволку, в близлежащую деревеньку, состоявшую из десятка домов и отстоявшую от нашей «второй» площадки километрах в трех-четыре. И знаете, что Винокуров при этом предпринимал?

Он был хорошим крановщиком. Ночью, когда все мирно засыпали, он вставал, выходил из казармы на улицу и шел в автопарк. Автопарк части был довольно большой по площади и обнесен со стороны степи высоким деревянным забором с двумя рядами колючей проволоки наверху. Прибыв в автопарк, Винокуров заводил один из стоявших там автомобилей ГАЗ-67 (на них ездил командный состав), подгонял этот автомобиль к автокрану, который он специально ставил после работы на стоянку возле забора, заводил автокран, цеплял пауком автомобиль и, подняв его выше забора, опускал за забором на землю. В заборе им был оторван один конец доски, отодвинув который он свободно выходил за пределы автопарка. Отцепив от паука автомобиль, он садился в него, заводил и быстро мчался в село Солянку. Там его в одном из домов привечали. Оттуда он привозил бутылочку водки, которую потом в тесном кругу употребляли.

Я вычислил эти похождения Винокурова, и со старшиной команды сверхсрочником Истоминым Н., как говорится, поймали его с поличным. Винокуров во всем признался. Он сказал, что давно занимался самовольной отлучкой. А вычислить мне его помогла случайность. Водитель командира части полковника Тюрменко, вымыв машину после поездок с командиром, поставил ее в автопарк на свое место стоянки. Придя утром за автомобилем, водитель обнаружил его грязным и покрытым пылью. По этому поводу обратился он к дежурному по автопарку с вопросом: «Кто ездил на командирской машине ночью?» Дежурный на этот вопрос ничего вразумительного ответить не мог.

В этот момент я прибыл в автопарк и стал свидетелем этого одностороннего диалога. У меня сразу же возникло подозрение, что кто-то из моих подчиненных причастен к этому нехорошему эпизоду. Но как мог автомобиль стать грязным, если никто на нем не выезжал через КПП автопарка, а на территории автопарка его так загрязнить не могли. Я попросил водителя командирской машины пока не докладывать об этом никому, а сам пошел обследовать территорию ав-

топарка. Ничего подозрительного при своем обходе я не обнаружил, но когда подошел к автокрану и внимательно посмотрел на забор, то обнаружил явные следы «преступления». Доска на заборе была оторвана, и ее оторванный конец был прижат массивным автомобильным маховиком, отодвинув который, я смог повернуть вращающуюся на верхнем гвозде доску. За забором явно просматривался след автомобиля, ухотивший в сторону сельца Солянки. И тут я понял, что автомобиль перебрасывался через забор с помощью автокрана. «Ай да Винокуров!» Но один ли он это делает? Вот вопрос!

И мы со старшиной Истоминым, которого я посвятил в свою догадку, решили всё вывести на чистую воду (старшина Истомин был старшиною команды майора Шаронова).

В одну из ночей Истомин позвонил мне в гостиницу и сказал, что Винокурова в казарменной постели он не обнаружил. Я быстро оделся и ринулся в автопарк. Дежурный по автопарку спокойно спал, и можно было ходить взад-вперед через КПП, и он этого бы не услышал.

Я тихонько перемещался через автопарк от машины к машине. Еще издали я увидел, как ГАЗ-67 подкатил туда, где стоял автокран. Постепенно я подобрался почти вплотную к автокрану, который был уже заведен, и Винокуров уже цеплял пауком автомобиль. И тут я, выйдя из укрытия, остановил его действия. Винокуров был сражен моим внезапным появлением. Он не мог произнести ни слова. Я заставил его отцепить автомобиль от паука, привести в исходное положение автокран, и вместе с ним поставили ГАЗ-67 на то место, где он стоял.

После этого я сопровождал его в казарму. По дороге Винокуров рассказал мне все, как он неоднократно пользовался таким маневром и благополучно совершал самовольные отлучки.

Он очень просил меня не докладывать командованию об этом и клятвенно обещал мне больше не делать ничего подобного до конца своей службы. Придя в казарму, мы с Истоминым еще долго беседовали с самовольщиком и, предупредив его о том, что он не расскажет своим друзьям о случившемся, только в этом случае мы не предадим огласке его похождения. На этом мы и порешили. В общем, мы с Истоминым вступили на путь сокрытия нарушения воинской дисциплины. Я все время терзался этим, но Винокуров с честью сдержал свое данное нам слово. Он до конца службы не имел ни одного замечания, постоянно следил, чтобы в отделении не было наруше-

ний воинской дисциплины, а работу любую исполнял так, что проверить не надо было. Сержанты с удивлением отмечали разительную перемену в его поведении, относили это к тому, что служить остается немного, и часто ставили его поведение и исполнительность в пример другим солдатам отделения.

Одним словом, жизнь шла своим чередом, хотя по-прежнему была не из легких.

13.2 Народные умельцы в моём отделении

Подошла зима 1958-1959 года. Она на редкость отличалась суровостью морозов и снежностью. Я буквально выбивался из сил, стараясь по утрам завести двигателя своей техники. Эта операция была для меня пыткой. Автокраны 8Т25 с двигателями ЯАЗ-204 просто невозможно было завести. Спасал меня в этом отношении обыкновенный эфир, который я доставал через санитарную часть. Сняв с двигателя крана воздушный фильтр, мы заливали в двигатель несколько капель эфира, затем тросом цепляли автокран к артиллерийскому тяжелому тягачу и начинали буксировать кран по территории автопарка. Таким образом, удавалось завести двигатель крана. Но однажды водитель АТТ рывком дернул подцепленный к тягачу кран и оборвал крюки на раме крана, а на самой раме возникла солидная трещина. Пришлось срочно «организовывать» специалистов по сварке и варить трещину, устанавливая на раму крюки. Беды на меня повалили одна за другой: разморозили двигатель стыковочной машины, что означало замену вышедшего из строя двигателя на новый за мой счет. Но и здесь меня выручили специалисты моего отделения. Старшина сверхсрочной службы Саша Пурахин сказал мне, что двигатель он обязуется восстановить. Через некоторое время он изготовил какие-то специальные электроды, обернул их по спирали медной лентой, покрыл жидким стеклом и какой-то обмазкой и уверил меня, что таким электродом он заварит в чугуне любую трещину. И действительно, с помощью этих электродов он мастерски заварил блок цилиндров двигателя стыковочной машины, зачистил швы с помощью шлифовального круга и покрасил двигатель «серебрянкой». Двигатель стал совершенно новым. «Ай да умелец, Пурахин!»

Даже опытный специалист не смог бы сказать, в каком месте была трещина в блоке цилиндров.

А блок-то цилиндров был чугунным. А чугун считалось тогда сварке не поддается. А умелец Пурахин заварил трещину в чугуне! И этот самородок-умелец был у меня в подчинении!

И, тем не менее, эти самородки в мое отсутствие иногда допускали крупные оплошности.

Однажды я был дежурным по части. Ночь прошла довольно спокойно, и трудовой день был уже в полном разгаре. Раздался резкий звонок телефона, я поднял трубку, и услышал рассерженный голос командира части полковника Тюрменко: «Старший лейтенант Терновых, — сказал он сердито, — что за бардак творится в вашем отделении. Только что ваши подчиненные буквально искорежили автокран 8Т25. Разберитесь, кто там работал, и срочно доложите, как всё произошло. Я вас примерно накажу за происшедшее».

Я ответил, что сейчас разберусь, но никаких команд работать на кране я не выдавал, так как крановщик этого крана тоже находится в наряде.

«Разбирайтесь!» — рявкнул командир и бросил трубку. «Ничего себе, ситуация, — подумал я, — что же там произошло?»

Вскоре я выяснил, что возникла срочная ситуация, в которой непременно должен был участвовать автокран, а крановщик был в наряде. Правда, краном управляли в обычной рабочей ситуации по штатному расписанию два человека: водитель крана и собственно крановщик. Водитель крана к работе с пульта управления краном допуска не имел и при хорошем владении двигателем автокрана механизмами подъема и опускания крана владел слабо.

Но возникла срочная работа. Я и крановщик стоим в наряде. Чтобы выполнить возникшую работу, необходимо нас с крановщиком срочно заменить кем-то, а заменить некем, да и нельзя. Начальник команды майор Шаронов приказывает водителю автокрана развернуть автокран из походного положения в рабочее и стал помогать водителю в этом мероприятии. Поскольку оба они не очень разбирались в механизмах крана, то вместо того чтобы включить механизм крана на подъем, включили его на опускание. Тросы усиленно потянулись и стали гнаться все подкосы на стреле. Пока горе-крановщики сообразили, что включили не то, стрела крана была действительно покорежена, и кран был выведен из строя. Грустную картину увидел я, когда прибыл на место происшествия. Разобравшись

в деталях происшедшего, я доложил полковнику Тюрменко о том, что произошло. Слушая мой доклад, он густым басом ворчал, что кругом беспорядок, что технику вывели из строя и теперь нечем будет выполнять работы по приему ракет и подготовке их к пуску. Я объяснил ему, что у нас есть еще один такой же кран в исправном состоянии и пока все работы будем выполнять с его помощью, а выведенный из строя кран постараемся отремонтировать своими силами и испытать потом на грузоподъемность. Поворчав еще некоторое время, он успокоился. Начальнику команды майору Шаронову он в приказе объявил «выговор» за то, что тот взялся выполнять не свои обязанности.

Сменившись с дежурства, я поставил задачу старшине Пурахино по восстановлению крана 8Т25. Пурахин, как всегда энергично взялся за дело, и через три дня кран был восстановлен, и его внешнее состояние было неотличимо от второго исправного крана. Через службу вооружения Михальчука мы организовали комиссию по испытаниям крана, в течение которых его работоспособность была подтверждена полностью.

13.3. Освоение новой техники

Так проходила моя служба в новой должности, в новом для меня подразделении. Начальник команды майор Шаронов и руководство дивизиона во главе с командиром дивизиона майором Сяйлевым относились ко мне с должным уважением. Я им платил тем же.

Время шло, техника совершенствовалась. В мое распоряжение прибыла новая стыковочная машина с термозащитным чехлом, одетым на металлические дуги, устанавливаемые на кузове автомобиля. Термочехол был предназначен для того, чтобы головная часть новой ракеты Р-12 (8К63), перевозимая на этой машине на стартовую площадку, находилась в определенных температурных условиях. Он был очень тяжелый, а металлические дуги, установленные в рабочее вертикальное положение, достаточно высокие, и мне с моим расчетом с большим трудом удавалось справляться с монтажом термочехла. А монтаж производился вручную путем затаскивания термочехла на установленные дуги и крепления его кромок к платформе кузова автомобиля. Первую примерку термочехла мы провели в здании МИКа. Одновременно с термочехлом в мое рас-

поряжение поступил и новый съемный верхний захват, изготовленный специально под изменившийся профиль головной части ракеты Р-5М. Устанавливался верхний захват на верхнюю оконечность транспортной тележки и стыковался с механизмом привода, позволявшего проводить с земли его открытие и закрытие при укладке ракеты на транспортную тележку и после установки ракеты в вертикальное положение. Перевозился же он в кузове стыковочной машины.

Наряду с примеркой термочехла, мы неоднократно примеряли и опробовали и верхний захват. В процессе примерок к нам подходили представители промышленности и просили показать им как устанавливается верхний захват и как он работает, будучи состыкованным с механизмом привода. В конце концов, я был настолько измучен физически процессами снятия и установки верхнего захвата и термочехла, что когда ко мне подошел всего один человек, одетый в меховую куртку, и попросил показать ему как устанавливается и работает верхний захват, я рассвирепел и произнес тираду о том, что ходят любопытствующие поодиночке и каждому надо показать, как работает механизм, а съём и установка требуют огромных усилий из-за большого веса верхнего захвата, чем я уже изрядно измучен.

Этот человек, имевший уже солидный возраст, спокойно произнес: «Ну что ж, молодой человек, я вижу, что вы действительно устали, и я прошу извинения, что пришел один смотреть, так как не имел возможности придти вместе с другими и посмотреть, что это за новый механизм».

С этими словами он повернулся и собрался уходить. И тут я узнал в этом человеке генерал-майора Семенова А.И., председателя Государственной комиссии, того самого генерала, который в ГУКе на Фрунзенской набережной г. Москвы принял непосредственное участие в моей судьбе в 1956 году.

«Товарищ генерал!» — произнес я, обращаясь к нему, — извините меня за нетактичность, я сейчас продемонстрирую вам, как этот узел устанавливается и работает!»

Генерал Семенов остановился, повернулся ко мне и произнес: «Да ничего, я понимаю вас. Ну, если можно, то покажите, пожалуйста!»

Я установил верхний захват, присоединил его к механизму привода и продемонстрировал как работает захват.

Генерал Семенов поблагодарил меня за демонстрацию, сказав: «А захват-то действительно очень тяжелый, но работает неплохо».

С этими словами он ушел по своим делам, а я остался приводить в исходное все то, что демонстрировал многим участникам.

13.4. Установка пороховых реактивных двигателей (ПРД)

Жизнь была в достаточной степени насыщена разного рода работами. Я со своим отделением выгружал из вагонов ракеты и их комплектующие элементы, подавал ракеты на испытания в МИК. По окончании испытаний, уложенную на грунтовую тележку зачехленную ракету в сопровождении машин прикрытия (ими были стыковочная машина и одна из штабных машин) транспортировал на стартовую площадку, расположенную от МИКа на расстоянии около 40 км.

Доставленную на стартовую площадку ракету я оставлял возле стартового стола, а сам садился в стыковочную машину и ехал на площадку В2 за подготовленной там головной частью, которую персонал, работавший на этой площадке, грузил на поданную мной стыковочную машину, закрепляли ее, после чего я принимал и доставлял её на стартовую площадку, где производил стыковку головной части к корпусу ракеты. Теперь уж стыковка проводилась четырьмя разрывными болтами и с помощью настоящих ключей-динамометров, фиксирующих необходимое усилие затягивания, приложенное к разрывным болтам.

Для того, чтобы корпус ракеты при отстыковке от него головной части в полете не догонял головную часть, конструкторы спроектировали, а затем на заводе были изготовлены пороховые реактивные двигатели (ПРД), установку которых на ракету командование части поручило мне.

Устанавливал их я на стартовой площадке, после того как стартовики установили ракету на пусковой стол и были проведены соответствующие проверки ее системы управления. На каждую ракету я устанавливал по два ПРД. Устанавливались они в плоскости I - III путем крепления на предусмотренных для этой цели кронштейнах и подключались к системе управления ракеты. В процессе полета, когда подавалась команда на отделение головной части от корпуса ракеты, сигнал одновременно подавался и на воспламенитель ПРД

(небольшая навеска из дымного пороха). Пороховая шашка ПРД воспламенялась, газы истекали через сопловые отверстия в корпусе и создавали небольшую тягу, вектор которой был направлен в сторону, противоположную движению ракеты, замедляя полет корпуса ракеты. Головная часть уходила в свой полет без корпуса ракеты, достигая цели.

Снаряжением ПРД я занимался в стороне от стартовой площадки, на небольшом, специально отведенном для этой цели месте. В алюминиевый корпус ПРД мною вставлялась пороховая шашка весом около тридцати килограммов. Корпус закрывался крышкой, на которой крепился воспламенитель, от которого вне корпуса выводились провода, подсоединявшиеся мною к системе управления ракетой. На противоположном конце цилиндрического корпуса ПРД были установлены два небольших сопла, через которые истекали газы, образующиеся при сгорании пороховой шашки.

Снарядив ПРД, я приносил их к ракете, устанавливал специальную площадку возле пускового стола, на которой была предусмотрена специальная лесенка, укладывал на площадку ПРД, поднимался по лесенке и устанавливал на предусмотренные с этой целью специальные кронштейны на корпусе ракеты и каждый ПРД подключал к системе управления ракеты.

Когда я приступал к установке ПРД, то все, кто находился на стартовой площадке, по сигналу руководителя работ, покидали ее.

13.5. Беседа с глазу на глаз с начальником полигона

Не уходил и всякий раз находился возле площадки, на которой я выполнял свою работу, начальник полигона генерал-полковник Вознюк В.И. Он внимательно следил за моими действиями, доставал папиросу и начинал курить. Я, зная, что подобные действия являются нарушением мер безопасности, как-то сказал ему: «Товарищ генерал, находиться рядом со мной, а тем более курить в такой ситуации, запрещено из соображений безопасности». На это он незамедлительно ответил: «Я знаю это! А ты, сынок, давай-давай, работай!»

Далее он стал меня расспрашивать, как мне послужит после злополучной встречи с ним возле общежития, почему я не делаю ни-

каких попыток поступить в высшее военное учебное заведение и вообще как мне живется. И хотя процесс установки ПРД занимал небольшой промежуток времени, я успел ответить на все его вопросы. Задавая мне вопросы, он уточнил, как меня зовут. И когда я ответил, что меня зовут Иваном, а по отчеству величают Васильевичем, то он заулыбался и сказал, что у него сын тоже Иван Васильевич (мой тезка) и что он уже поступил в высшее Ростовское инженерное училище.

Я ответил ему на это: «Товарищ генерал, так это же ваш сын! А у меня отец-колхозник, инвалид второй группы Великой Отечественной войны, и за меня ни походатайствовать, ни заступиться некому. Ведь я уже успел написать три рапорта на имя командира части полковника Тюрменко с просьбой направить меня на учебу в высшее учебное заведение. Но ответ почти один и тот же: на первых двух рапортах его виза была очень лаконична — «Молод!», а на последнем, более содержательная: «Заменить нечем!»

Генерал Вознюк помолчал, сказал: «Да, я о вас как о специалисте и человеке слышал хорошие отзывы. Да и сам вижу, что вы прекрасно справляетесь с порученным вам делом. Вот что, Иван, передай-ка полковнику Тюрменко, что сегодня вечером, после пуска этой ракеты, я жду вас в штабе полигона обоих. Договорились?»

У меня ёкнуло сердце, но я, не показав вида, ответил: «Слушаюсь!» «Ну, вот так-то!» — сказал генерал и пошел в сторону.

Я закончил установку ПРД, боевой расчет команды возвратился к ракете и продолжил ее подготовку к пуску.

Пуск ракеты прошел без замечаний, в установленный срок и личный состав команды капитана Будкина начал приводить технологическое оборудование в исходное состояние после пуска.

Командир части полковник Тюрменко уже садился в машину, когда я подбежал к нему и сказал, что нас с ним приглашает к себе в кабинет генерал Вознюк. Видно было, что Тюрменко не ожидал такого развития событий, потом как бы придя в себя, глядя на меня в упор, он проревел: «Нажаловался, старший лейтенант! Тебе это даром не пройдет!» Я попытался возразить, но он не стал меня слушать, а только гаркнул: «Садись в машину, поедем!»

Я сказал ему, что должен поставить задачу личному составу своего отделения на возвращение грунтовой тележки и стыковочной машины в автопарк части.

Глава 14. ТЕРПЕНИЕ И ТРУД ПОБЕЖДАЮТ

14.1. Беседа о моём будущем в кабинете генерала В.И.Вознюка

«Идите, ставьте задачу, да побыстрее!» — уронил Тюрменко. Я стремительно бросился к отделению, коротко проинструктировал сержанта о правилах движения по дороге, о том, куда и как поставить тележку и машины и кому доложить по прибытии на вторую площадку. После этого я поспешно возвратился к машине командира части. По его повторному приглашению я сел на заднее сидение автомобиля и мы покатали навстречу очередному переломному моменту в моей жизни.

Всю дорогу мы ехали молча. Тюрменко усиленно курил, а я с замиранием сердца думал о том, что-то мне сейчас предстоит испытать, что еще неизведанного свершится со мною.

Приехали мы к штабу полигона около восьми вечера, поднялись на второй этаж, подошли к кабинету генерала Вознюка, и Тюрменко постучал в дверь. Послышался голос генерала Вознюка: «Войдите!» Мы вошли в кабинет. Кроме генерала Вознюка в его кабинете находились еще трое: начальник отдела кадров полковник Бобков, начальник политического отдела и начальник строевого отдела. Тюрменко доложил Вознюку о нашем прибытии, на что Вознюк ответил: «Вижу, вижу, что прибыли! Садись, Семен! — обратился он к Тюрменко. — А вам, товарищи начальники, я представляю старшего лейтенанта Терновых, начальника отделения, служащего у Семена. Хороший парень, со светлой головой и крепкой хваткой во всем. Вы знаете, это он ведь хватанул меня, когда мы с женой прогуливались в районе общежития на улице Островского. Так он меня тогда хватанул, что я думал: ну все — конец мой настал. Тяжелая рука у этого парня. Но, знаете, я на него не в обиде. Бывая на стартовых площадках, я все время смотрю, как он работает. Прекрасно работает, и отзывы о нем очень хорошие. А вот Семен что-то имеет против этого старшего лейтенанта. Парень просится на учебу, а Семен упорно не хочет его отпускать. То делает ссылку на молодость этого парня, то теперь придумал для себя оправдание, что заменить этого смышле-

ного парня некем. Как вы считаете, товарищи начальники, прав ли Семен, поступая так по отношению к этому парню?»

Начальник отдела кадров полковник Бобков, который в своё время долго не мог мне подобрать должность испытателя, когда я только что приехал на полигон, произнес: «Да, я тоже слышал об этом парне хорошие отзывы. А незаменимых людей у нас нет. Замену мы с полковником Тюрменко старшему лейтенанту найдем. Пусть едет поступать. А что касается старых ошибок, то у кого из нас их не было».

Начальник политотдела тоже высказался за то, что надо отпустить, раз парень осознал свой проступок, не допускает нарушений дисциплины, а в работе и обучении личного состава его ставят в пример в части. Его отделение занимает одно из первых мест в части.

«Так ли это, Семен? – спросил Вознюк полковника Тюрменко. – Почему ты не хочешь отпустить парня? А то ведь парень выйдет в перестарки и останется необученным. Что ты на это скажешь?»

«У меня сейчас действительно туговато с кадрами и мне некого поставить вместо него. А участок его работы очень ответственный, – ответил угрюмо Тюрменко. – Я ведь не против отпустить его, но кем его заменить?»

«Так ведь начальник отдела кадров пообещал помочь вам подыскать замену старшему лейтенанту», – сказал Вознюк.

«В общем, так, – продолжил он, – я думаю, что вопрос с учебой старшего лейтенанта нами решен».

И, повернувшись ко мне, Вознюк добавил: «Понятно, Иван Васильевич? Вы поедете поступать. Семен отпустит вас. Но надо подготовиться и обязательно хорошо сдать вступительные экзамены. А сейчас вы – свободны!»

Я поблагодарил всех, спросил разрешения выйти и, получив его, начал движение к двери кабинета. Но тут же услышал голос Тюрменко: «Подождите меня у выхода!»

Ответив: «Слушаюсь!» – я вышел из кабинета генерала Вознюка. В моем разгоряченном мозгу носились такие бури, которые буквально захлестывали весь мой организм, все мое сознание.

«Мне разрешено ехать для сдачи вступительных экзаменов!» – на все лады пелась эта фраза во мне. Я был благодарен генералу Вознюку за его отеческий подход ко мне и моей судьбе. Он ведь мог совсем по-другому отнестись ко мне, как к разгильдяю, дебоширу и вообще никчемному офицеру. Но он увидел во мне мое стремление вперед, мое трудолюбие и мою настоящую офицерскую струнку.

14.2. Резюме командира части полковника Тюрменко С.Я.

Через некоторое время из кабинета вышел и Семен Тюрменко. «Ну, что, Терновых, пожаловался? Не отпускаю я тебя учиться, да? Я отпущу тебя, но запомни: если не сдашь вступительные экзамены и приедешь назад в часть, то я тебя арестую на пятнадцать суток гауптвахты и больше хрен ты у меня куда-либо поедешь! Запомнил? А теперь иди и думай!»

Сказав это, он вышел из штаба, сел в машину и уехал.

Я вышел из штаба огорченный последней тирадой Тюрменко и побрел в общежитие. По дороге я прокрутил всю картину посещения кабинета генерала Вознюка и успокоился. В конце концов, действительно, от полковника Тюрменко многое зависит. Он – мой командир, но ведь над ним стоит генерал Вознюк, а он – на моей стороне. Будь, что будет!

Через два дня после этого меня вызвал к себе начальник строевого отделения части старший лейтенант Качан В. и попросил, чтобы я написал новый рапорт с просьбой о разрешении мне командованием части поездки в высшее военное учебное заведение для сдачи вступительных экзаменов.

Я написал новый рапорт, избрав для поступления Ростовское высшее инженерное училище, где уже учился мой двойной тёзка – сын генерала Вознюка, Иван Васильевич.

14.3. Обучение моего преемника

Позже я узнал, что такие же рапорта написали старшие лейтенанты нашей 5-ой команды А.Фокин и Ю.Дьяков.

Собравшись как-то вместе, мы втроём решили начать свою совместную подготовку к поступлению в училище. Надо было нанять преподавателя-математика, чтобы вспомнить математические азы. Вскоре мы нашли женщину, которая работала в школе села Капустин Яр преподавателем математики. Она организовала подобие подготовительных курсов за небольшую плату с каждого из нас. Набралось нас, желающих поучиться, около десяти человек. Правда, мы посещали эти курсы не всегда из-за своей занятости в работах, но азы математики, геометрии и тригонометрии мы, всё – таки, прошли и кое-что в наших головах осталось.

Остальные предметы мы готовили, каждый как мог. Очень много времени забирала работа и личный состав. По-настоящему нам наши занятия посещать не пришлось. Приходилось надеяться на свою память и на то, что еще впереди есть немного времени для каких-то самостоятельных занятий.

Положенный мне отпуск при части для подготовки к экзаменам полковник С. Тюрменко не дал, сославшись на то, что еще нет мне замены, и что ее усиленно подыскивают среди офицеров части. Я должен был подготовить себе преемника, которого вскоре нашли-таки в лице старшего лейтенанта Н. Федосеева, начальника физической подготовки части, сменившего на этой должности два года назад старшего лейтенанта А. Швецова.

В технике он разбирался слабо, и мне приходилось подолгу объяснять ему, что к чему, и как нужно действовать в тех или иных ситуациях. Его подготовка для меня была целой эпопеей.

Потихоньку кое-что из технических вопросов, находящихся в ведении моего отделения, он усвоил. Работы в это время было много. Не успеешь вывезти на стартовую площадку одну ракету, как уже подготовлена к вывозу следующая, и ее надо доставлять на стартовую площадку. А там следует приказ о проведении ряда занятий с личным составом прибывшей на стажировку сформированной ракетной бригады. Вместе с тем нельзя было забывать о занятиях со своим родным отделением, занятиях в офицерской группе по истории ВКП(б), по уставам, строевой и физической подготовкам и т.п.

К этому времени на левой стартовой площадке четвертая команда дивизиона майора М. Терещенко начала проведение интенсивных работ с ракетой Р-12 (8К63), сконструированной КБ под руководством М.Е. Янгеля. Это была ракета на высококипящих компонентах топлива. Её я, так же, как и ракеты предыдущих типов, выгружал из вагонов, подавал для испытаний в МИК, а затем вывозил на «левую» стартовую площадку 4Н, где стыковал к ней доставленную с площадки В2 головную часть. Одновременно с этим я участвовал в ходовых испытаниях грунтовой тележки с уложенным на нее макетом ракеты Р-12. Тележка не была приспособлена для её транспортировки по грунтовым дорогам, а тем более по бездорожью. Мощный тягач АТТ свободно преодолевал на своих гусеницах все неровности астраханской степи, а грунтовая тележка с возложенным на неё макетом ракеты при движении переваливалась с боку на бок, с кочки на кочку, грозя опрокинуться на один из боков вместе с

макетом ракеты. Тележку вместе с макетом мы возили по степным пыльным дорогам и по бездорожью с замиранием сердца. По техническим условиям мы должны были добираться по бездорожью на предусмотренные условные полевые стартовые площадки для пуска ракет. В процессе этих испытаний участвовала машина сопровождения. Можно представить себе, что пришлось нам испытать в жару, пыль и грязь в процессе движения. В кабине АТТ постоянный грохот от его пятисотсильного дизельного двигателя, в его негерметичную кабину постоянно вползает шлейф степной пыли, от которой нечем дышать, кабина, нагретая от работы двигателя, дополнительно раскаляется от лучей немилосердно палящего солнца. В таких условиях мне самому несколько часов лично приходилось управлять тяжёлым артиллерийским тягачом, к которому была прицеплена транспортная тележка с макетом ракеты. Грунтовая тележка, макет ракеты и мы с ними вместе испытания выдержали, не опрокинули и не вывели из строя оборудование. Тележку по представленным нами данным, полученным в процессе испытаний, приняли на вооружение.

А вот до момента принятия на вооружение самой ракеты я немного не доработал. Надо было уезжать в ВВУЗ для сдачи вступительных экзаменов.

Относительно ракетного комплекса Р-12 (8К63) скажу, что на протяжении всей истории РВСН он был самым надёжным и эффективным среди ракет среднего радиуса действия. Он отлично зарекомендовал себя во время Карибского кризиса, в большом количестве учебно-боевых пусков, а так же во время учений, проходивших с его участием. Ракетные комплексы Р-12 (8К63) и Р-12У (8К63У) стояли на боевом дежурстве более 30 лет. За этот период ракета 8К63 находилась на вооружении 15 дивизий РВСН, а всего дивизий в этом периоде было 30. Это о чём-то говорит!

Этот ракетный комплекс зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, обеспечивая великолепную точность попадания ракеты в цель, сводя при этом к минимуму возможность технического воздействия на ракету в полёте. Кроме того в августе-сентябре 1961 года впервые в истории Советского Союза и его Вооружённых сил была на практике реализована возможность доставки к целям боевых термоядерных зарядов большой мощности с использованием ракет средней дальности. Таких зарядов было два, один из которых по мощности в 57 раз превосходил атомную бомбу, сброшенную американцами на Хиросиму 6 августа 1945 года, а второй – в 45 раз. Этими ракетами были

ракеты Р-12 (8К63 созданные в КБ Михаила Кузьмича Янгеля).

И было до слёз жаль, что мы по договору между СССР и США, подписанному 8 декабря 1987 года, собственными руками за два года (1988-1990гг) уничтожили 155 прекраснейших ракет 8К63, 72 стартовые площадки для них, и 246 единиц вспомогательного оборудования.

Это было настоящее мракобесие! А ведь нашей красавице, надёжной ракете 8К63 на земном шаре установлено восемь памятников. Причём два из них установлены вне территории России. Один памятник установлен на Кубе, а второй – в США.

Закончили мы летные испытания королёвской ракеты Р-5М, которые проводили с февраля 1956 года, выполняя на ней проверку отдельных систем для перспективной межконтинентальной ракеты пакетной схемы Р-7. Последний зачетный пуск этой ракеты мы проводили с большой опаской, так как основание пускового стола в нескольких местах прогорело и приходилось многократно проводить латание этих дыр методом заварки. Опорная часть стола выгнулась и при установке на него ракеты (особенно в процессе подъема ракеты в вертикальное положение) стол шатался из стороны в сторону. Чтобы исключить эту качку, мы вынуждены были под основание стола загонять листы автомобильных рессор, тем самым выбирая образовавшийся зазор между основанием стола и бетонной площадкой, на которую устанавливался пусковой стол. Установку ракеты на последний пятнадцатый зачетный пуск мы проводили с замиранием сердца. Дело в том, что дул довольно сильный ветер, и стол, под действием напора ветра и поднятой на определенный угол ракеты, которая представляла собой довольно приличный парус, усиленно раскачивался. Представители промышленности выражали обеспокоенность по поводу прочностных характеристик проушин стола и консолей грунтовой тележки, а также надежности крепления пускового стола к бетонному основанию.

Но все закончилось благополучно. Ракета была установлена в вертикальное положение, подготовлена, заправлена и пущена в назначенное время. Представители промышленности от души поздравили нас с окончанием этапа летных испытаний этой ракеты.

Позже состоялся приказ о поощрении всех, кто участвовал во всех этапах отработки этой ракеты. Ракета была принята на вооружение.

Приказ о поощрении был подписан в мое отсутствие на полигоне.

14.4. Кандидат в члены КПСС

Наступила пора уезжать в отпуск перед поступлением в училище. Надо было готовиться к вступительным экзаменам. С большой тревогой в душе я получил отпускной билет, проездные документы. Попрощался с личным составом отделения, офицерами команды и дивизиона. Меня поразило удрученное состояние многих солдат, а Петр Петрович, не скрывая слез, плакал. Я пожелал им успешного окончания службы, чтобы каждый день их службы был, пусть небольшой, толикой в деле укрепления обороноспособности Родины. С каждым из них мы обнялись и попрощались. Зашел я и в штаб части, чтобы попрощаться с офицерами служб, и снова встретился с полковником Тюрменко. Он не преминул напомнить мне про записку об арестовании в случае моего непоступления в училище, но все же пожелал мне успешного поступления.

Уезжал я с тяжелым чувством. Оно было двояким: с одной стороны было очень жаль, что покидаю полюбившийся мне коллектив и беспокойную, ответственную работу, а с другой стороны постоянно сверлила мысль, «что будет со мною, если я не поступлю?» Стыдно мне будет возвращаться в часть к тем, с кем уже попрощался. Стыдно вдвойне потому, что коммунисты части, несмотря на мой бывший проступок, приняли меня кандидатом в члены партии. А случилось это так. Когда я еще служил в дивизионе Терещенко, меня, несмотря на мое «художество», усиленно опекал и агитировал заместитель по политической части командира дивизиона майор Козловский. Не знаю почему, но он все время уделял мне определенное внимание и предлагал написать заявление о вступлении кандидатом в члены партии.

Кроме него, последнее время на меня обратил внимание секретарь партийной организации части майор Брызгалов, которого я, признаюсь, не любил только из-за того, что он, во время наших тяжелых работ на стартовой площадке, приходил и становился возле автомобильных заправщиков спиртом и стоял возле них, пока они, заправив ракету, не уезжали со стартовой площадки. И за эту свою стоянку он почти всегда получал премию и немалую, а нам если когда-то и выдавали премию, то мизерную по сумме.

Так вот, он однажды подошел ко мне и спросил, правда ли, что я собираюсь ехать поступать в Ростовское училище. Я ответил положительно. Тогда он мне заявил следующее: «Во-первых, ты не член

партии и даже не кандидат в члены партии. А тем, кто ими уже являются, при поступлении отдается предпочтение. Во-вторых, твоя карьера без вступления в ряды партии будет минимальной. Поэтому, я тебе советую подать заявление с просьбой принять тебя кандидатом в члены партии».

Я с удивлением выслушал это откровение секретаря партийной организации части и сказал ему: «А как же быть с моим судом чести? Ведь это темное пятно на мне, а после подачи заявления оно перейдет и на коммунистов части». В ответ он сказал мне, что я своим честным трудом это пятно давно смыл, и поэтому меня отпускают на учебу и предлагают вступить в партию кандидатом в её члены.

Выслушав его доводы, я проанализировал обстановку с кадрами в родной части, да и кое-что с кадрами на полигоне в целом и пришел к выводу, что он в этом смысле прав. Поговорил я и со своими товарищами. Они подтвердили правильность слов Брызгалова. И я взялся за перо. Заявление получилось очень коротким. Вскоре меня пригласили на партийное собрание части, где зачитали мое заявление, две рекомендации, которые мне дали заместитель по политической части дивизиона майор Козловский и начальник службы специального вооружения части подполковник Михальчук. Собрание покритиковало меня за имевший место случай с начальником полигона, за который я был предан суду офицерской чести. Но выступления Михальчука и Козловского разрисовали меня в красках. В этих выступлениях я выглядел уже классным специалистом, хорошим и умелым воспитателем личного состава, исполнительным и трудолюбивым офицером и т. п.

Собрание коммунистов части приняло меня кандидатом в члены партии. Я прекрасно понимал, что для меня это новое начало дополнительных обязанностей и ограничений.

Но, тем не менее, теперь я уезжал в отпуск, к родителям.

14.5. Подготовка к сдаче экзаменов в ВВУЗ

Приехав в родное село Сторожевое, я погулял пару дней, и потом засел за учебники. Я уходил на берег сельского пруда, расстилал там, на траву одеяло, садился и штудировал без конца математику, литературу, иностранный язык (немецкий), химию, физику. Изредка, по вечерам, в выходные дни, вместе с сестрой мы посещали сельс-

кий клуб, где демонстрировались кинофильмы или устраивались танцы под радиолу. Клуб был маленький, народу всегда приходило много. Парни отчаянно курили, и порою в зале, где проходили танцы, висело густое облако дыма. Поэтому в клуб меня особенно не тянуло, а больше пойти было некуда.

Отпуск, а вместе с ним и моя подготовка к поступлению, закончились. Месяц пролетел как во сне. Надо было ехать в Ростов. Если сказать, что я был подготовлен на сто процентов к поступлению, то это было бы неправдой. Определенные дыры в знаниях были, и я больше всего боялся провала на экзаменах из-за этих дыр. Возвращаться назад в часть после этого и с чувством вины смотреть в глаза своим командирам и товарищам...

Нет, этого не должно быть! Я обязательно должен сдать экзамены и поступить!

С этой уверенностью в душе я и отправился навстречу очередным испытаниям в город Ростов.

Вступительные экзамены в Ростовское высшее командно-инженерное училище я сдал успешно и был зачислен слушателем на первый механический факультет. Прибыв в родную войсковую часть для расчёта после поступления на учёбу, первым кого я встретил из офицеров части, конечно же, был полковник Тюрменко С.Я. Он первым и поздравил меня с поступлением в ВВУЗ. Прощание с личным составом моего отделения было несколько душещипательным. Не менее душещипательным было прощание с набравшим темпы испытательной работы городком, превращавшимся в настоящий город с прекрасным требовательным командованием и не менее прекрасными жителями, большинство из которых были моими сослуживцами-испытателями.

Пять лет настойчивой учёбы в Ростовском училище, в этом прекрасном учебном заведении, пролетели очень быстро. Но за эти пять учебных лет я успел не только успешно окончить курс обучения, но и жениться, и родить двух сыновей. После окончания учёбы я в единственном числе был направлен на северный полигон (в войсковую часть 13991) на должность инженера — испытателя, где мне всегда очень помогала практика проведения испытательных работ, приобретенная мною в дорогом мне полигоне Капустин Яр. Службе по испытаниям ракетно-космической техники на северном полигоне мною было отдано двадцать лет. Здесь у меня в 1975 году родилась

дочь. В чине полковника я в 1984 году был переведен в Центральный научно-исследовательский институт космических средств (ЦНИИ КС – 50), в котором по достижении предельного срока службы уволен в запас.

Прошли годы, а в моём сознании настолько отложились все тонкости и трудности первых шагов в моей юности, связанные с испытательной деятельностью в Капустином Яре, которые мы совершали вместе с родной страной по пути её защиты от врагов, по пути совершенствования её обороноспособности, что они заставили меня изложить накопленный в памяти, ставший уже историческим материал, для тех читателей, которые пришли в современную жизнь после нас.

Проходят годы, сменяются поколения, совершенствуется техника, эффективное использование которой было бы невозможно без наличия хорошо подготовленных специалистов-ракетчиков.

Истинный смысл слово «ракетчик», как профессия мужественных, смелых, пытливых, любознательных, настойчивых и трудолюбивых людей обрело на Государственном центральном полигоне, расположенном на астраханской земле.

Многие образцы ракетно-космической техники были испытаны на этом полигоне и получили путёвку в жизнь. Здесь испытывалось, да и сейчас испытывается большое количество разнообразных ракет малой и средней дальности, крылатых ракетных комплексов и ракет ПВО.

По открытым данным, начиная с 1950 -х годов на полигоне проведено, как минимум, 11 ядерных взрывов (на высотах от 300 метров до 5,5 километров), суммарная мощность которых составляет примерно 65 атомных бомб, сброшенных американцами на город Хиросиму.

Кроме ядерных испытаний на полигоне было взорвано 24 тысячи управляемых ракет, испытано 177 образцов военной техники, уничтожено 619 ракет средней дальности РСД-10 («Пионер»).

Сегодня полигон - это крупнейший научно-исследовательский и испытательный центр Европы.

Он располагает высококвалифицированными кадрами, оснащён современным оборудованием и техникой и уверенно смотрит в будущее.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Терновых Иван Васильевич родился 13 августа 1933 года в селе Сторожевом, Усманского района, Воронежской области.

После окончания средней школы с 1952 по 1954 гг. учился в Тамбовском Артиллерийско-техническом училище.

С 1954 по 1955 гг. учился на Центральных артиллерийско-технических курсах усовершенствования офицерского состава (ЦАТКУОС) в городе Пензе, на которых изучал материальную часть немецкой ракеты V-2 (ФАУ-2) немецкого конструктора Вернера фон Брауна и её технологическое оборудование. Курсы закончил с отличием и был направлен на Государственный центральный полигон в Капустином Яре для прохождения службы.

С 1955 по 1959 гг. служил испытателем в испытательной войсковой части 31925 и обучал личный состав первых сформировавшихся тогда ракетных бригад.

С 1959 по 1964 гг. — слушатель Ростовского высшего командно-инженерного училища.

С 1964 по 1984 гг. служил в войсковой части 13991 (ныне космодром «Плесецк») на различных должностях, связанных с испытаниями ракетно-космической техники.

С 1984 по 1988 гг. проходил службу в Центральном научно-исследовательском институте космических средств (ЦНИИКС-50).

В ноябре 1988 г. по достижении предельного возраста уволен в запас.

С 1988 по 1993 гг. работал в ЦНИИКС-50 научным сотрудником.

С 1993 года и по настоящее время работал и работает в различных организациях, однако дело развития и совершенствования ракетной и ракетно-космической техники и укрепления обороноспособности страны продолжал и продолжает до сих пор.

Полковник в отставке. За свой труд И.В.Терновых награждён орденом К.Э.Циолковского и различного рода медалями, среди которых: им. К.Э.Циолковского, им. С.П.Королёва, им. Ю.А.Гагарина, им. Г.Т.Берегового, «За трудовое отличие» и двенадцать других медалей.

29 марта 1999 г. И.В.Терновых был избран действительным членом корреспондентом Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

9 августа 2000г. Федерацией космонавтики России И.В. Терновых

было присвоено почётное звание «Заслуженный испытатель космической техники», удостоверение было подписано президентом Федерации космонавтики вторым лётчиком- космонавтом Г.С.Титовым.

За заслуги в области развития и применения ракетной техники он награждён медалью М.И.Неделина.

Литературным творчеством занимается с юных лет.

И.В.Терновых написаны и выпущены три книги стихов: «Я – сын степи», «Жизнь многогранна», «Живу лишь небом и землёй».

Он - соавтор книги «Стратеги», поэтического сборника ракетчиков, 2000 года издания, который является антологией стихов о творцах и соратниках Ракетно-космических свершений.

Им написаны и изданы книги прозы, посвящённые вопросам создания и развития в стране ракетно-космической техники и беззаветному труду ракетчиков-испытателей: «Тропинка в космос» и «Записки инженера-испытателя». В настоящее время в процессе издания находится его книга «Начало космической эры» и подготовлена к изданию книга прозы «Прожитое и пережитое».

Член жюри Литературного конкурса на соискание литературной премии «Щит Отечества» им. дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Крылова Н.И.

С.П. Королев

Вернер фон Браун

*Маршал М.И. Неделин,
первый Главком РВСН*

*Генерал-полковник В.И. Возняк,
начальник ГЦП*

*Генерал-полковник
И.И. Волкотрубенко,
начальник ЦАТКУОС*

*Генерал-полковник
Г.Н. Малиновский,
преподаватель ЦАТКУОС*

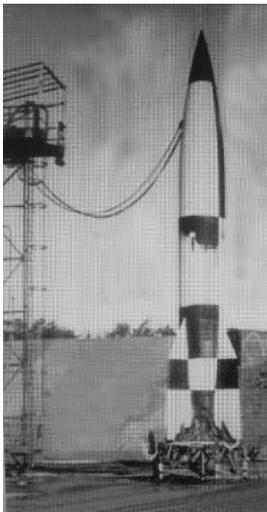
Палаточный город первопроходцев

Строительство стенда для испытаний ракеты А-4

Первый монтажно-испытательный корпус (МИК)

*Баллистическая
ракета А-4
(ФАУ-2)*

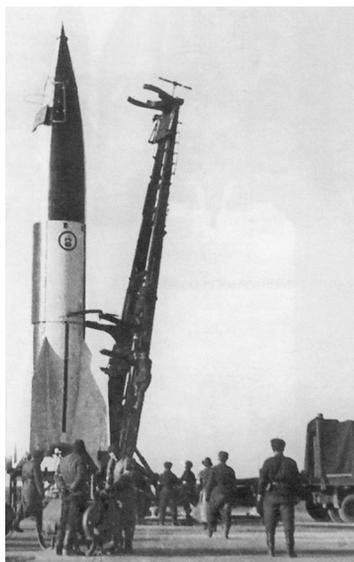
*Бронемашина (МУ-2М) для управления
пуском ракеты А-4 и пусковой стол*

*Ракета А-4 на
стартовой
позиции*

Вывоз ракеты

*Установка ракеты Р-1
на стартовой площадке.*

*Генерал-майор Вознюк В.М.
у перископа*

Памятник ракете А-4

*И.В. Терновых во время
прибытия в Капустин Яр
для прохождения службы*

Здание гарнизонного Дома офицеров (Капустин Яр)

*Здание штаба
в/ч 15644.*

*Памятник
В.И. Сталину в
военном городке.*

Первые двухэтажные дома.

Степь в окрестностях Капустина Яра.

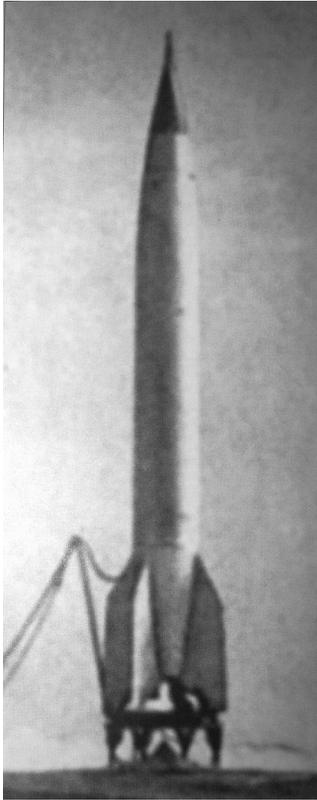

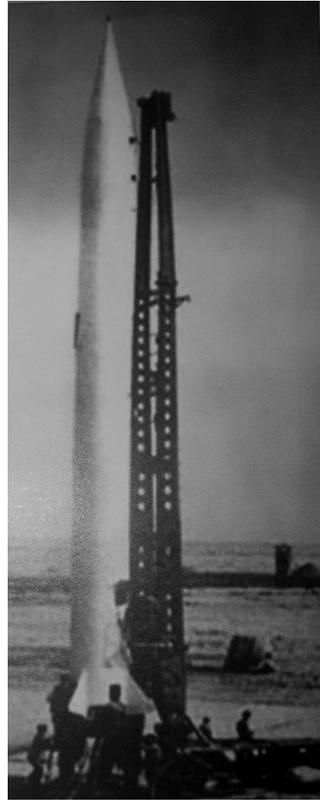
Река Подстѣпка

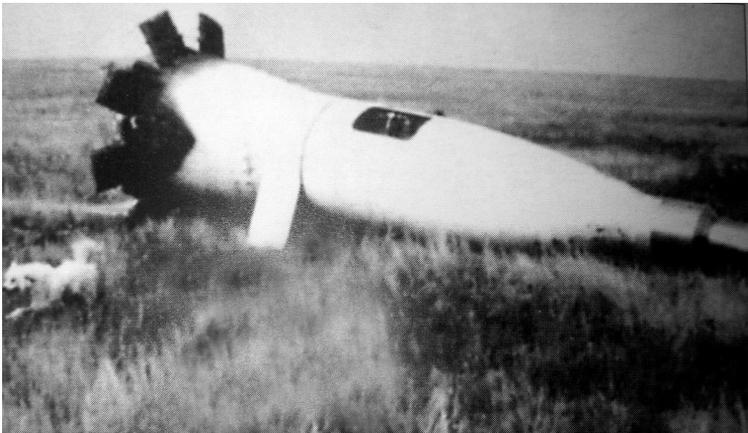
Степь, где падают отработавшие части ракеты

*Балистическая
ракета Р-2 на
пусковом столе*

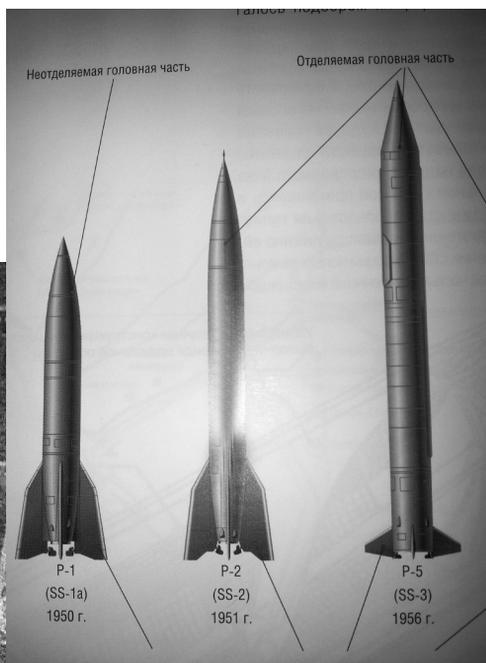
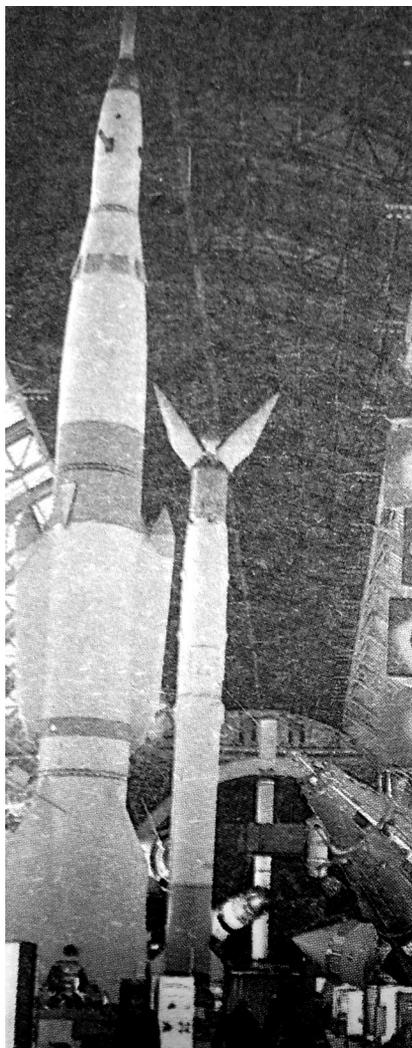
*Установка
ракеты Р-5М*

Возвращаемая головная часть ракеты Р-5

Ракеты Р-1, Р-2, Р-5

Геофизическая ракета Р-2А,
доставленная И.В. Терновых
на ВДНХ в феврале 1956 г.

*И.В. Терновых (в центре) с сослуживцами
на балконе общежития на ул. Островского, д. 3.*

*И.В. Терновых с приехавшими к нему родственниками: с сестрой
Антониной, братом Николаем и сослуживцем А. Фокиным.*

Подполковник Д.Т. Михальчук.

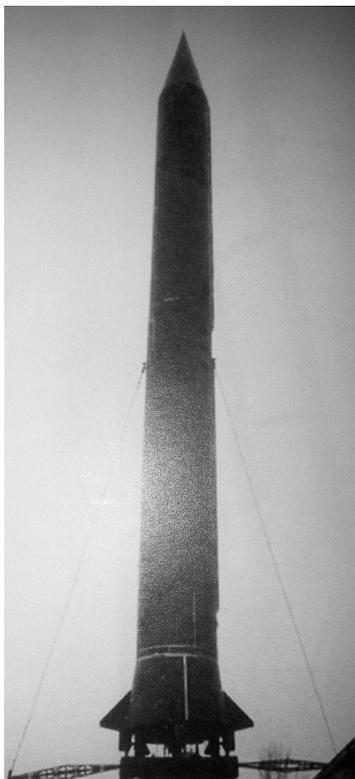
Майор А.Н. Бердов.

*Расчет монтажно-технического отделения.
Стыковка грузового макета ГЧ с корпусом ракеты.*

*Подготовка
ракеты Р-12 к пуску*

*Ракета Р-12
подготовлена к пуску*

*Это всё, что на сегодня осталось от испытательного
стенда и командного пункта в Капустином Яре*

Сослуживцы Ивана Терновых Николай Сергеев и Игорь Разживин.

*И.В. Терновых
во время отъезда
в г. Ростов
для сдачи экзаменов
в высшее военно-учебное
заведение*

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>От автора</i>	3
<i>Глава 1.</i> Окончание Великой Отечественной войны.....	5
<i>Глава 2.</i> Строительство Государственного центрального полигона (ГЦП).....	14
<i>Глава 3.</i> Рождение РВСН.....	20
<i>Глава 4.</i> Назначение в Капустин Яр.....	27
<i>Глава 5.</i> Я – испытатель!.....	58
<i>Глава 6.</i> Мир не без добрых людей.....	82
<i>Глава 7.</i> Будни молодого ракетчика.....	93
<i>Глава 8.</i> Несчастье одно не приходит.....	103
<i>Глава 9.</i> Я – нарушитель воинской дисциплины!.....	115
<i>Глава 10.</i> Офицерам-холостякам приходилось испытывать многое....	137
<i>Глава 11.</i> Доставка необходимых средств на «точку» 90-й команды.....	146
<i>Глава 12.</i> Изменения в служебном положении.....	156
<i>Глава 13.</i> «Художества» личного состава.....	170
<i>Глава 14.</i> Терпение и труд побеждают.....	180
<i>Биографическая справка</i>	190

Иван Васильевич ТЕРНОВЫХ

НАЧАЛО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

*Государственный центральный полигон
«Капустин Яр» (1954 - 1959 гг.)*

ISBN 978-5-91642-095-1

Редактор Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать 02.02.2013 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton C.
Печать офсетная. Печ. л.: 13
Тираж 100 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
тел.8-962-965-51-64, факс: +7(499)246-53-11.
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного издательством
электронного оригинал-макета
в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4а
тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.